

Л.С. Явич

Сущность
права

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА'

Л. С. ЯВИЧ

СУЩНОСТЬ ПРАВА

*Социально-философское понимание генезиса,
развития и функционирования юридической формы,
общественных отношений*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1985

Книга посвящена социально-философским проблемам права, раскрывает связь между правовыми и производственными отношениями, законом и государственной властью, юридическими и нравственными нормами, показывает глубину сущность права и ее проявление в законодательстве, правосудии, законности и правопорядке. Утверждая объективную обусловленность и социальную ценность права, автор руководствуется основополагающими трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, решениями КПСС и Конституцией СССР.

Монография предназначена для юристов, философов, социологов, экономистов и историков, аспирантов гуманитарных вузов, студентов юридических учебных заведений, а также для всех интересующихся марксистско-ленинской философией права.

Рецензенты: чл.-корр. АН СССР *Д. А. Керимов* (Отд. философии и права АН СССР), д-р юрид. наук *В. П. Казимирчук*
(Ин-т государства и права АН СССР)

УДК 34.01
И
511439

ВВЕДЕНИЕ

Проблема сущности права — важнейший вопрос марксистско-ленинской общей теории права, центральное звено ее философско-мировоззренческой тематики. Актуальность этой проблемы определяется в первую очередь значением самой правовой действительности в жизни классового и государственно организованного общества, в том числе и при социализме. Завершающийся XX век еще раз подтвердил историческую роль права в судьбах человеческой цивилизации, целых народов и каждого человека. И это относится как к праву, действующему внутри страны, так и на международной арене. Наше бурное, наполненное революционными событиями и отдельными реакционными сдвигами столетие показало вновь, что хотя законы и суд не всегда играли в истории положительную роль, но без права, законности и правосудия в государстве нельзя достигнуть социального прогресса, обеспечить нормальное функционирование материального производства и институтов политической демократии, защиту культурных завоеваний, наладить эффективное управление и стимулировать всестороннее развитие личности. Без права нельзя решать современные глобальные вопросы, нет возможности закрепить мир между народами, оградить людей от варварского истребления и обеспечить само будущее человечества.

Вот почему в наше время более, чем когда либо в прошлом, есть потребность в философском осмысливании права, в диалектико-материалистическом восприятии и широком мировоззренческом понимании ценности юридической формы общественных отношений, в раскрытии гуманистического и нравственного потенциала права. Без всего этого трудно проникнуть в глубинную сущность права, которая на поверхности жизни способна проявляться в различных формах и в разном виде, разветвляясь в целостную и структурированную правовую надстройку над экономическим базисом. Познание сущности права, в свою очередь, позволяет верно определить место государственной деятельности в динамичных и сложных процессах пра-

вообразования, а также правореализации, выявить объективные закономерности генезиса, развития и функционирования правовых общественных отношений, высветить реальную значимость законности и правопорядка в конкретных странах и в мировом масштабе, верно определить возможности закона и суда в борьбе против правонарушаемости, в социальном контроле над отклоняющимся поведением индивида, в его ресоциализации. Только поняв сущность права, мы избавляемся от наносящего большой вред юридического нигилизма, как и от столь же опасных надежд на безграничные возможности государственно-правовой деятельности — можем с достаточной научной достоверностью очертить пути и границы влияния юридической формы на экономические и иные отношения. Таким образом, надо полагать, что проникновение в сущность права имеет не только познавательный или идейный смысл, но и обладает практически-политической значимостью.

Тут следует оговорить, что юридическая наука развертывает как прикладные, так и фундаментальные исследования. Анализ сущности права и соответственно формирование его общего понятия, выведение научных определений, целостное осмысление глубинных пластов функционирования юридической формы общественных отношений представляют собой область фундаментальных знаний. Естественно, что общетеоретические выводы философско-мировоззренческого уровня юриспруденции редко могут воплотиться в политико-юридическую практику, минуя отраслевые юридические дисциплины. К тому же технико-юридическое совершенствование нормативного материала мало и нуждается в подобном восприятии права. **Значение** теоретико-философского освоения права в этом. Основанное на диалектическом и историческом материализме, оно в состоянии ставить кардинальные проблемы социального бытия права, вскрывать объективную необходимость существенных изменений юридической формы соответственно происшедшим сдвигам в общественных отношениях, намечать основные линии развития правовых систем, выявляя их устойчивые и соответствующие силы, оказывающие на них решающее влияние, формулировать основополагающие идеи права. Опыт, практика подтверждают верность ленинского положения о том, что «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы. А наткаться слепо на них в каждом частном случае значит обречь свою политику на худшие шатания и беспринципность».¹ Сказанное имеет отношение и к правовой политике государства.

Последнее обстоятельство и заставляет обращать внимание на развитие фундаментальных знаний о праве.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

Среди многочисленных сложностей, стоящих на пути социально-философского восприятия права, отметим лишь некоторые трудности, которые надо при этом преодолевать. Прежде всего приходится учитывать черты, свойственные, так сказать, юридическому мышлению, склонному к известной гипперболизации внешних форм проявления права и довольно часто находящемуся в плену традиционно сложившихся юридических понятий. Поскольку последние имеют подчас практическое значение, их нельзя просто игнорировать или с необдуманной легкостью изменять. Категориальный аппарат юридической науки и внедрившиеся в юридическую практику определения важно при наличии на то реальной возможности сохранять, обогащая их смысл и содержание. Такой подход необходим и для того, чтобы сохранять элементы преемственности в науке, и для того, чтобы максимально избегать ненужных терминологических споров и семантических недоразумений.

Далее. Приходится иметь в виду, что в научно-познавательном плане раскрытие сущности права представляет начальный этап исследования, после чего начинается нелегкий путь восхождения от абстрактного к духовно-конкретному. Лишь это дает достаточно полноценное теоретическое объяснение многообразных проявлений сущности права на поверхности общественной жизни, в том числе и в законодательной деятельности, отправлении правосудия, государственной охране правопорядка, защите прав граждан и т. п. Именно таким образом диалектико-материалистическая философия оказывается способной не только объяснить право, но и активно способствовать преобразованию его абстрактных и конкретных форм соответственно вскрытым объективным закономерностям генезиса, развития и функционирования юридической реальности. Познание ради познания всегда грозит превратиться в бездушный сциентизм. Задача состоит в том, чтобы вскрыть социальную ценность правопорядка и правовой культуры, определить положительный потенциал правового регулирования, позволяющий использовать юридические реалии в коммунистическом преобразовании общества. При подобном подходе проблема сущности права предполагает общетеоретический анализ всей правовой реальности; и ее действительным исходным пунктом оказываются не заранее сформулированные дефиниции, а только фактические общественные отношения, имеющие юридическую природу.

Наконец, сложность глубокого теоретического освоения сути и ценности права при социализме заключается, очевидно, в том, что наша страна находится в начале длительного исторического этапа совершенствования зрелого социалистического общества. Отмеченное означает, что и социалистическое право находится еще не на самой высшей ступени своего развития. Между тем научное освоение любых явлений, в том числе и права, относительно легче осуществить, имея перед собой их окончательно

созревшие формы. Особенно важно в данном случае то, что в пределах развитого социализма будет происходить становление — в главном и основном — бесклассовой структуры советского общества, а следовательно, и неполитического государства.² Это означает, что будет происходить усиление общесоциальных функций государства, направленных на практическое решение задач, связанных с общими делами, вытекающими из природы всякого общества.³ Последнее непременно отразится на характере законодательной и правоприменительной деятельности государства, да и уже в наше время начинает отражаться.

Насколько успешно будет выполнять юридическая форма социалистических отношений общесоциальные функции зависит, разумеется, от многих обстоятельств и в том числе от того, в какой степени окажутся научно освоенными не только классово-волевая, но также социальная и экономическая основы права, его прогрессивный потенциал, способность обеспечивать равный и относительно справедливый масштаб свободы и ответственности.

Подчас относятся довольно скептически к относительно самостоятельной разработке философии права, не принимая во внимание того, что во всей современной науке происходит интенсивный интеграционный процесс, важнейшей чертой которого оказывается тенденция к синтезу философского и частнонаучного подходов к познанию природы и общества.⁴ Этот интеграционный процесс обусловлен как достигнутой степенью развития теоретического знания, так и насущными потребностями общественно-исторической практики. И если негативное отношение к философскому осмыслению правовой действительности вызывается прежде всего спекулятивным характером буржуазной мировоззренческой концепции юридического феномена, то нельзя упускать из вида, что в советской науке речь идет о диалектико-материалистической философии права — стержневой структуре марксистско-ленинской общей теории юридической надстройки над экономическим базисом классового общества.

Вопросы, излагаемые в предлагаемой читателю книге, составляют содержание философии права, хотя и не исчерпывают его. С другой стороны, некоторые из проблем, затрагиваемых в работе, строго говоря, не имеют прямого отношения к философии права, но вне их описания нельзя было бы показать формы выражения и осуществления глубинной сущности интересующего нас явления, акцентировать внимание на его специфике.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 305; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 63, 101—102.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 422.

⁴ Готт В. С., Семенюк Э. П., Урсул А. Д. Категории современной науки. М., 1984.

«...Познание катится вперед от содержания к содержанию... начинается с простых определенностей и ...последующие определенности становятся все богаче и конкретнее».

Гегель

«...Анализ является необходимой предпосылкой генетической трактовки, понимания действительного процесса формообразования в его различных фазах».

К. Маркс

«...Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности».

В. И. Ленин

Часть первая

ОТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ К СУЩНОСТИ ПРАВА

Для того чтобы сложилось научное правопонимание, необходимо отправляться от реальных общественных отношений на определенном этапе их исторического развития. Это даст возможность проникнуть в действительное содержание права и его глубинную сущность, его основание. Соответственно развивается понятие права, многогранность которого требует множества определений. Путь от простых определенностей к абстрактно воспринимаемой сущности — первая часть познания права. Анализ сущности права оказывается необходимой предпосылкой генетической трактовки права, понимания его образования и действия, верного восприятия социальной жизни права во всем разнообразии ее проявлений, что уже будет представлять следующий этап познания правовой действительности.

Глава первая

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРАВА

§ 1. Право — сложный феномен общественной жизни

Мы редко задумываемся о том, что среди всех известных людям форм движения материи социальная форма наиболее сложна. В этом видится гносеологическая причина того извест-

ного факта, что общественная жизнь и ее объективные закономерности развития оказались позже иных форм движения материи предметом подлинно научного познания. И осуществить такое познание оказалось возможным только с позиций диалектико-материалистического подхода к истории человечества, который смог всю жизнедеятельность людей представить как противоречивое единство общественного бытия и общественно-го сознания, при определяющем влиянии первого на второе.

Сложным, многоплановым и разноуровневым социальным феноменом является и право. В первом приближении есть основание отождествлять его с законами государства. И тут с материалистической точки зрения оказывается несомненной его связь с общественным сознанием. Обширнейшая сфера духовной деятельности человека, определяясь, в конечном счете экономическими обстоятельствами, находит свое выражение «в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д.»¹ Генетическая связь законодательства, и прежде всего правосознания господствующих классов, в соответствии с которым принимаются юридические законы, генетическая связь законодательства с общественным сознанием дала основание К. Марксу отнести юридические нормы к области практического осознания действительности.²

Наряду с практическим осознанием действительности, к которому К. Маркс относил и мораль, им выделялось также научное, художественное и религиозное духовное освоение мира. Если на первых порах истории любое духовное осознание действительности было влечено в сам процесс материального производства, то в дальнейшем, по мере развивавшегося общественного разделения между физическим и умственным трудом, результаты духовного освоения (духовного производства) выделяются в виде особой надстройки над экономическим базисом общества. Помимо науки, все иные формы освоения сознанием человека материальных условий жизни носят оценочный характер. Поэтому в настоящее время философы-марксисты чаще всего различают две основные формы духовного осознания мира — научное и оценочное.

Итак, право может быть интерпретировано как особая форма общественного сознания, как оценочное духовное освоение общественного бытия.

Вместе с этим столь же очевидным оказывается и то, что право представляет собой не только идеологическую категорию. Общество — это люди и их деятельность. Условием любой общественной деятельности является труд — всеобщее условие «обмена веществ» между человеком и природой, а общественные отношения выступают как неременная оболочка произ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 24.

² См. там же, т. 12, с. 727—728.

водственной и иной деятельности людей.³ Деятельность людей составляет, таким образом, непосредственное содержание общественных отношений.⁴ Но совместная деятельность людей, в первую очередь — производственная, требует подчинения индивидов общим условиям производства и обмена.

2 «Урегулированность и порядок, — писал К. Маркс, — являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола».⁵ Цикличность производства позволяет отразить такой фактический порядок и закрепить его в обычаях, которые в дальнейшем, просуществовав длительное время, становятся законом, появление которого требует защиты со стороны государства. В данном аспекте право выступает как необходимый момент урегулированности и порядка в общественных отношениях, опосредующих производственную деятельность людей, как средство упрочения господствующего способа материального производства.

Однако сама производственная деятельность предполагает какую-то долю самостоятельности индивида, да и присваиваются результаты производства человеком не только для того, чтобы обеспечить себе существование, но и для того, чтобы добиться самостоятельности.⁶ В самой далекой древности, на первых ступенях рождения общества взаимная зависимость людей была такой, что индивид не выделял себя из социального целого, и потому объективно необходимая направленность деятельности могла обеспечиваться лишь стихийно складывавшимися элементарными запретами (табу). Привычка и страх гарантировали действие табу, которое воспринималось как некая природная или божественная сила, довлевшая над всеми. С совершенствованием орудий труда и усложнением человеческой деятельности, развитием интеллекта появляются необходимость и возможность дополнить запреты нормами должного поведения, что предполагало уже начавшееся формирование личности, осознание своего «я», своего долга перед другими и всем обществом (родом, племенем). Дальнейшее развитие производства и сознания, общественное разделение труда и его совершенствование, развитие владения в собственность и обмен товарами породили потребность (и возможность) в сравнительно активной и более разнообразной деятельности каждого члена общества. Новые условия жизни вызвали процесс формирования таких социальных норм, которые, помимо запретов и обязанностей, обеспечивали соответствующую возможность выбора решения и действия, т. е. предоставляли индивидам какие-то гарантированные права. Масш-

³ См. там же, т. 6, с. 441; т. 23, с. 195; т. 27, с. 408.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 149.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 356—357.

⁶ См. там же, т. 3, с. 67.

таб свободы личности обеспечивал ей долю самостоятельности, активности, самодеятельности — наличия свободы, хотя бы части населения, требовал сам способ производства. Подобный масштаб свободы требовал общественного признания и идеологического оправдания в качестве правильного, оправданного, считался господствующими «индивидами «правдой», а поведение в его рамках — правомерным. Возникает то, что на современном языке называют собственно правом.

С этой точки зрения право представляет собой не только средство подчинения индивидов условиям производства, но и способ обеспечения их самодеятельности. Важной спецификой права является то, что оно выражает и закрепляет общественный порядок, при котором исключается произвол, а вместе с этим обеспечивается исторически возможный масштаб свободы. Отсюда — восприятие права как сферы социальной свободы.

Право как продукт духовной деятельности, как разновидность оценочного духовного освоения действительности, как момент урегулированности и порядка в общественных отношениях, наконец, как сфера социальной свободы... Казалось бы, вполне достаточное разнообразие смысла, который вкладывается в категорию «право», если к тому же иметь в виду, что оно еще и подчас полностью ассоциируется с законом. Однако нетрудно убедиться в том, что почти на всех языках мира под термином «право» понимают не только особые нормы (общие правила) поведения, но и различные права участников общественных отношений.

В исторически генетическом плане любое нормативное регулирование поведения людей следует за казуистической регламентацией. Формирование общих правовых норм шло на основе признания и защиты индивидуальных прав при совершенно конкретных обстоятельствах. Основоположники марксизма писали, что в наиболее ранние и примитивные эпохи индивидуальные фактические отношения собственности, защищавшиеся самыми варварскими способами и выступавшие в самом грубом виде, и являлись непосредственно правом собственника, т. е. его субъективным правом. Только «с развитием гражданского общества, т. е. с развитием личных интересов до степени классовых интересов, правовые отношения изменились и получили цивилизованное выражение. Они стали рассматриваться уже не как индивидуальные отношения, а как *всеобщие*. Вместе с этим, благодаря разделению труда, охрана сталкивающихся между собой интересов отдельных индивидов перешла в руки немногих, и тем самым исчез и варварский способ осуществления права».⁷ Индивидуальные правоотношения стали всеобщими

⁷ Там же, с. 336—337.

в том смысле, что права (обязанности) их субъектов нашли закрепление в общих нормах закона, и на его защиту стал суд.

Родившееся в отношении собственности право оказывается только на первых порах лишь субъективным правом отдельных собственников (владельцев земли, рабов, иного имущества), в дальнейшем оно непременно институализируется, приобретает всеобщую идеологизированную форму в виде законов (иных источников), получает характер права в объективном смысле. Таков результат выражения в праве общеклассовых интересов тех, кто господствовал в экономике, а потому и приобрел государственную власть (политическое господство).

В классово-антагонистическом обществе с правом происходит та же метаморфоза, что и с иными результатами человеческой деятельности. Выросшее из недр общества право в виде объективированных государством юридических норм противопоставляется членам общества, и в первую очередь трудящимся, поскольку все сферы общественной жизни отчуждаются от человеческой сущности и творческой природы труда.⁸ Не только продукты материального, но и духовного производства (мораль, право, политика, искусство, наука) отделяются от человека, превращая его самого в «обслужу» довлеющей над ним социальной системы.

Итак, право предстает перед нами и как совокупность юридических норм, и как совокупность имеющихся «налицо»⁹ юридических прав субъектов общественных отношений, т. е. в качестве объективного и субъективного права.

Многозначность термина «право» не случайна, она — следствие многогранности и разноуровневости самого по себе права. К отмеченному можно добавить еще и достаточно определившиеся в юридической науке понятия публичного и частного права, материального и процессуального права, а также существование не только права в рамках государственных границ, но и международного права, обладающего существенной спецификой.

Наконец, возвратимся к тому, с чего был начат данный параграф — речь шла о том, что в обыденном представлении право часто отождествляют с законом и что для этого есть некоторые основания. Последние сводятся к тому, что законодательные акты (да и другие государственно-обязательные решения — судебная практика и т. п.) представляют собой общезначимую форму официального признания данных отношений правовыми, находящимися под защитой государственной власти. Подобное признание имеет огромное значение — оно конкретизирует то, что есть право, оно придает исторически обусловлен-

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 608.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 128, 130.

ному, масштаб свободы формальную определенность, ставит этот масштаб под защиту государства, придает праву законную силу, превращает его в юридическое право. К. Маркс подчеркивал, что «юридически признанная свобода существует в государстве в форме закона», что «свод законов есть библия свободы народа».¹⁰ Насколько важно законодательное закрепление правопорядка, насколько существенно для права его утверждение в качестве возведенной в закон воли господствующих классов, настолько и для законов государства существен их действительно правовой характер, их соответствие правовой природе регулируемых отношений. При этом ясно, что если законы непосредственно зависят от государственной воли, то само по себе право коренится в фактических отношениях. Акты государства, попирающие сложившиеся права народа и противоречащие правовой природе вещей, К. Маркс квалифицировал в качестве узаконений бесправия и произвола.¹¹ Задача власти, писал он, не в искусственном создании законов, а в том, чтобы открывать объективные законы в самой жизни и соответственно их формулировать, не навязывая исторической необходимости свои произвольные решения.¹²

Основоположники марксизма отвергали буржуазное юридическое мировоззрение, были далеки от признания правом только того, что официально приобретает санкцию государственной власти, категорически выступали против сведения права к закону¹³ и утверждений, что власть дарует подданным определенные права¹⁴. Они писали, в частности, о том, что прошли тысячелетия, прежде чем диктуемые характером общественных отношений свобода и равенство были провозглашены правами человека, закрепленными как юридические права граждан законом.¹⁵ Известно, что К. Маркс в «Капитале» дает анализ права и правовых отношений в буржуазном обществе, часто вовсе не считаясь с тем, в какой степени и каким образом они находят свое официальное признание со стороны государства, да и есть ли такое признание вообще.¹⁶ Раскрывая социально-экономическую подоплеку права, они видели истоки идеалистической трактовки права в том, что государство оказывается формой, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы и в которой гражданское общество получает политическую концентрацию — потому и все общие установления государства (законы) получают политическую форму, подавляющую как будто действи-

¹⁰ Там же, с. 62—63.

¹¹ См. там же, с. 125, 127—128, 158—159.

¹² См. там же, с. 285.

¹³ См. там же, т. 3, с. 63.

¹⁴ См. там же, т. 1, с. 391, 399—406.

¹⁵ См. там же, т. 20, с. 104—105, 107.

¹⁶ См. там же, т. 23, с. 187, 244—246.

тельное основание права — экономику.¹⁷ И дело тут не только в материалистическом подходе к праву, но и в том, что борьба против безграничного «огосударствления» права являлась выражением их глубоко гуманистических, подлинно гражданских, демократических позиций, их совершенной непримиримости к политическому произволу.¹⁸

Итак, мы сталкиваемся с еще одной гранью права, которая выходит за рамки официально признанных и защищаемых государством отношений, не переставая при этом быть собственно правом, поскольку содержит относительно равный и справедливый масштаб свободы, диктуемый объективными потребностями общественного прогресса, характером производственных отношений и социальной природой человека. Это то, что мы относили к сущности права уровня социальных отношений,¹⁹ что подчас именуют непосредственно социальным правом или притязанием,²⁰ как будто противопоставляя юридическому праву и выводя из предмета юридической науки.²¹ Это, наконец, то, что предлагается просто считать правом «до и независимо» от закона, в отличие от «легистского» права.²² Вне зависимости от различного подхода к проблеме и терминологического разнобоя, отражающих недостаточную степень исследования вопроса, знаменательно то, что в последние годы социалистическая теория права не обходит молчанием сам факт существования неюридического (нелегистского) бытия правовой реальности. Такое внимание к праву в общесоциальном смысле объясняется рядом причин, в том числе стремлением более глубоко осмыслить разные стороны этого феномена.

Само по себе утверждение многогранности, разноуровневости, сложности права имеет принципиально методологическое значение. Оно дает возможность исследовать право в разных направлениях и на этой основе глубже осмыслить его сущность, свойственные ему закономерности социального бытия, достовернее выявить его общественную значимость и ценность, правильнее определить его потенциальные возможности и точнее найти его реальное место в жизни людей, а главное — яснее представить его роль в коммунистическом преобразовании общества.

¹⁷ См. там же, т. 3, с. 63.

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 13.

¹⁹ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976.

²⁰ Алексеев С. С. Общая теория права, т. 1. М., 1981.

²¹ Нам уже приходилось подчеркивать недопустимость исключения вопроса о неюридическом праве из области юриспруденции (Явич Л. С. Право и социализм. М., 1982, с. 30—31), но трудно согласиться с теми, кто считает мысль о неюридическом праве вообще неосновательной (Керимов Д. А. Демократизм советского государственного строительства.— Вопросы философии, 1984, № 4, с. 7).

²² Нерсесянц В. С. Право: многообразие определений и единство понятия.— Советское государство и право, 1983, № 10.

Принципиально-методологическое значение признания права сложным социально-юридическим феноменом заключается и в том, что оно обеспечивает творческий характер его исследования, освобождает дальнейшее познание права от элементов догматизма и начетничества, узкопрагматического толкования задач юридической науки, конъюнктурщины и схоластики, нацеливает на фундаментальное изучение правовой действительности в ее органической связи с экономическими и политическими отношениями, с государством и моралью, с идеологией, с практической деятельностью людей в самых различных областях общественной жизни.

Из признания многогранности права вытекает важнейшее требование исследования права как объективно необходимой формы фактических отношений, глубоко проникающей в их содержание и структурирующей его соответствующим образом. Исторически и логически оно предстает перед нами в этом случае не в виде какого-то фрагмента государственно организованного общества, целиком зависящего от воли законодателя и случайного стечения обстоятельств, произвола власти, а в качестве объективно необходимого момента общественных формаций, определяющего их способ производства, распределения и обмена.²³ Существование права представляет собой социальную реальность, отменить которую невозможно даже тем, кто осуществляет государственную власть.

Именно основоположники марксизма вскрыли многогранность права, вследствие чего подходили к его анализу с самых различных сторон, акцентируя внимание в одних случаях на его идеологичности, в других обращали особое внимание на законодательство, при иных обстоятельствах трактовали его в виде правоотношений, но при этом всегда относились к нему как к материально детерминированному явлению, жестко увязывая с господствующими отношениями собственности и обмена.

С позиций марксизма-ленинизма сложность такого феномена, как право, объясняется разнообразием существующих в обществе отношений, их тесным переплетением и динамизмом. В характере общественных отношений, в особой природе соответствующих типов производственных отношений, в классовых взаимоотношениях основоположники научного коммунизма искали и нашли отгадку сокровенной сути права. Право невозможно понять из самого себя и вне его связи с общественными отношениями, которые его порождают и в которых оно находит свое воплощение. Только взятое в соответствующей системе материальных и иных общественных отношений оно открывает свою сущность. На всех этапах своего развития, во всех странах и во все эпохи общественные отношения и право представляют собой диалектическое единство противоположностей, про-

²³ Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л., 1973.

творечивое тождество действительности (сущего) и возможности (должного), необходимости и свободы, конкретного и абстрактного, содержания и формы, социального динамизма и статичности... В общественных отношениях заключен не только источник многогранности и разнородности права, но и главный источник его развития, исторического изменения, которое происходит, как и любое социальное движение, с неизбежностью, пробивающей себе дорогу через множество случайностей, зигзагов и даже отступлений. Исследование права должно строиться на строгом учете его взаимодействия с общественными, в первую очередь производственными отношениями, в связи с чем первостепенное значение для теории и практики имеет Марксово понимание правогенеза из материальных отношений. Строго говоря, эффективное решение проблемы связи экономики и права может быть достигнуто на путях комплексных экономико-юридических исследований, но крупных монографий такого плана у нас еще нет.

Наконец, еще одно предварительное соображение методологического характера. Изучение юридической формы непременно увязано с выявлением роли государства в ее официальном признании и защите. В принципиальном плане взаимодействие права и политики раскрыто марксизмом-ленинизмом давно. Тем не менее приходится сталкиваться с односторонней интерпретацией этого вопроса, частичным поводом к которой является полное отождествление права с законами государства. В таких случаях право сводят только к одному (и не главному!) из средств обеспечения государственного управления, а законность — к далеко не единственному методу деятельности государственных органов. Иначе говоря, раскрывается только зависимость права от государства и упускается из вида значение права для налаженной государственной деятельности, его влияние на функционирование политической власти. В научно-познавательном плане упрощенное представление о взаимодействии между государством и правом, утверждение приоритета первого над вторым затрудняют выявление всех свойств юридической формы общественных отношений и отодвигают на второй план проблему ее материальной детерминации. На практике такой подход может приводить к юридическому нигилизму, к недооценке роли права в жизни общества и к заложенным в правовом регулировании идейно-нравственным идеалам, что особенно недопустимо, когда речь идет о социалистическом праве.

§ 2. Экономические и правовые отношения

Материалистическое понимание права, свойственное марксистскому мировоззрению, заключается в раскрытии той подтвержденной всем ходом истории истины, что правовые отношения детерминированы характером господствующих в обществе про-

изводственных отношений, которые, в свою очередь, предопределяются достигнутым уровнем развития общественных производительных сил. К. Маркс писал, что правовые отношения «коренятся в материальных жизненных отношениях» и потому познать их из самих себя невозможно.²⁴ Это коренное положение противостоит буржуазному юридическому мировоззрению, для которого было характерным убеждение о всеисилии права и его господстве над хозяйственной жизнью страны. У политиков по профессии, писали основоположники научного коммунизма, у юристов и государствоведов связь права с экономическими фактами теряется окончательно, им кажется, что юридическая форма — это все, а экономическое содержание — ничто.²⁵ Только потому, что государство опосредует все общие юридические установления, возникает иллюзия, будто закон основывается на свободной воле власти и к так понимаемому закону государства сводят и само право.²⁶ Экономика — первична, право — вторично, их взаимодействие — частный случай взаимосвязи содержания и формы: таков принципиальный вывод марксизма-ленинизма, отбросивший иллюзии по поводу права и закона, идеалистическое понимание юридических явлений.

То, что над экономическим базисом возвышается юридическая надстройка, представляет азбучную истину исторического материализма. Однако при этом мы не всегда учитываем, что в реальной жизни материальные и волевые отношения тесно переплетаются, что есть конкретные отношения двойственной природы и лишь сила теоретической абстракции позволяет выделить их экономическую и идеологическую стороны. Не всегда имеем в виду и то, что в юридической форме, как и любой форме определенного содержания, имеется внутренний и внешний элемент и первый из них (внутренняя форма) пронизывает экономическое содержание, соответствующим образом структурирует его. Не обращаем достаточного внимания на то, что право в известном аспекте представляет собой всеобщую форму конкретных, в данном случае экономических отношений, которые вне отдельных волевых актов их участников не существуют и сами лишь оболочка деятельности их носителей. В этом смысле совокупность экономических отношений — производственные отношения — выступает как объективная предпосылка и объективный результат сознательно-волевой деятельности людей в сфере материального производства и обмена. Часто пишут, что отношения собственности — главный элемент производственных отношений, и отсюда делают вывод, что право собственности вторично по сравнению с отношениями собственности. Между тем в таком выводе содержится определенная недостаточность. Суть

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6.

²⁵ См. там же, т. 21, с. 312.

²⁶ См. там же, т. 3, с. 63.

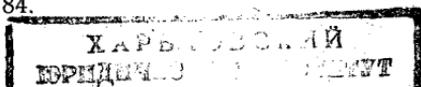
в том, что первичны объективно сложившиеся производственные отношения, составляющие экономический базис надстройки. Гносеологическая характеристика первичности и вторичности относится именно к базису и надстройке. Что касается отдельных отношений собственности (имущественных отношений), то это конкретные отношения по поводу определенных материальных предметов, и они вне правового опосредования не реализуются, независимо от того, предусматривает ли их закон или нет.

Последнее означает, что конкретные отношения собственности, осуществляющиеся в обмене товаров, имеют правовую природу как таковые. Поэтому-то К. Маркс и пишет, что отношения собственности представляют собой юридическое выражение производственных отношений.²⁷ Вопреки идеалистическому и догматически-юридическому подходу к отношениям собственности, которые с точки зрения буржуазного юридического мировоззрения зависят от закона, марксизм подчеркивает зависимость отношений собственности не от воли законодателя, а от господствующих производственных отношений. Затрудняясь объяснить вышеприведенное положение К. Маркса, некоторые советские ученые исходят из различия собственности как юридической и как экономической категории,²⁸ тем самым как бы снимая вопрос о трактовке отношений собственности как юридическом выражении производственных отношений и расщепляя единое отношение собственности на два отношения — экономическое и волевое. На самом деле конкретное отношение собственности нельзя расщепить на два отношения. Отношения собственности двойки сами по себе. Их дуализм заключается в том, что они, во-первых, оказываются юридическим выражением, конкретным проявлением, отдельным элементом господствующих производственных отношений. Во-вторых, взятые как относительно самостоятельная форма производственных отношений, отношения собственности, в свою очередь, имеют материальное содержание и внешнюю волевую (юридическую) форму выражения. В первом случае содержанием отношений собственности оказывается вся система производственных отношений, во втором — экономическое содержание конкретно включает определенные акты присвоения вещи, осуществляемого в рамках существующей системы производственных отношений. В первом аспекте отношения собственности представлены абстрактной формой права, во втором — конкретной: правовыми отношениями вполне индивидуализированного характера. В исторически-генетическом плане такие правоотношения носят первичный характер и лишь в дальнейшем отражаются и закрепляются юридически законом.

Дуализм отношений собственности вытекает из двойственного характера самой собственности. К. Маркс писал: «Всякое про-

²⁷ См. там же, т. 13, с. 7.

²⁸ Государство, право, экономика/Под ред. В. М. Чхиквадзе. М., 1970, с. 184.

изводство есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства...»²⁹ Собственность надо рассматривать как момент производства. И далее, собственность — это (а) присвоение, т. е. отношение к вещи как к своей и (б) отношение собственника по поводу вещи к другим лицам, вне которого нет и самого присвоения. Если это так, то нет достаточных оснований в условиях объективной потребности в праве противопоставлять собственность и отношения собственности, фактическое присвоение средств производства и его продукта и фактическое правоотношение собственности, существующее вне зависимости от того, закреплено ли оно в законе и как именно закреплено. Право собственности становится юридической категорией только будучи официально признано государством в законе, но рождено оно не законом, а отношениями собственности, которые по природе являются юридическим выражением производственных отношений.

Дуализм собственности и отношений собственности предопределяет дуалистический характер права, его двойственное выражение в абстрактной и конкретной форме. По всей видимости, это обстоятельство нашло свое отражение в споре о понятии права, который вели еще Е. Б. Пашуканис и П. И. Стучка. Первый отличал право как юридическое отношение от иных общественных отношений и искал это отличие, полагая право только формой производственных отношений.³⁰ Второй подчеркивал, что право — система материальных отношений особого рода, о праве как единой юридической форме отзывался сдержанно: для П. И. Стучки право прежде всего конкретная форма, тождественная отношению собственности, а затем уже абстрактная идеологическая форма (правовые нормы и идеи).³¹

Позже внимание к проблеме производственных и правовых отношений ослабло, долгое время теоретики советского права ограничивались постулированием общего и бесспорного положения о том, что юридическая надстройка определяется в конечном счете экономическим базисом, оставляя в стороне детальный анализ глубинного процесса правообразования. Длительный акцент на государственно-волевой природе права, отождествление права с законом, известное преувеличение роли законодательства в экономических преобразованиях приводили к тому, что и сама собственность, а особенно отношения собственности в юридической литературе подчас рассматривались только в юридическом аспекте. Это обстоятельство было отме-

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 713.

³⁰ Пашуканис Е. Б. Избр. произв. по общей теории права и государства. М., 1980.

³¹ Стучка П. И. Избр. произв. по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964.

чено экономистами, для которых стало традицией обвинять юристов в волюнтаристском понимании собственности. В таком духе писал М. В. Колганов,³² ныне о том же пишет, например, Р. А. Квасов.³³ В принципе эти и другие экономисты неправы потому, что не раскрывают дуализм собственности и отношений собственности, не объясняют марксистское положение об отношениях собственности как юридическом выражении производственных отношений. Вместе с этим надо признать, что некоторые труды юристов дают известное основание для критики. Даже капитальная работа А. В. Венедиктова³⁴ не содержит последовательного изложения понятия собственности. В учебниках по гражданскому праву до сих пор повторяют с некоторыми незначительными модификациями то, что писалось об отношениях собственности сорок лет назад: «Отношение собственника к самой вещи есть отношение фактического характера, отношение же собственника по поводу вещи к другим лицам — отношение правовое».³⁵ Получается, что общественные отношения собственности в любом аспекте волевые правовые отношения. Подчас неточно пишут о том, что производственным отношениям свойственны волевые моменты,³⁶ явно отождествляя систему производственных отношений с конкретными экономическими (имущественными) отношениями. Подобный вывод следует скорее всего из-за допущенной небрежности в формулировке мысли, но в таком вопросе это недопустимо и дает достаточный повод для упрека. В большой работе «Государство, право, экономика», нами уже упоминавшейся, не нашлось места для полноценного раскрытия понятия собственности, и авторы отсылают читателя (неоднократно) к юридической литературе двадцатилетней давности.³⁷ Не считает нужным анализировать отношения собственности и Л. И. Зайганов, несмотря на то, что в своей книге много внимания уделяет вопросу о государстве как субъекте отношений социалистической собственности.³⁸ Можно было бы привести, наверно, и другие аналогичные примеры.

И все же надо сказать, что в социалистической юридической литературе есть серьезные попытки углубленного анализа проблемы взаимодействия экономики и права. В этом плане можно

³² Колганов М. В. Собственность в социалистическом обществе. М., 1953.

³³ Квасов Р. А. Марксистское учение о собственности. Воронеж, 1980.

³⁴ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948.

³⁵ Гражданское право, т. 1. М., 1944.

³⁶ Толстой Ю. К. Понятие права собственности.— В кн.: Проблемы гражданского и административного права. Л., 1962.

³⁷ Государство, право, экономика.

³⁸ Зайганов Л. И. Социалистическое государство и экономические законы. М., 1975.

упомянуть работу В. П. Шкредова.³⁹ Особого внимания заслуживает анализ правовых и производственных отношений, осуществленный в ряде книг С. Н. Братусем, а также С. С. Алексеевым.⁴⁰ Опираясь на труды основоположников марксизма-ленинизма, С. Н. Братусь провел достаточно четкую грань между производственными отношениями и имущественными отношениями, опосредуемыми непременно правом. В достаточно завершенном виде эта идея нашла свое выражение в курсе советского гражданского права.⁴¹ Позиция С. Н. Братуся была сразу же поддержана С. С. Алексеевым, но, к сожалению, ни тот, ни другой не продолжили разработки вопроса. Может быть потому, что точка зрения С. Н. Братуся была встречена многими юристами критически. Однако представляется, что размежевание производственных и конкретных имущественных отношений вызвало по существу одно возражение, которое не является убедительным. Считается, что такое размежевание приводит к мысли, что имущественные отношения нельзя целиком отнести ни к базису, ни к надстройке. Пишут, что такого положения не может быть.⁴² Почему, спрашивается, не может? Ведь имущественные отношения рассматриваются С. Н. Братусем в качестве конкретных отношений собственности, непосредственное содержание которых не тождественно системе производственных отношений. С другой стороны, имущественные отношения не тождественны и идеологическим отношениям, хотя связаны с волевыми актами их участников.

Взаимосвязь правовых и производственных отношений являлась предметом достаточно детального исследования в книге Имре Сабо.⁴³ И. Сабо показывает, что специфика отношений собственности обуславливает своеобразную двойственность права, понятие которого он трактует как статическое выражение общих абстрактных динамичных правоотношений.⁴⁴ И. Сабо, в частности, замечает, что «правоотношения собственности как идеологические общественные отношения зависят от материальных общественных отношений, производственных отношений, выражают их в юридической форме, но являются одновременно частью права в целом, то есть частью всеохватывающего идеологического общественного отношения, и в этой связи они отражают производственные отношения через призму право-

³⁹ Шкредов В. П. Экономика и право. М., 1967.

⁴⁰ Братусь С. Н. Правовые и производственные отношения.—В кн.: Вопросы строительства коммунизма в СССР. М., 1959; Алексеев С. С. Предмет советского гражданского права.—Уч. труды Свердловск. юрид. ин-та, 1959.

⁴¹ Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963.

⁴² Толстой Ю. К. Понятие права собственности.—В кн.: Проблемы гражданского и административного права.

⁴³ Сабо И. Основы теории права. М., 1974.

⁴⁴ Там же, с. 28.

отношений правовой системы, общего понятия права».⁴⁵ Поэтому марксистская теория права есть в конечном счете теория правовых отношений.⁴⁶ И. Сабо считает, что близки к такому выводу были П. И. Стучка и Е. Б. Пашуканис.⁴⁷ Для автора собственности—понятийная абстракция отношений собственности, а право—понятийная абстракция правоотношений; отношения собственности как юридическое выражение производственных отношений являются правоотношениями. Позиция не бесспорна, но органично увязывает производственные отношения, конкретные отношения собственности и право.

Исследование взаимодействия экономики и права надлежит продолжить. Поскольку материальные отношения получают и при социализме юридическую форму, было бы важно, чтобы этой проблемой вплотную занялись и экономисты, среди которых можно заметить известное пренебрежение к роли права в хозяйственном механизме. Наверно, в этом частично повинны и ученые-юристы, но так или иначе невнимание к праву при решении вопросов совершенствования социалистических экономических отношений ошибочно не только в теоретическом, но и практическом плане. Между тем в ряде случаев приходится сталкиваться с известным оправданием юридического нигилизма. Приводят слова Ф. Энгельса о том, что в исследованиях К. Маркса «юридическое право, являющееся всегда только отражением экономических условий определенного общества, играет лишь самую второстепенную роль».⁴⁸ Конечно, само по себе право, особенно юридическое (законодательство), не предмет науки политической экономии. К тому же К. Марксу приходилось вести борьбу против идеалистического понимания собственности, постоянно подчеркивать производность права и государства от господствующих производственных отношений. Однако известно, что и в «Капитале» содержатся глубочайшие характеристики правогенеза и роль буржуазного законодательства в упрочении капиталистических отношений. Не занимаясь, как правило, анализом соотношения производственных и правовых отношений, некоторые экономисты склонны любое сопряжение экономического (материального) содержания и юридической формы экономических отношений считать данью идеализму и волюнтаристскому подходу к собственности. На деле такого рода сопряжение отражает действительно двойственный характер собственности и используется в прямо противоположных целях: для доказательства материальной детерминации права и проведения тонкого, но важного различия между первичными правоотноше-

⁴⁵ Там же, с. 32.

⁴⁶ Там же, с. 19.

⁴⁷ Там же, с. 71.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 506—507.—Цитированную мысль нам вновь недавно напомнили (Саков М. Проблема собственности в экономическом учении Маркса.— Коммунист, 1983, № 4).

ниями и законодательством, которое призвано их санкционировать; для того, наконец, чтобы обратить внимание на недопустимость произвольного законодотворчества.

Волевая сторона отношений собственности позволяет политической власти производить экспроприацию той или иной ее формы, декретировать известные формы собственности, перераспределять собственность среди членов общества и т. п. Однако подобные акты должны соответствовать уровню развития производительных сил и характеру существующего фактически общественного разделения труда. В противном случае такого рода меры в конечном счете не приносят ожидаемого результата. Производство и воспроизводство собственности, обмен и распределение детерминированы материально настолько, что формально-юридические коррективы, вносимые в отношения собственности и поддерживаемые даже всей силой государственного принуждения, не могут реально изменить совокупность отношений собственности с точки зрения их экономического содержания, т. е. не меняют на деле объективно функционирующую систему производственных отношений. В этих условиях может, помимо всего прочего, возникать глубокое противоречие между законодательством и теми правоотношениями, которые генерируются в экономической сфере и реализуются в хозяйственной деятельности, независимо от закона, от юридического права. Подобная ситуация вызывает серьезные сбои в нормальном функционировании господствующего способа производства, раньше или позже устраняется в результате стихийного давления экономических обстоятельств или путем рационального изменения государственной хозяйственной политики и законодательства. Таково практическое значение учета волевой стороны отношений собственности. Игнорирование этого момента в теории и на практике может приводить к стагнации хозяйственной жизни, задерживает своевременное упрочение таких производственных отношений, которые соответствуют развитию общественных производительных сил.

Вместе с этим, конечно, недопустимо трактовать отношения собственности как просто волевые отношения, как только предусмотренные законом юридические отношения. Собственно говоря, практический резонанс тут тот же, что и при игнорировании их волевой стороны, хотя понимание проблемы иное и конкретные обстоятельства своеобразны. В данном случае имеет место неосновательная полная юридизация собственности (отношений собственности), создается преувеличенное представление о возможностях законодательства в экономической сфере. Эти представления на первых порах проведения искусственных реконструкций в экономике как будто действительны, ибо отражают влияние на реально существующую волевую сторону отношений собственности, а конечный итог волюнтаризма тот же, что и метафизического материализма.

Только понимание диалектики обоюдных сторон отношений собственности позволяет в теории и на практике верно решать проблему взаимодействия экономики и права.

Возвратимся в итоге всего сказанного к формулированию основных черт марксистского материалистического подхода к праву, сделав предварительно одно замечание. С методологической точки зрения принципиально важно, что при таком подходе берется за первичную клеточку исследуемого явления. С. С. Алексеев считает такой клеточкой юридические нормы или законы.⁴⁹ Мы склонны думать, что для всесторонней характеристики материалистической детерминации права важно исходить из правоотношений. Именно они являются первичной клеточкой права, что верно было отмечено еще Е. Б. Пашуканисом.⁵⁰ Будучи первичной, генетической клеточкой, из которой с исторической необходимостью вырастает, разворачивается целостная правовая надстройка над экономическим базисом, правовое отношение оказывается в науке важнейшей из юридических категорий, центральным понятием марксистской юриспруденции. Само собой ясно, что речь идет только о специфически юридическом категориальном аппарате. Именно правоотношения являются конкретной формой права, получающего в дальнейшем идеологические формы; именно они ближе всего к экономической основе всех юридических явлений; только в них законодательные установления и правосознание получают воплощение в реальной жизни общества. Исторически и логически правовые отношения предшествуют всем иным правовым образованиям, они же завершают существование этих правовых образований в деятельности людей и их организаций. Если материалистическое понимание права необходимо предполагает определение его природы, дает отправную точку для описания правогенеза и не ограничивается статикой исследуемого объекта, а берет его в динамике, развитии и функционировании; если такой подход к праву призван к тому, чтобы связать воедино правовую действительность с деятельностью людей, то за исходный пункт надо брать не идеи и взгляды, не нормы как модели поведения, а ту конкретную форму, в которой главным образом протекает социальная деятельность, связанная с правом, — надо брать правоотношения.

Материалистический подход к праву означает, по крайней мере, признание того, что: 1) потребность в правоотношениях коренится в экономических отношениях, связанных с общественным разделением труда, превращением владения в частную собственность, отчуждением производителя от продукта труда, присвоением и обменом товара на началах эквивалента; 2) правоотношения спонтанно следуют за экономическими сдвигами,

⁴⁹ Алексеев С. С. Проблемы теории права, т. 1. Свердловск, 1972.

⁵⁰ См.: Пашуканис Е. Б. Избр. произв... с. 78.

обусловленными ростом производительных сил общества, в соответствии с чем законы (суд) вынуждены всегда юридически санкционировать, официально признавать и защищать новые формы приобретения (использования) собственности;⁵¹ 3) правовые отношения представляются собой специфическую форму существования производственных отношений и потому закрепляющие их юридические нормы несут на себе свойства господствующих отношений производства и обмена -- глобальность, общезначимость, суверенность, обязательность; 4) первичные правоотношения сопряжены с отношениями собственности (прежде всего на средства производства), которые представляют собой юридическое выражение производственных отношений,⁵² в силу чего они (первичные правоотношения) существуют вне зависимости от закона, и, напротив, сам закон их в конце концов признает по материальной необходимости; 5) участники экономического общения реализуют свои взаимные права (обязанности) как самостоятельные и формально равные субъекты на основе относительно свободного обоюдного волеизъявления (договора);⁵³ 6) международное право, как и внутрисоциальное, имеет соответствующую материальную основу.⁵⁴

Право на первой фазе коммунизма сохраняет свою экономическую обусловленность, представляет объективно детерминированную социальную реальность. Насколько оптимально эта реальность находит официальное выражение и признание в законодательстве, настолько последнее оказывается эффективным средством решения проблем, связанных в первую очередь с совершенствованием социалистического хозяйственного механизма. В общем и целом функционирование юридической формы при социализме предопределяется недостаточным по сравнению с высшей фазой коммунизма уровнем развития производительных сил, сохраняющимся общественным разделением труда и соответственно еще не коммунистической степенью обобществления средств производства. Необходимость в юридических нормах означает также необходимость в государстве, принуждающем к соблюдению законодательных норм.⁵⁵

Достижение полного коммунизма будет означать решительный перелом в истории человечества. Наступит время, когда люди уже не будут испытывать прежнюю слепую зависимость от материального производства, когда не оно, а сам человек окажется целью социального прогресса; когда развитие производства будет определяться тем, насколько оно способствует «целостному развитию индивида», и основным капиталом будет

⁵¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 63--64.

⁵² См. там же, т. 13, с. 7; т. 23, с. 94.

⁵³ См. там же, т. 23, с. 187.

⁵⁴ См. там же, т. 13, с. 131--132.

⁵⁵ См. там же, т. 19, с. 18--19; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 95.

не ошествленный труд, а человеческая личность.⁵⁶ При коммунизме произойдет в конечном счете отмирание юридической и политической надстройки, государства.

§ 3. Политические отношения, государственная власть и юридический закон

В результате разложения первобытнообщинного строя формировалось эксплуататорское общество и «недоставало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним. И такое учреждение появилось. Было изобретено *государство*».⁵⁷ И так, право (свобода) имущих на эксплуатацию трудящихся масс и господство (власть) одного класса над другим потребовали появления государства. По сути тут вскрывается экономическая, а не только классовая подоплека государственной организации общества.

Еще определеннее материальная (опосредованная правом) детерминация государства подчеркнута Ф. Энгельсом в случае, когда он пишет о том, что потребность закрепления циклов производства и обмена выражалась сначала в обычаях, а потом в законе, и с появлением закона возникают органы, которым поручается их защита — публичная власть, государство.⁵⁸ В свою очередь, В. И. Ленин настоятельно обращал внимание на связь происхождения (и дальнейшего существования) государства с расколом общества на классы и с непримиримостью классовых противоречий.⁵⁹ Новейшие данные археологии и этнографии показывают, что правогенез, классогенез и политогенез не происходили во всех регионах мира по однозначной схеме. Процессы эти, особенно при переходе к раннеклассовому обществу, взаимно переплетались на основе общей им экономической необходимости.⁶⁰

Частная собственность не существует вне присвоения и отчуждения, регулярного обмена товаров и потому никогда не может основываться только на прямом насилии (на варварских средствах защиты) и эпизодическом принуждении, вмешательстве карательных сил власти от случая к случаю. Охрана собственности требовала закона, стабильной судебной практики, санкционированного государством обычая или нормативных договоров — требовала общего закрепления правопорядка, исключаяющего случай и произвол. Защита права собственников (на

⁵⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 123, 121.

⁵⁷ Там же, т. 21, с. 108.

⁵⁸ См. там же, т. 18, с. 272.

⁵⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 10.

⁶⁰ Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М.,

землю, скот, рабов, примитивные орудия труда, на домашнюю утварь, пищу и одежду, предметы роскоши и т. п.) влекла за собой развитие при помощи власти целой системы норм частного права. Потому и государство, будучи по своей сущности диктатурой одного класса над другим, не могло и не может обойтись одним непосредственным насилием, чинимым вооруженными группами (армией, полицией и т. п.), и в нормальных условиях обеспечивало и обеспечивает правовое принуждение.

Возникнув, государство приобретает долю самостоятельности по отношению к базису, не ограничивается охраной норм, регламентирующих имущественные отношения. Государственная власть стимулирует генезис и развитие публичного права, ее законы регламентируют механизм аппарата насилия и управления, отношения государственных органов с населением, карают преступления. Внешне действуя от имени всего общества, государственная власть выражает интересы прежде всего господствующих экономически классов или слоев населения.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что в классовом обществе господствующие индивиды конституируют свою силу в государстве и придают своей материально детерминированной воле всеобщее значение в виде закона.⁶¹ Это опосредование всеобщих установлений государством придает праву классово-политическую направленность и юридический характер, а самой государственной власти — свойство публично-правового союза, его представительного органа.⁶²

В течение многих столетий государство ограничивалось чаще всего санкционированием складывавшихся обычаев, способствовало формированию общих юридических норм единообразной судебной практикой; даже законы власти включали в себя чаще всего то, что уже фактически существовало как право, в том числе и обычное. Это объясняется не только сравнительной слабостью государства до нового времени, но более всего тем, что только с развитием капитализма появляется политическое государство, поскольку ликвидируется внеэкономическое принуждение. До этого гражданское и политическое общество были тождественны,⁶³ элементы гражданской жизни (собственность, семья и т. п.) были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме сеньоральной власти, сословий, корпораций.⁶⁴ Только с развитием буржуазных отношений государство явно выделяется из экономической структуры общества и приобретает по отношению к экономическому движению относительную самостоятельность большего масштаба, чем ранее.

⁶¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 322—323.

⁶² См. там же, т. 2, с. 129.

⁶³ См. там же, т. 1, с. 301.

⁶⁴ См. там же, с. 403.

Наряду с этим активизируются и социально-политические функции государства, в том числе и его законодательная деятельность. Чем сильнее политизация и идеологизация государственной деятельности, тем активнее власть, ее политика и идеология влияют на процесс правообразования и правореализацию.

Будучи организацией силы имущих классов, приспособленной для защиты их права на частную собственность и эксплуатацию неимущих, государство в условиях борьбы антагонистических классов всегда оказывалось в конечном итоге диктатурой меньшинства над большинством. Интерес господствующего класса требовал официального признания и защиты таких правоотношений, которые порождались и были юридическим выражением господствовавших производственных отношений, в рамках которых осуществлялся рабовладельческий, феодальный и буржуазный способы производства. Поскольку ни санкционирование обычаев, ни судебный прецедент не представляли собой универсальной формы права, полностью адекватной его свойству общезначимого масштаба поведения, образовалась и получила распространение такая его абстрактная форма, как юридический закон. Не касаясь истории различных форм признания и объективации права, отметим, что закон государственной власти оказывается наиболее совершенной формой, придававшей и придающей в наше время праву четко конструируемую общезобязательность,⁶⁵ формальную определенность, нормативность, институциональность и идеологическую оправданность.

Если иметь в виду закон как нормативный акт высшего представительного органа государственной власти, то он способен при соответствующих благоприятных классовых условиях достаточно полно выразить интересы населения страны и потому приобретает особое значение при демократических политических режимах. При этом ясно, что закон в досоциалистическом обществе в состоянии способствовать решению каких-то общих дел только в той степени, в которой это устраивает господствующие классы или настолько, насколько они вынуждены идти на уступку другим классам. Наконец, закон — не спонтанное, а рациональное утверждение права, и в этом его существенное достоинство.

Закон приобретает особенно большое значение в условиях социалистической государственности. С победой социалистической революции возникает государство диктатуры пролетариата, которое по мере упрочения социализма перерастает в общенародную власть. Впервые в истории у государства отпадает функция подавления какого-либо класса, широко развиваются общесоциальные функции в области хозяйства и культуры. Тут охрана объективно необходимого права оказывается задачей определяющей, с точки зрения внутренних условий, само сохра-

⁶⁵ См. там же, с. 127.

нение государства на первой фазе коммунизма. Как политическое государство власть народа считается марксизмом-ленинизмом полугосударством, государством не в собственном смысле, ибо не представляет господство меньшинства над большинством и развивается в неполитическое государство, а затем и в общественное коммунистическое самоуправление. Как публично-правовой союз, как организация силы для охраны социалистического правопорядка социалистическая общенародная государственность способна наиболее успешно выполнять свои общесоциальные функции. Одной из решающих предпосылок этого успеха является подлинно всенародная демократия, для развертывания которой зрелый социализм создаст соответствующие условия. Юридический закон государства при социализме призван выражать волю трудящихся и объективные потребности социалистического производства, в том числе его потребность в твердом правопорядке. Если в прошлых формациях законодательство, как правило, так или иначе закрепляло уже сложившиеся в жизни экономические и правовые отношения, официально санкционировало то, что уже было правом, то в социалистическом обществе законодательство может играть и более активную роль, но при условии, если верно выражает тенденцию прогрессивного развития страны.

В общем итоге можно сказать: в классовом обществе господствующие производственные отношения с естественноисторической необходимостью порождают не только право, но и юридический закон государственной власти как наиболее совершенную форму официального признания, выражения и закрепления соответствующего правопорядка.

Однако в классовом и государственно организованном обществе существует не только экономическая потребность в праве, а соответственно и в законодательстве. Право имманентно и самим политическим отношениям определенного вида. В классовом обществе можно, очевидно, выделить по крайней мере четыре вида политических отношений: 1) отношения между классами; 2) отношения между властью и населением; 3) политические отношения, вытекающие из суверенитета государства; 4) политические отношения внутри государственного механизма.

Сами по себе классовые отношения (борьбы, союза и т. п.) непосредственно не создают юридическую форму и в ней не всегда нуждаются. Классы и не являются субъектами права. Однако в законодательстве государств всегда находит отражение классовая структура общества, соотношение сил в классовой борьбе. Результат классовой борьбы — смена власти, приход к власти нового класса, изменения государственных форм — подлежит правовому закреплению; так или иначе фиксируется в законодательстве. Законы не совершают революций, но политические революции творят новые законы. Создает свои законы

и контрреволюция — законы реакционные и фактически выражающие не право, а произвол.

Основные законы современных государств (конституции) могут представлять прямое отражение существующего в стране соотношения классовых сил и выражают (то ли открыто, то ли завуалированно) интересы, потребности, устремления и волю победившего в революции класса.⁶⁶ Политические отношения между государственной властью и населением (подданными, гражданами) всегда требовали той или иной юридической регламентации, но она касалась в большей мере сферы административного управления и особенно судебного процесса, в меньшей — правового статуса подданных государства. Лишь современное, политическое государство оказывается вынужденным конституционно признавать основные права граждан. При этом важнейшей гарантией действительности записанных в конституциях прав народа является сила классов, которые осознали необходимость этих прав и добились их установления.⁶⁷ Строго говоря, первый и второй вид политических отношений малоразличим, ибо политические отношения между властью и населением обусловлены классовыми отношениями вообще, являются их конкретным проявлением, при котором на одной стороне непременно выступает господствующий класс, организованный в государство и потому будто представляющий публичный (общий) интерес.

Политические отношения, вытекающие из суверенности государственной власти, пожалуй, в наибольшей степени таковы, что не могут существовать помимо права. По своему содержанию суверенитет представляет собой притязание экономически господствующих классов на монопольное осуществление политического господства в границах данной страны. Реальное осуществление государственной власти означает непременное закрепление этого притязания в законах государства, которым обязаны подчиняться все граждане и организации. Это превращает социальное притязание в юридическое право, опирающееся на экономическое господство властвующего класса и на всю мощь государства. Суверенитет — это юридическое выражение состояния независимости (верховенства, свободы действий) данной государственной власти от любой другой власти внутри страны и на международной арене. Суверенность как присвоение власти, ее самостоятельность предполагает ее признание в качестве права, неотъемлемого и безусловного, без чего правящий класс не может господствовать в экономических и политических отношениях.

Наконец, юридическое опосредования требуют и политические отношения между государственными органами, без чего

⁶⁶ См. там же, т. 7, с. 40—45.

⁶⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 54.

нельзя наладить нормальную деятельность всего государственного механизма (потому законодательство определяет порядок образования и деятельности звеньев государственного аппарата, компетенцию различных органов и должностных лиц). Более того, право призвано обеспечить всю работу госаппарата в интересах господствующих классов, поскольку у военно-бюрократической его верхушки могут выделяться особые интересы по отношению к классу, от имени которого она управляет страной.⁶⁸

Из отмеченного следует, что правопорядок, порожденный потребностями материального производства, оказывается объективно необходимым и для нормальной деятельности государства, которое стремится узаконить суверенную власть, умерить классовые столкновения,⁶⁹ подчинить всех граждан страны, в том числе и представителей господствующего класса, общеклассовой воле тех, кто осуществляет экономическое и политическое господство. Будучи установлен властью, закон оказывается идеологической формой выражения и закрепления правового порядка в экономических и политических отношениях, соответствующих данной исторической ступени развития общества, и потому он (закон) как бы возвышается и над той властью, которая его приняла. Если закон адекватен господствующим отношениям, то его идеологическое влияние на государственную власть подкреплено материальной силой тех фактических отношений, которые он выразил (с помощью той же власти). Формально государственная власть, принявшая закон, может его и отменить, может ему не подчиняться, но по существу дела — та же объективная необходимость, которая толкала власть к принятию закона, толкает ее к соблюдению этого закона и к тому, чтобы силой аппарата принуждения заставить подчиняться ему всех граждан.

Тут важно обратить внимание на то, что если отношения собственности как таковые сами по себе представляют юридическое выражение производственных отношений, то и отношения суверенной власти (суверенитет) как таковые представляют собой юридическое выражение всей системы государственно-политических отношений. И это вне зависимости от того, насколько те и другие отношения нашли отражение в нормативных актах власти. Это значит, что существующие в государстве отношения собственности и суверенной власти обладают правовой природой, неизбежно порождают юридическую форму, а произвол, нарушающий правопорядок, деструктурирует само содержание отношений собственности и власти. Заметим и то, что законодательство в качестве внешней формы выражения права обладает долей самостоятельности по отношению к господствующей экономической и политической структуре, в то время как правоот-

⁶⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 416.

⁶⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 7.

ношения ей имманентны. Утверждение, что отношения собственности и суверенной власти представляют собой юридическое выражение соответственно совокупности производственных и совокупности государственно-политических отношений, означает именно то, что отношения собственности и политической суверенной власти вне юридической формы, т. е. вне правоотношений, существовать не могут и неизменно ее порождают, хотя бы того те, кто осуществляет власть и пользуется собственностью, или не хотят, понимают ли они такую необходимость или не понимают, признают ли ее при помощи закона, который принимает власть под влиянием эмпирически диктуемой потребности, или стараются по каким-то причинам отвергнуть.

Наконец, еще одно обстоятельство, важное для понимания правового опосредования отношений в государстве. Исторически и логически получается, что не только правоотношения, опосредующие государственно-управленческие политические отношения, но и сами управленческие (вертикальные) отношения дальше отстоят от экономического базиса, чем имущественные правоотношения. Последние «привязаны» к производственным отношениям благодаря отношениям собственности жестко и непосредственно. Политико-управленческие формы определяются экономическими отношениями только в конечном счете, на них влияют многие факторы, в том числе и правоотношения собственности. Следовательно, политические формы обладают большей степенью самостоятельности, чем правовые формы опосредования экономики. Поскольку речь идет о классовом господстве, постольку политическая деятельность государства не только относительно самостоятельна по отношению к базису, но и существенно идеологизирована. Последнее относится и к законам государства. В подобном свойстве законов (в отличие, например, от правоотношений) есть свои плюсы и минусы. Отражая назревшие материальные потребности, законодательство способно активно влиять на общественные отношения, подталкивать их движению. Но не исключаются и законы, неверно отражающие объективные тенденции экономического развития, ориентирующиеся на устаревшие отношения. Такие законы тормозят социальный прогресс или остаются на бумаге.

Тем не менее законодательство органически свойственно государственной власти, вне зависимости от того, насколько часто и качественно его принимает (изменяет) государство, ибо в самом принципиальном виде можно утверждать, что «все потребности гражданского общества... неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение».⁷⁰ Объясняется это тем, что именно закон способен в наибольшей мере и в наиболее современном виде отразить в себе важнейшие свойства объективно необходимого права,

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 310.

наилучшим образом его объективировать и поставить под защиту государства. Благодаря законодательству и правосудию государство способно выполнить задачу охраны правопорядка, с поддержанием которого оно вполне идентифицируется.⁷¹

Надо только учитывать, что преломление в государственной воле потребностей общества в праве представляет собой формальную сторону дела, что с содержательной стороны главное состоит в том, что «государственная воля определяется в общем и целом изменяющимися потребностями гражданского общества, господством того или другого класса, а в последнем счете — развитием производительных сил и отношений обмена».⁷² Точность же отражения в правовой системе государства экономических отношений нарушается тем чаще, чем реже случается, что кодекс законов «представляет собой резкое, несмягченное, неискаженное выражение господства одного класса».⁷³

Историческая ситуация резко осложняется, когда при определенных условиях закон на деле перестает быть формой выражения права, когда акт государственной власти узаконяет произвол правящей клики, санкционирует бесправие — на такие случаи обращали внимание основоположники марксизма, подвергая резкой критике подобные факты беззакония.⁷⁴ Это бывает, в частности, тогда, когда в условиях господства реакционных сил и тоталитаризма «конкуренция завоеваний» взвинчивает власть, готовую поглотить все государство.⁷⁵ В эпоху империализма закономерная связь между правом и законом, правом и государством нарушается систематически, и дополняется это грубым нарушением ранее принятых демократических законов административными органами и судом, т. е. нарушениями законности. В. И. Ленин писал, что эпоха величайших революционных битв против империализма по форме начинается с потуг правящих классов избавиться от ими же созданной законности.⁷⁶ В целом резкое расхождение между законом и правом, а также разложение законности происходит систематически в периоды разложения общественных формаций, крайнего обострения классовой борьбы, общего ослабления господства тех или иных классов и их правящих слоев, сопровождается установлением антидемократических и реакционных режимов, при которых государственная функция обеспечения правопорядка перерождается и подменяется террористическими методами осуществления власти, что окончательно подрывает

⁷¹ Неновски Н. Единство и взаимодействие государства и права. М., 1982, с. 41.

⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 310.

⁷³ Там же, т. 37, с. 418.

⁷⁴ См. там же, т. 6, с. 62.

⁷⁵ Там же, т. 21, с. 171.

⁷⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 16.

ее социальную основу. Если же не иметь в виду подобных экстремальных обстоятельств, то остается в силе объективная закономерность функционального взаимодействия между правом и государством, одним из проявлений которой следует считать законодательство как форму права и законность как средство охраны правопорядка, обеспечивающего нормальное функционирование господствующего способа производства. Тут в законе находят выражение такие специфические свойства права в юридическом смысле, как общезначимость, общеобязательность и нормативность (формальная определенность официально признанного и равного масштаба свободы, который отражает объективную необходимость и представлен как возведенная в закон воля господствующих классов).

Юридический закон государственной власти, соответствующий общеклассовой воле (при социализме — воле народа) и экономической потребности, содержит право в объективированном виде, противопоставляет субъективизму и произволу отдельных лиц, отражая так или иначе закономерности общественного развития, закон государства оказывается ничем иным, как сформулированным законодателем и открытым этим законодателем объективным законом существования данного типа общественных отношений. Смыкание законов самой общественной жизни, диктуемых общественными отношениями права и юридического закона государственной власти, — оптимальный вариант соотношения между экономикой, правом и законом государственной власти. Наилучшие предпосылки для достижения такого рода соотношения имеют место при социализме. Однако достигнуть такого оптимального варианта непросто, и можно лишь вспомнить слова К. Маркса, который призывал законодателей к роли естествоиспытателей, открывающих в реальных отношениях фактические возможности и необходимость, познающих законы этих отношений и формулирующих их, не подменяющих тем самым сущность своей деятельности какими-то выдумками.⁷⁷

Когда речь идет об общественных отношениях, которые имеют правовую природу и требуют соответствующего официального признания, поддержки и защиты со стороны государства, тогда соотношение между масштабом свободы, детерминированным исторической необходимостью, и юридическим законом, выражающим волю господствующих классов, предстает перед нами на языке философии как некая целостность, представляющая собой единство противоположностей. Такого рода единство закономерно в той степени, в какой существует реальная потребность в классово-нормативном регуляторе и в ка-

⁷⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 162.

кой данные отношения в соответствующих условиях допускают подобное регулирование. Тогда право, не завершённое законом, и закон, не содержащий права, представляют собой аномалии, хотя причины и последствия таких аномалий различны, а сами аномалии такого рода встречаются не столь редко. Закономерно, когда юридические установления (законы), воплощающие право, и публичная власть, воплощающая силу, дополняют друг друга, коль скоро речь идет о законе, праве и силе одних и тех же классов, организованных в государство и господствующих в экономических отношениях.

И все же приходится признать, что столь желанное «положение» диалектики права и закона на язык философии не совсем корректно. В онтологическом плане вышеприведенное положение о единстве противоположностей приемлемо, ибо таково в принципе всегда соотношение между содержанием и формой предмета (явления). В гносеологическом аспекте проблема выглядит иначе, поскольку законодательство представляет собой идеологизированную форму права, в то время как его конкретная форма — это правовые общественные отношения, не зависящие в своем генезисе от государственной власти и ее законодательства, а коренящиеся в данном типе производственных отношений. Это и заставляет подчеркивать различие между правом и законом, не забывая о двух обстоятельствах: 1) на практике всегда важно, чтобы законы власти были адекватны объективно складывающимся правоотношениям, соответствующим прогрессивным тенденциям развития данной общественной формации; 2) в теоретическом плане на место имеющей богатую историю концепции права и закона⁷⁸ выдвигается в наше время более аргументированная с научной точки зрения концепция соотношения естественноисторически формирующегося общесоциального права и юридического (официально признанного государством, законодательного, легистского) права. И если остается мало выясненным вопрос о том, что же представляет собой неюридическое право, то уже сегодня можно с уверенностью сказать, что оно до законодательного воплощения существует не только в общественном сознании, в моральных правах и социальных притязаниях, в фактически сложившихся нормах, но может существовать, существовало и существует также в качестве вполне реальных правоотношений (прежде всего отношений собственности), которые при известных условиях возникают до того, как получают санкцию со стороны государственной власти. Строго говоря, различие общесоциального и юридического права служит той же цели, что различие права и закона. Потому не совсем ясна причина, по кото

⁷⁸ См. подр.: Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983.

рой сторонники последнего выступают против тех, кто проводит грань между правом в широком социальном смысле и правом, официально признанным государством. Иное дело, когда подвергается критике стремление некоторых авторов считать феноменом, не имеющим никакого отношения к праву как возведенной в закон господствующей воли, то, что ими трактуется в качестве непосредственно социального права. Уже отмечалось, что попытка вывести последнее из предмета юридической науки совершенно неосновательна. Суть в том, что официально действующее, позитивное право должно непременно включать в себя решающее качество общесоциального права — должно быть масштабом свободы. Из этого следует, что когда мы ведем речь о праве, то чаще всего имеем в виду явление, которое вобрало в себя свойство меры свободы и приобрело благодаря государству свойства общеобязательности, формально-нормативной определенности и организованной защиты. В тех случаях, когда перед нами оказывается право, существующее до и помимо официального признания, приходится это оговаривать. Пользуясь терминологией основоположников марксизма, возможно для краткости употреблять с известной долей условности наименование юридическое и неюридическое право. Впрочем, первое можно без особого ущерба для смысла называть и позитивным правом. В классовом и государственно организованном обществе именно юридическое (позитивное) право представляет собой полностью сформировавшееся право. Наиболее совершенное выражение оно находит в юридическом законе.

§ 4. Нравственное сознание, справедливость и действующее право

Экономическая обусловленность и классово-волевая направленность юридического права не снимают вопроса о его этической основе. В наше время любые попытки противопоставления права принципам морали и справедливости в научном отношении совершенно неприемлемы, а на практике могут лишь отражать желание господствующей элиты освободить государственную политику, законодательство и правосудие от каких-либо нравственных устоев и гуманных соображений. Подобная позиция чужда марксизму, коммунистическому мировоззрению. Достаточно вспомнить слова К. Маркса: «Если законодательство не может декретировать нравственность, то оно еще в меньшей степени может провозгласить правом безнравственность».⁷⁹ Ф. Энгельс отмечал, что если мы говорим и мыслим юридически, то мы прилагаем к явлению масштаб права и справедли-

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 162.

вности.⁸⁰ Если одной из важнейших характеристик права оказывается равная мера поведения, то в подобном, хотя и формальном равенстве заложен уже какой-то элемент справедливости. Если говорят о праве как о масштабе свободы, то под ней нельзя понимать возможность любых произвольных действий, и она (свобода) необходимо наполняется содержанием соответствующих нравственных требований, моральных обязанностей. Иное дело, что марксизм-ленинизм всегда исходит из исторически классовой обусловленности нравственных установок и представлений о справедливости, которые в конечном счете материально детерминированы.

По всей видимости, нет более близкого к праву феномена идейного характера, чем мораль и особенно справедливость. И объясняется это не только тем, что, как уже упоминалось, оба эти явления по своей природе в одинаковой степени относятся к практически-оценочному способу духовного освоения действительности.

Право и нравственность в одинаковой мере являются регуляторами поведения людей, во многих случаях имеют один и тот же предмет регулирования, воздействуют на одни и те же отношения. Право и нравственность носят в классовом обществе классовый характер. Взаимопроникновение морали и права заключается в том, что правовое регулирование включает в себя определенный круг нравственных обязанностей, которым придается юридическая общезначимость, в то время как современная мораль оказывается наполненной целым рядом общесоциальных прав. Кроме этого имеет место и формальное закрепление в юридических установлениях норм морали господствующих классов, что ставит эти нормы под прямую защиту государства. С другой стороны, большое значение имеет нравственное обоснование законодательства и правосудия.

В этой взаимосвязи морали и права самостоятельное значение имеет соотношение права и справедливости. По всей видимости можно считать, что справедливость является не только нравственной, но и правовой (юридической) категорией. Исторически и классово определенные требования справедливости проникают в ткань законодательства и в принципы правосудия. Явно несправедливые законы не воспринимаются в качестве права, как не считаются правосудием явно несправедливые судебные

⁸⁰ См. там же, т. 18, с. 268.— На связь абстрактного права как бытия свободы с моралью, наполняющей возможность действий содержанием соответствующих требований, указывал еще Гегель; он же писал, что понимание под свободой возможность делать все, чего хотят, обусловлено отсутствием культуры мысли, неясностью представлений о том, что такое свобода воли, право и нравственность (Гегель. Соч., т. VII, с. 44 и др.). В нашей литературе мало работ, посвященных соотношению права и морали, а связи справедливости и права посвящены две книги (Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977; Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980).

акты. При этом надо иметь в виду, что «в обыденной жизни, при простоте отношений, с которыми там приходится иметь дело, такими выражениями, как справедливо, несправедливо, справедливость, чувство права, пользуются даже по отношению к общественным явлениям без особых недоразумений».⁸¹ Объясняется это, очевидно, существованием простейших, элементарных общечеловеческих представлений о справедливости и тем, что справедливость, будучи идеологизированным выражением существующих экономических отношений,⁸² оказывается масштабом соответствия, соразмерности и гармоничности между осуществленными тратами, усилиями, свершениями людей и ответной реакцией на это общества, индивидов, государства, выраженной в виде вознаграждения, поощрения или наказания. Еще глубже: справедливость — ценностно-нравственный ориентир, соизмеряющий то, что К. Маркс назвал материальным и духовным «обменом веществ»,⁸³ без которого нет никакой социальности.

Поэтому есть основание считать, что по своей социальной природе право не только формально равный, но и справедливый масштаб свободы, разумеется, идеологизированный потребностями и интересами господствующих классов, выражающих свою волю в законодательстве (иных формах ее выражения). Поскольку такой масштаб деятельности коренится в исторически обусловленной совокупности производственных отношений, он функционирует как фактическая норма поведения субъектов социального общения. В той степени, в какой общество оказывается классово дифференцировано и в нем существуют классово антагонистические интересы, этот масштаб деятельности не может быть поддержан одними обычаями, деловыми обыкновениями, традициями и моралью, не может опираться лишь на общественное мнение и влияние; он опирается уже на всю силу государственного принуждения, на охрану закона организованным насилием. Следует, однако, признать, что ни один господствующий класс не в состоянии обеспечить закон и власть одним лишь принуждением физического порядка и потому стремится оказать влияние на поведение людей идеологическими средствами, в том числе при помощи морали, убеждения, нравственного воспитания, религии, искусства. Тут к месту напомнить, что экономически и политически господствующие классы господствуют также идеологически, в силу чего под влиянием нравственности этих классов находятся в большей или меньшей степени иные слои населения. К этому прибавим, что в периоды, когда новый класс приходит к власти, его мировоззрение и нравственные идеалы оказываются объективно-

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 273—274.

⁸² См. там же, с. 273.

⁸³ См. там же, т. 46, ч. I, с. 105.

исторически прогрессивными, с ними как бы смыкаются, пусть на время, чаяния довольно широких слоев населения. Нельзя забывать и того, что в любой классовой системе нравственности содержатся элементы общечеловеческой морали, некоторые элементарные правила общежития, пусть и искаженные эксплуататорским классом и используемые им главным образом в своих интересах. Все эти обстоятельства приводят к тому, что юридическая регламентация оказывается поддержанной нормами морали, нравственным сознанием не только господствующего класса, но и в какой-то период, в какой-то степени, в определенных случаях моралью, которая распространена также среди другой части населения страны.

Важно иметь в виду и следующее обстоятельство. Законодательная власть функционирует всегда в конкретной обстановке, не может не учитывать характера развития хозяйства, наличных разновидностей собственности и торговых отношений. Находится эта власть и под решающим воздействием данного состояния классовых отношений (борьбы и союза классов), она вынуждена считаться в большей или меньшей степени с притязаниями определенных классов и социальных слоев, не относящихся к господствующему классу, с необходимостью решения каких-то «общих дел» во имя укрепления существующего строя. Следовательно, в законодательстве получают закрепление не только нравственные установки господствующих классов, но и, пусть в весьма ограниченном виде и подчиненно, нормы морали тех, к кому обращены предписания законодателя. Чем глубже загнивает данный строй и бесперспективнее исторически судьба господствующего класса, тем реакционнее его политика и мораль, тем менее законодательство его государства способно отражать притязания и мораль остального населения страны, трудящихся масс и, следовательно, опираться на добровольное соблюдение юридических норм.

В основном добровольное соблюдение требований морали связано с тем, что нравственное в общественном сознании обладает существенной спецификой. Если нормы законодательства, будучи поддержаны государственным принуждением, оказывают на поведение людей внешне принудительное влияние, то мораль — это не просто общие нормативные суждения о социальном долге, навязываемые человеку обязанности и оценка поведения с точки зрения добра и зла, правды и неправды, гуманизма и бесчеловечности. Механизм нравственного регулирования поведения состоит в том, что тут на первом плане находится внутреннее убеждение людей. Общие ценностные ориентиры и нормативные суждения оказываются опосредованными моральными установками личности. Если для выполнения закона важно, но вовсе не обязательно согласие с ним тех, к кому он обращен, то для морали усвоение личностью ее требований, как своих собственных побуждений и убеждений,

имеет первостепенное значение. Отсюда особая «привязанность» нравственности к обычаям, традициям, мироощущению, психологии совершенно определенных социальных общностей, к особым условиям существования и быта социальных групп и классов, наций и народностей. Нравственное сознание и чувства обладают всеобщностью в том смысле, что мораль опосредует определенные стороны любых отношений, любых форм деятельности (политическую, хозяйственную, художественную, научную, религиозную, семейную и т. п.). Всеобщность закона в том, что он регулирует не все отношения, но обращен ко всем гражданам государства. Для нравственности особо принципиальным оказывается момент согласования индивидуального с коллективно-групповым (классовым, национальным), и коль скоро оно (это согласование) произошло, то человек действует по собственному убеждению, в крайнем случае — в силу авторитета и общественного влияния.

Несомненно и то, что нравственное сознание более отдалено от материальных отношений, нежели правовое, но особое предназначение моральных норм заключается в их устремленности к смыканию общественного и индивидуального сознания. Поэтому даже иллюзорное отражение общественного бытия оказывается в нравственности весьма устойчивым, общепринятым, привычным и даже интуитивным за счет снижения элемента рациональности и прямой выгоды (личной пользы). Этим, наверно, объясняется неинституциональный характер нравственности, в то время как право имеет тенденцию к институционализации и достигает этого в законодательстве. Нравственные требования обращены главным образом к совести человека, к осознанию и прочувствованию долга, ориентированы на механизм психологической саморегуляции. Тем не менее вовсе не все отношения могут подвергаться нравственной оценке, а нравственные ценности в целом не в состоянии поглотить иные ценностные ориентиры — в чем сказывается и некоторая ущербность морального регулирования поведения людей. Очевидная специфика морального влияния по сравнению с правом состоит также в том, что оно сосредоточено на возложении обязанностей, к тому же в ряде случаев таких, которым не соответствует ясное право требования их исполнения.

Чаще всего грань между правом и моралью описывается с формальных позиций: одно обеспечено государством, второе — нет. Эта грань реальна, хотя и относится лишь к правоотношениям и правам людей, которые получили официальное признание со стороны государства, в том числе при помощи закона и судебной практики. Между тем существует и неформальное различие между нравственностью и правом — то, что уже упоминалось: мораль в состоянии регулировать только известные стороны общественных отношений, и сами нравственные отношения таковы, что участвующие в них субъекты не

всегда обладают взаимными обязанностями и правами, их долг перед обществом (и друг другом) чаще неравнозначен, к ним редко применим равный масштаб поведения. Не поэтому ли, например, не всякое равенство оказывается с нравственной точки зрения добром и справедливостью, а последняя вовсе не всегда требует хотя бы формального равенства.

И тем не менее правовое регулирование общественных отношений нельзя себе представить вне минимума нравственного содержания, тем более явно противоречащим соответствующим элементарным моральным нормам человеческого общежития. Если в законодательстве такого рода обусловленность нередко почти полностью исчезает, в силу чего реакционные законы оказываются на грани антиправа или вообще за рамками права как такового, то в правосознании нравственно-оценочный момент присутствует более явно. К тому же в отличие от законодательства, воплощающего волю тех, кто осуществляет власть, правосознание оказывается элементом общественного сознания не только господствующих, но и других классов, существующих в той или другой стране, что также сближает его с нравственными устоями, свойственными любым классам и социальным слоям общества.

Уместно обратить внимание, что право в соотношении с экономикой выступает в первую очередь как правоотношения, в соотношении с политикой — как закон (иные нормативно-правовые акты государства, судебная практика, официально признанные обычаи), а в соотношении с нравственными воззрениями, идеологией и иными духовными категориями — как правосознание. При этом правоотношения представляют собой конкретную, а нормы права и правосознание — абстрактные формы права. Далее об этом будет сказано подробнее, здесь же хотелось бы обратить внимание на то, что сочетание этих трех форм права образует некие разноуровневые, но единые образования, представляющие собой правовые системы.

§ 5. Правовые системы прошлого и настоящего

В конкретно-исторической действительности отмеченные три формы права существуют как особое, целостное и, вместе с тем, дифференцированное образование, относительно суверенное в границах государств или в международном масштабе. Речь идет о правовых системах различных цивилизаций, эпох и общественных формаций. Правовые системы настолько же отличны друг от друга, насколько отличаются судьбы стран, народов, регионов земного шара, их экономические, социальные, политические структуры, быт, семья, культура и традиции, этнические и национальные особенности, характер мышления, язык и искусство, экологические и демографические условия жизни. Одни из этих факторов оказывают решающее влияние на свдй-

ства правовых систем, другие придают им лишь особый колорит.

Разумеется, что для характеристики правовой системы решающее значение имеют сущность и содержание собственно права, действующего в данной стране, но из этого не следует, что любую правовую систему достаточно свести к системе объективного права. Смысл и характер последнего нельзя полностью постигнуть, если мы отвлечемся от соотношения его форм, от свойственных данной правовой системе принципов и понятий, характера источников юридических норм (способов и видов официального признания), от своеобразия интерпретации текстов нормативных актов, правовых обыкновений и т. п. Иначе говоря, от того целостного исторического образования, которое составляет каждую правовую систему. Правовая система — это не только система объективированных норм, но также вся действующая структура права в единстве его конкретных и абстрактных форм (правоотношений, норм законодательства, правосознания — правовой идеологии и психологии), а также соподчиненности внешних способов официального признания и объективации (правовых обычаев, судебных прецедентов, законодательства, нормативных договоров и т. п.). Немалое значение для правовой системы имеет удельный вес присущего ей публичного и частного права, материального и процессуального права, светского и религиозного права, разновидности судебного процесса и арбитража, место юриспруденции и, конечно, уровень всей правовой культуры, характер господствующей идеологии, довлеющего мировоззрения.

Если понятие правовой системы нельзя отождествлять с системой объективного права и даже (вопреки тому, что мы писали раньше) с системой объективного и субъективного права, то было бы неверно, с другой стороны, включать в это понятие все без исключения юридические категории, всю правовую действительность. Тем более было бы опрометчиво считать элементами правовой системы социальные факторы, которые непосредственно влияют на правообразование и правореализацию, но не составляют их непосредственного содержания. В дальнейшем мы остановимся на центральном моменте предпринятого исследования — на анализе сущности права, и это необходимо приведет нас к самому глубокому основанию права, лежащему за его пределами. В данном же случае перед нами предстает прежде всего некая интегрированная и дифференцированная, разноуровневая закрытая специфическая система, элементами которой оказываются формы права, бытие которых находится на поверхности общественной жизни, и не охватив которые мышлением, нельзя проникнуть в глубинную сущность интересующего нас феномена.

Проследив генетические — связи форм права с факторами экономического, политического и идейно-нравственного харак-

тера, т. е. отправляясь при анализе права от общественных отношений, мы переходим к характеристике самой правовой материи, к ее наиболее обобщенной форме с тем, чтобы в дальнейшем пройти путь от явления к сути права.

В изучении множества правовых систем прошлых веков и настоящего времени решающее значение имеет их классификация по принадлежности к определенной общественной формации. И хотя будет показано, что в рамках одного исторического типа могут существовать различные семьи (виды) правовых систем, тем не менее без такой типологии, вытекающей из материалистической трактовки юридических явлений, наши представления о развитии правовых систем оказались бы весьма ущербными и поверхностными, хаотичными. Естественно, что принадлежащие к одной формации правовые системы при всем своеобразии имеют в главном нечто общее: они порождены и опосредуют один и тот же экономический базис, связаны с одной и той же господствующей формой собственности как юридического выражения соответствующего типа производственных отношений; они однородны по всем уровням сущности права, выражая при этом в первую очередь интересы и потребности, волю одних и тех же экономически и политически господствующих классов; они, наконец, отражают в принципе единую идеологию, сходные в основном нравственные и иные социальные ценности, некоторые общие черты мировоззрения и культуры, связаны с одним и тем же историческим типом государства.

Типология права, как и охраняющего его государства, строится на марксистском учении о следующих друг за другом способах производства и обусловленных ими общественных формациях. К. Маркс писал: «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена (commerce) и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества».⁸⁴ В другом месте он отмечал: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации... буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества».⁸⁵ Эти положения, изложенные в Предисловии к «Критике политической экономии», дополняются

⁸⁴ Там же, т. 27, с. 402.

⁸⁵ Там же, т. 13, с. 7—8.

тем, что автор берет за одни скобки весь период антагонистического общества, который вместе с первобытным обществом квалифицируется как только нечто предшествующее подлинно человеческой истории, начинающейся с коммунистической общественной формации. Мы знаем, что позднее К. Маркс посчитал нужным показать в «Критике Готской программы», что в коммунистической формации надо различать ее первую, низшую фазу — социализм и высшую фазу коммунизма, в той же работе он говорил о том, что разные государства современных ему цивилизованных стран имеют то общее, что они стоят на почве буржуазного общества, и задача состоит в том, чтобы выявить, какому преобразованию подвергнется в будущем коммунистическая государственность.⁸⁶

Итог взглядов К. Маркса на естественноисторический процесс развития человеческого общества (в принятой им терминологии и вне зависимости от происходящих до сих пор дискуссий по отдельным вопросам) может быть представлен такой схемой:

I. ПЕРВОБЫТНОЕ ДОКЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО

(«первичная формация»)

II. АНТАГОНИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

(«вторичная формация»)

Первая «крупная форма» антагонистического общества:

Азиатский способ производства

Античный способ производства

Феодальный способ производства

Вторая «крупная форма» антагонистического общества:

Капиталистический способ производства

III. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ

Первая фаза коммунизма — социализм

Вторая фаза — собственно коммунизм

Антагонистическое общество с примыкающим к нему раннеклассовым переходным периодом знает по крайней мере три исторических типа права, соответствующие трем сложившимся общественным формациям: рабовладельческие, феодальные и буржуазные правовые системы.

Коммунистическое общество с примыкающим к нему переходным периодом от капитализма к первой фазе коммунизма

⁸⁶ См. там же, с. 19, с. 27 и след.

знает один тип права⁸⁷ — социалистический, охватывающий пролетарское и общенародное право, иначе говоря — социалистические правовые системы государственного организованного общества, в то время как развитое коммунистическое общество уже не будет иметь в конечном счете ни юридической, ни политической надстройки.

Принципиальное деление правовых систем на соответствующие исторические типы относится к классово развитым обществам антагонистических формаций, которые полностью сложились. Оно показывает, интересам каких классов служат эти системы. И вместе с этим нужно иметь в виду, что даже эксплуататорские типы права, как и эксплуататорские типы государства, выполняют некоторые общесоциальные задачи, хотя и всегда подчиненные потребностям экономически господствующих классов. Надо иметь в виду и то, что существовали и существуют правовые системы, переходные от одного исторического типа к другому (в настоящее время это относится ко многим развивающимся странам так называемого «третьего мира»).

С точки зрения типологии коренные особенности свойственны социалистическому типу права. Это антиэксплуататорское право, выражающее волю трудящихся, возникает в результате революции и установления нового типа государства, закрепляет прогрессивное переустройство общества и оказывается на первых порах социалистическим по своей классовой направленности и задачам, т. е. до наступления первой фазы коммунистической формации, до победы социализма. В качестве социалистического по своему экономическому базису, по своей связи с полностью сложившимся социалистическим способом производства оно предстает как общенародное право, благодаря чему полнее и разностороннее выполняет общесоциальные задачи.

Следует обратить внимание и на своеобразие международного права. В настоящее время остался далеко позади период, когда международная правовая система могла быть отнесена в общем к буржуазному типу. Ныне существует общая международно-правовая система, отражающая классовый компромисс между буржуазными, социалистическими и, вероятно, развивающимися странами, в которых еще не сформировался определенный тип государства (государства социалистической или капиталистической ориентации).

Наконец, еще есть страны с феодальными правовыми системами. Их влияние на общую международно-правовую систему совсем незначительно, коль скоро их включение в международное сообщество связано главным образом с развивающимися внутри этих стран буржуазными отношениями.

⁸⁷ Здесь, как и применительно к антагонистическому обществу, идет речь о юридическом праве.

Таким образом, в современном мире существуют различные типы правовых систем: буржуазные и социалистические (в первую очередь), переходные от одного типа к другому, феодальные (в немногих странах) правовые системы внутри государств, а также международная правовая система, в недрах которой развивается особая межгосударственная правовая система нового, социалистического типа. Каждая из правовых систем, вне зависимости от принадлежности к соответствующему типу, имеет свою структуру (включает соответствующие отрасли и институты права, делится или не делится на частное и публичное право, делится в большей или меньшей степени на материальное и процессуальное право), складывается в результате разных правообразовательных процессов и потому обладает особым характером превалирования объективного или субъективного права, разными видами источников права и своеобразным их соотношением.

Надо сказать, что советская юридическая наука значительное внимание уделяет вопросам системы объективного права и зависимости от нее системы законодательства.⁸⁸ И все же скажем, что до сих пор у нас ведутся подчас малорезультативные дискуссии о понятии системы права, о критериях ее подразделения на отрасли и о соотношении с ней системы законодательства.⁸⁹ Представляется, что в последние годы заметна тенденция к субъективизации системы права и отождествлению ее с системой законодательства, что нельзя признать правильным. Система объективного (как и субъективного) права складывается в каждой стране исторически соответственно опосредуемым общественным отношениям и не строится рационально. Система законодательства — результат его целенаправленного упорядочения на началах кодификации или инкорпорации. Чем она ближе к системе права, тем совершеннее. С этой точки зрения создание Свода законов было бы наиболее целесообразно осуществлять на базе сплошной кодификации законодательства. Для этого надо преодолеть ряд сложностей — в науке прекратить бесплодные споры о хозяйственном праве, на практике осуществить кодификацию административного законодательства. Кроме этого, полезно обратить больше внимания на вопрос о месте в системе права судебной практики⁹⁰ и на возможность подразделения отраслей права в соответствии с наличными «вертикальными» и «горизонтальными» общественными отношениями. Обо всем этом нам уже приходилось писать, од-

⁸⁸ См., напр.: Система советского законодательства/Под ред. И. С. Самошенко. М., 1980.

⁸⁹ См. сообщения о дискуссии: Советское государство и право, 1982, № 6, 7, 8.

⁹⁰ Судебная практика в советской правовой системе/Под ред. С. Н. Братуся. М., 1975.

нако и последняя дискуссия о системе права, проведенная в 1982 г., заметного успеха так и не принесла.

Вполне вероятно, что попытки решить относительно частный вопрос о системе объективного права, игнорируя более обширную проблему правовых систем, в том числе и советской, не могут дать положительного результата.

Представления о правовых системах будут неполны, если их ограничить анализом исторических типов и свойственных им структур в каждом государстве соответствующего типа. Относительно самостоятельной является проблема больших групп («семей», «крупных систем») правовых систем, отличающихся друг от друга своеобразным соотношением юридических источников права, главным образом — соотношением законодательства и судебной практики, что обусловлено различными завершающими этапами правообразования и находит выражение в определенном характере взаимодействия объективного и субъективного права. Данные такого рода получает прежде всего сравнительное правоведение.

В настоящее время есть основание считать, что в антагонистическом обществе правовые системы прошлого и настоящего подразделяются на несколько больших групп: континентальную (романо-германскую) систему; систему общего права (англо-американскую); религиозно-традиционные системы.⁹¹ Названные группы правовых систем возникли давно и продолжают существовать в современном мире.

Системы континентального права (Франция, Италия, Испания, ФРГ и другие страны) развились в результате рецепции римского права, это системы в основном писанного права, с незначительной долей такого источника, как правовой обычай, и в своем классическом виде отрицающие судебное правотворчество. Здесь основной процесс правообразования идет по линии нормативных актов органов власти и управления, что создает известный приоритет для объективного права и, вместе с этим, в правовой идеологии приводит чаще всего к отождествлению права и закона, к нормативному правопониманию. Эта структурная общность характеризуется высоким уровнем нормативных обобщений, кодификационными актами и стремлением к созданию логически завершенной, замкнутой системы объективного права. Вполне возможно, что решающим обстоятельством в формировании такой группы правовых систем явилась не только духовная правовая культура Рима и эпохи Возрождения, но и в первую очередь централизация государственности буржуазного типа, первоначальная концентрация политического господства капитала в высших органах власти. Положительные технико-юридические черты континентального права, установка на престиж закона имеют и существенную тене-

⁹¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967.

вую сторону — тенденцию к консервации общих норм, к их отрыву от реальных отношений и к сильнейшей догматизации юриспруденции. Ясно, что то положительное и отрицательное, что заложено в специфически юридических моментах континентальной правовой системы, в различные периоды активно использовалось в классовых интересах теми, кто осуществлял и осуществляет господство в экономике и политике.

Системы общего права (Англия, США, Канада, Австралия и др.) по сравнению с континентальным правом самобытны и по сути оказываются сформированными главным образом за счет судебной практики. Тут основной процесс правообразования идет (шел, во всяком случае) за счет индивидуальных судебных актов, основанных на прецеденте и принимаемых на основе высокозначимой и отлаженной процедуры — процессуальных принципов и норм. Это создает некоторый приоритет для субъективного права, а в правовой идеологии приводит чаще всего к пониманию права как того, что решает суд. Такая структурная общность характеризуется известным пренебрежением к высокой степени нормативного обобщения и недоверием к возможности охватить многообразные жизненные ситуации абстрактным правилом, исключает стремление к формированию логически замкнутых систем объективного права и ставит на первое место, хотя лишь в идее, права субъектов, защищенные высшим авторитетом суда. Мы бы истоки подобной группы правовых систем связывали в идейно-гносеологическом плане с весьма свойственным для Англии прагматически-рационалистическим образом мышления, присущим буржуа в таких странах, где никогда не было мировоззренческих традиций создания глобальных социально-философских теорий и где, с другой стороны, в силу исторических особенностей развития капитализма, при всем стремлении к централизации государственности в борьбе с феодальной раздробленностью, сохранялась явная настоятельность к высшей власти, к ее концентрации и поддерживался в противовес ей престиж судебной системы. При иных условиях эти обстоятельства нашли свое преломление в жизни США и прежних доминионов Британской империи.

Специфические юридико-технические черты общего права, существенно зависящего от судебной деятельности, со слабо развитым нормативным началом, имели большое преимущество (в гибкости правового регулирования, его близости к фактическим отношениям), которое могло бы недостатки превратить в достоинства этой группы правовых систем, если бы не корыстный интерес имущих классов, превращавший защиту прав личности в охрану прав собственника.

Системы религиозно-традиционного права (многие страны Азии и Африки) не обладают, думается, той степенью единства и динамизма, которые свойственны ранее охарактеризованным правовым системам. Однако в любом случае речь тут идет

о сугубо доктринальных и догматизированных образованиях, сбивающихся постоянно на традиционно религиозные формы регулирования застойных общественных отношений, с явными остатками общинно-обычных норм поведения. Эти правовые системы неотдифференцированы как следует от иных форм регулирования, сохраняют в качестве доминанты религиозное миропонимание, а в развивающихся странах — некоторые черты правовых систем бывших колониалистских метрополий. Исторические корни этих систем уходят в далекие времена раннеклассового общества и азиатского способа производства. Внешняя стойкость религиозно-традиционных правовых систем ни в какой степени не связана с юридико-техническими свойствами, которые примитивны и сугубо идеологизованы исламом (мусульманское право) или другими религиями, их «стойкость» — это результат многовекового застоя, нединамичности социальных структур, исключительно слабой степени огосударствления норм, сочетающих в себе отсталое, реакционное мировоззрение с мало юридизированными зачатками общесоциального права, нашедшего свою закостеневшую форму объективации и институционализации в старых традициях, религиозных догмах и некоторых модифицированных нормах. В идейном плане — это правовые системы, связанные подчас с очень своеобразным образом мышления, мало склонным к рациональному восприятию жизненных отношений и основывающимся на уникальных ценностных ориентирах, совершенно не приспособленных к современному миру. Конечно, это умирающая правовая общность, да и правовая ли она в юридическом смысле?

Между обрисованными группами («семьями») правовых систем имеются существенные различия, особенно это касается религиозно-традиционного права. Совершенно несомненно, что последнее оказывается неприемлемым для стран, где господствует капитализм. В то же время системы континентального и общего права получили свое развитие именно благодаря становлению и упрочению буржуазного способа производства. Тут надо только отметить, что в эпоху империализма грань между англо-американским и франко-германским правом стирается за счет того, что в первом усиливается значение статутного (законодательного) права, а во втором — получает признание нормотворчество суда. Очевидно, трудно говорить и о том, что даже в странах, где сохраняется еще и теперь феодальный тип государства, нормы религиозно-традиционного права опосредуют все общественные отношения; они более, чем когда-либо, оказываются связанными с семейными и частично имущественными отношениями, охватывают население определенного вероисповедания, редко влияют на государственно-управленческие отношения, и если влияют, то скорее всего идеологически, как элемент официально признанной религиозной системы (например, ислама). Нет сомнения, что устаревшая

система религиозно-традиционного права, в том числе и со значительными элементами родоплеменных обычаев (ряд стран Африки), продолжает как-то существовать, в то время как в жизнь народов мощно вливаются новые духовные и экономические начала, только благодаря известному подъему черт самобытности, вызванному антиколониалистской борьбой против империалистических государств — в этом сказывается двойственный характер национально-освободительных движений.

Как бы то ни было, названные три группы правовых систем относятся к антагонистическому обществу, стоят на почве частной собственности и эксплуатации. Первые две группы связаны с наиболее развитыми формами частной собственности и классовой дифференциацией общества, третья — с менее развитыми отношениями частной собственности, с внеэкономическим принуждением, пережитками родо-племенных отношений и общинными традициями, господством религиозных форм нормативно-правового регулирования. Если системы континентального и общего права оказываются сугубо юридическими образованиями, укрепившимися в условиях буржуазного политического государства, а системы религиозно-традиционного, неотдифференцированного права нельзя признать чисто юридическим, государственно-политическим образованием, то это лишний раз подтверждает марксистский тезис о том, что развитие специфически юридической формы антагонистических отношений обусловлено генетически и логически с оптимальной ступенью динамики частной собственности — с капитализмом. Именно в этом и только в этом плане можно сказать, что в юридической форме докапиталистических формаций оказываются заметными консервативные элементы общесоциального права, в то время как в юридической форме посткапиталистической формации оказываются заметными прогрессивные черты общесоциального права (социализм), которое в конечном счете отбрасывает полностью саму по себе юридическую форму, перестает нуждаться в государственно-политической институализации (высшая фаза коммунизма), органически вплетается в единые нормы коммунистического общежития.

Поскольку социалистические общественные отношения продолжают нуждаться в юридической форме, постольку сохраняются и развиваются правовые системы государств социалистического типа — правовые системы коммунистической общественной формации на первой, низшей ее фазе развития.

Принципиальное отличие правовых систем в странах, вставших на путь социалистических преобразований, не требует дополнительных подтверждений. Однако это относится к их содержательной стороне и целям, которые стоят перед законодательством и правосудием, к мировоззрению, лежащему в основе социалистического правосознания. Что касается структуры и взаимодействия форм права, соотношения между объектив-

ным и субъективным правом, юридической техники и терминологии, характера юридического мышления, то с этими вопросами дело обстоит сложнее. Прежде всего отметим, что на сегодняшний день социалистический тип права не представлен, очевидно, различными семьями правовых систем. Не исключается, что в исторической перспективе, по мере распространения социализма в различных регионах мира, образуются достаточно четко выделенные группы (семьи) социалистических правовых систем, отражающие исторические особенности становления коммунистической формации в разных странах и частях света. Тем не менее и в настоящее время можно выявить некоторые различия в характере правовых систем, например, в СССР и в странах социалистического содружества Европы, юго-восточной Азии и на Кубе. Вопрос этот мало изучен, но о некоторых особенностях советской правовой системы можно сказать уже сейчас. Поскольку применительно к правовым системам действуют своеобразные и достаточно сильные тенденции исторической преемственности (не касающиеся сущности и основного содержания права), надо учитывать, что в предреволюционной России действовала в целом (не считая национальных окраин) типично континентальная правовая система, с той лишь особенностью, что в стране юридические традиции и правосознание были по сравнению с Западной Европой относительно слабо развиты, это касается также идеи законности. В России право никогда не рассматривалось как естественное дополнение морали и как одна из основ общества. До реформ 1861—1864 гг. мало развита была и юридическая наука, не было профессиональной адвокатуры, не существовало четких различий между функциями суда, администрации и полиции, писанное право представляло собой прежде всего административно-государственные нормы, ограничено функционировало частное право, не существовало конституционных прав граждан (до 1917 г.), самодержавие вплоть до конца своего существования оставалось над законом.

В результате Октябрьской социалистической революции старая буржуазно-помещичья правовая система была ликвидирована, и начал формироваться новый исторический тип права. Характерной чертой первого периода существования советской правовой системы был заметный приоритет революционного правосознания перед только возникающей законодательной формой права, к тому же законодательную функцию осуществлял не только высший представительный орган власти, но также его исполнительный комитет и правительство. Оставшийся в наследие от прошлого правовой нигилизм мало поддавался преодолению и в силу ряда лет гражданской войны, интервенции, разрухи, и в силу господствовавших тогда представлений среди ведущих юристов-марксистов о буржуазности любого права и о недолговременности существования права после ре-

волюции. Ломка прежних представлений о праве как нормах законов сопровождалась идеями, которые отождествляли право с правосознанием или с фактическими отношениями, охраняемыми Советской властью. После гражданской войны по мере решения задач хозяйственного и культурного строительства становится более ясной задача государства и его законодательства в социалистических преобразованиях общества, поднимается роль нормативно-правовых актов и законности, формируется вновь (на новой идеологической основе) восприятие права как совокупности юридических норм, судам отводится функция их применения, а правосознанию — их верного понимания. В значительной степени возрастает классово-политическое восприятие права, усиливаются в науке его огосударствление и отождествление с юридическим законом. С внешней стороны происходит как бы сближение советской правовой системы с группой континентальных правовых систем (при всем коренном отличии в их сущности и содержании). Однако даже с формальной стороны советская правовая система не становилась подобной романо-германской группе правовых систем, в том числе и потому, что в ней отсутствовала идея господства права и для нее оставалась чуждой мысль о том, что в каждом случае надо изыскивать право, соответствующее чувству справедливости, основанному якобы на примирении интересов частных лиц и общества, потому что свойственное периоду строительства социализма в нашей стране правосознание оказывалось более связанным с политическим, нежели с нравственным осознанием действительности. Prestиж права и правосудия оставался относительно низким не только среди населения, но и среди должностных лиц государственного аппарата. Построение социализма, наступление начала периода его зрелости определяют дальнейшую динамику советской правовой системы. Первая фаза коммунизма начинает развиваться на собственной экономической основе, усиливается тенденция к развертыванию всенародной социалистической демократии, государство диктатуры пролетариата перерастает в общенародное государство; обнаруживается повышение роли права во всех сферах жизни советского общества, в развертывании инициативы трудящихся и обеспечении всестороннего развития личности, с особой силой проявляются взаимосвязь демократии и законности, потребность в дальнейшем упрочении правопорядка.

В развитии советской социалистической правовой системы обнаруживаются новые прогрессивные тенденции, постепенно раскрывается существенный организационный и гуманистический потенциал социалистического права, повышается престиж закона и суда, усиливается роль юридической науки, предпринимаются усилия к упорядочению системы законодательства и усовершенствованию юридической техники. Наряду с этим происходят положительные сдвиги в правосознании, формиру-

ется социалистическая идея господства права и его детерминации производственными отношениями, противостоящая произволу и волюнтаризму. Известные изменения претерпевает также юридическое мышление, формируется в науке более широкий подход к праву, исключающий его отождествление с законом, усваивается более убедительное отношение к реализации юридических установлений. Функционирующее на собственной основе социалистическое общество выдвигает на первый план среди всех форм права юридические отношения, в первую очередь правоотношения собственности, жестко увязанные с социалистическим производством, обменом, распределением и потреблением материальных благ. Возрастает роль судебно-арбитражной практики в системе объективного права, упрочивается диалектическое взаимодействие субъективного и объективного права, возрастает значение охраны прав и свобод граждан, связи между их правами и обязанностями. Иначе говоря, происходит вызревание качественно новой правовой системы, которая с точки зрения ее структуры, взаимодействия элементов и их удельного веса в состоянии опосредовать позитивные черты прежних двух правовых систем капиталистической формации, превосходя их уже не только по содержанию и целям, но и в технико-юридическом плане.

Глава вторая

ЛИЧНОСТЬ И ПРАВО

§ 1. Человек, личность, гражданин

В. И. Ленин писал, что «социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения». ¹ Собственно говоря, существование человека является первейшей предпосылкой истории общества, ибо в конечном счете «общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития». ² Человек, его телесная организация и обусловленное ею отношение к остальной природе оказываются частью материального мира, с которым он всегда связан «плотью, кровью и мозгом». ³ Биологическое в человеке составляет его природную основу, и только на вершине его биологического развития возникла более сложная форма движения материи — общественная, предопределившая социальную природу человека.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 424.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 27, с. 402—403.

³ См. там же, т. 3, с. 19; т. 20, с. 496.

Ф. Энгельс писал, что «уже самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному...»⁴ Тем не менее общественное содержание человека с его трудовыми способностями и социальными потребностями — это совершенно новое свойство, не известное остальной природе. Труд, интеллект, человеческие эмоции и воля — все это возникает прежде всего как отражение в человеческом исторически сложившихся общественных отношений.⁵ И если общественная форма движения материи в целом несводима к биологической, то каждый индивид представляет диалектическое единство социального и биологического, при котором социальные качества человека определяют его сущность и коренное отличие от любых представителей животного мира. Сущность человека, подчеркивал К. Маркс, «есть совокупность всех общественных отношений», сущность особой человеческой личности составляет «не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество».⁶ Человек как личность — плод общественного развития.

Личностные качества человек приобретает только в процессе общения, только в обществе он получает возможность самовыражения, проявления своей личности.⁷ При относительной устойчивости своей биологической основы, генофонда, человечество за время своей истории претерпело громадные изменения в области общественных отношений, в развитии сознания, интеллекта, в чувственно-эмоциональной сфере. Человек благодаря способности сознательно и целесообразно формировать условия внешней среды (условия собственного существования), благодаря способности трудиться, творчески производить возвысил себя над природой. Он «своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой».⁸ Именно потому, что человеку свойственна социальная природа, потому что он — общественное существо, человек смог стать тем, чем он стал в ходе истории общества — личностью. Понятие личности охватывает социальное качество человека. Проблема человека как личности целиком лежит в социальной сфере. Общество, общественные отношения представляют ту формирующую среду, в которой человек приобретает качества личности; способность быть личностью заложена в социальных свойствах человека, в социальной природе его существа — в его стремлении к коллективизму, к упорядоченным формам общественной жизни; свой-

⁴ Там же, т. 20, с. 102.

⁵ Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность. М., 1982, с. 15 и след.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3; т. 1, с. 242.

⁷ Орзих М. Ф. Личность и право. М., 1975.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 188.

ства личности — продолжение и развитие социальных свойств человека.⁹

Становление и развитие личности происходят в соответствующих социальных условиях и предполагают двуединый процесс совместной деятельности (общения) и выделения человека, его индивидуализации, самосознания, самостоятельности (обособления). Человек «только в обществе и может обособляться».¹⁰ Становление личности сложный исторический процесс, в ходе которого раскрывается самостоятельная социальная ценность каждого индивида и постепенно разворачиваются все способности человека как социального существа. Вне общественного прогресса невозможно развитие личности, но и без последнего нет поступательного движения общества, нет цивилизации, культуры. Формирование личности предполагает усвоение человеком социальных эталонов поведения, выработанных обществом, классом, социальной группой при данных исторических условиях. В этом смысле личность есть определенный социальный тип человека, рожденный данной общественной формацией. Вместе с этим личности свойственны: способность проявлять свою самостоятельность, реализовывать свои возможности; стремление налагать на внешние условия бытия отпечаток своей воли и своего разума, своей деятельности; желание так или иначе устраивать и переустраивать жизненные обстоятельства; стремление к свободе и чувство собственного достоинства. Разумеется, эти устремления не одинаковы у каждого человека, а их осуществление зависит не столько от самой личности, сколько от общественного строя и социально-классовой принадлежности. Однако всем известно, что и раб, и крепостной могли быть личностью, в любых условиях сохраняя свое человеческое достоинство, в то время как немало представителей имущих классов при определенных условиях теряли свое достоинство, многие элементарные качества человеческой личности. В принципе все члены цивилизованного общества являются личностями, но были и есть разные социальные типы личности, а в рамках одного типа существуют, конечно, разные личности. Важным этапом развития человеческой личности оказалось буржуазное общество, ликвидировавшее феодальный произвол и феодальные сословия, установившее формальное равенство и стимулировавшее демократическое свободы.

Передовые для своего времени идеология, этика и философия еще с эпохи Возрождения призывали к утверждению человека как высшей социальной ценности. Позже Кант связывал нравственное поведение людей с требованием относиться к другому лицу не как к средству, а как к цели: «...только человек,

⁹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. М., 1970, с. 464—467.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 710.

а с ним каждое разумное существо есть цель сама по себе».¹¹ Гегель писал о том, что «человек как таковой... имеет право на свободу», что в государстве надлежит обращаться с человеком, как с разумным и свободным существом, как с личностью, и гражданин должен получить подобающую ему честь, благодаря трудовой деятельности, профессии, должности.¹² То, что все люди от рождения равны и свободны, представляло собой на заре капитализма уже самоочевидную истину. Однако при господстве частной собственности и эксплуатации личность ассоциировалась, главным образом, с эгоистическим индивидом, с частным собственником. Права человека, провозглашенные в декларациях времен буржуазно-демократических революций, представляли по сути права «эгоистического человека, отделенного от человеческой сущности и общности», эти права не выходили «за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т. е. как индивида, замкнувшегося в себя, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого».¹³

Самые коренные изменения в развитие личности вносит коммунистическая общественно-экономическая формация, ибо только положительное упразднение частной собственности способно в конечном счете возратить человека к своему человеческому, т. е. к общественному бытию.¹⁴ Только коммунизм, как истинное царство свободы, создает все условия для универсального развития личности. Более того, наступит время, когда сам человек окажется целью социального прогресса.¹⁵

Поскольку нас интересует проблема связи личности и права, то уместно подчеркнуть не только роль права по отношению к становлению и совершенствованию личности, но также и то, что само право тесно связано с процессом развития личности. Если личность нельзя себе представить вне социального общения и обособления, если одним из ее социальных свойств является стремление к творческой самодеятельности, к свободе решения и действия при упорядоченных отношениях, то нельзя ли на определенном уровне и в соответствующем социальном срезе рассматривать личность в качестве совокупности правовых отношений? Конечно, право коренится в производственных отношениях, но ведь и они в соответствующем плане представляют собой предпосылку и результат общения и самоопределения людей в ходе трудовой деятельности, в процессе производства и обмена материальными ценностями, которые опосредуются правом. Но тогда и само право (в субъективном смысле) ока-

¹¹ Кант И. Соч., т. 4, ч. 1. М., 1965, с. 414.

¹² Гегель. Соч., т. III, с. 245, 243.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 400—402.

¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 589.

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 121—123.

зывается одним из социальных качеств личности, и можно говорить о том, что в соответствующем аспекте право свойственно личности как необходимый для нее масштаб свободы. Разумеется, что в данном случае речь идет в первую очередь об общесоциальном праве, которым обладает или на которое притязает личность.

В условиях политического государства личность как бы раздваивается, человек становится политическим человеком, оставаясь членом гражданского общества, независимым индивидом. В качестве политического человека индивид оказывается гражданином того или иного государства, а какой-то комплекс его прав признается властью и фиксируется законодательством. Права гражданина — это уже его юридические права. Политический человек как бы отчуждается в государстве от естественного человека. К. Маркс показал, что эмансипация политическая, достигнутая в результате буржуазных революций, оказалась на деле сведением человека, с одной стороны, к эгоистическому независимому члену гражданского общества, а с другой — к гражданину государства, к юридическому лицу.¹⁶ Отсюда и грань, а при капитализме — глубокое противоречие между правами человека и гражданина. Подобное разделение начинает преодолеваться в ходе социалистических преобразований общества, но исчезнет полностью лишь с отмиранием государства, ибо гражданин — это личность в ее отношении к юридическому праву и государству. Следовательно, в классовом и государственно организованном обществе можно говорить о политико-юридических качествах личности, проявляющихся главным образом в сфере правоотношений.¹⁷

Пока существует объективная необходимость в государстве, обеспечивающем правопорядок, сохраняется как бы расщепление личности на собственно человека и на гражданина, что нашло, в частности, свое отражение в знаменитой французской «Декларации человека и гражданина» 1789 г., по смыслу которой каждого индивида следует считать свободной и равноправной личностью, естественным человеком, в то время как гражданин — это активный участник суверенной власти, политической общности, государственной жизни. Сохранение этой грани — не заблуждение идеологов и политиков или теоретиков права, оно обусловлено глубокими социально-экономическими процессами и коренится в конечном счете в отчуждении производителя от результатов его деятельности, наличием частной или любой разделенной собственности, породившими и поддерживающими это отчуждение. Отсюда и отчуждение гражданина от политической реальной власти, а самого политического че-

¹⁶ См. там же, т. 1, с. 406, 404.

¹⁷ Мальцев Г. В. Право как идеологическое влияние.— Советское государство и право, 1973, № 3, с. 11.

ловека (гражданина) — от естественного человека — члена гражданского общества. Собственно говоря, и само политическое государство, политическое общение есть результат отчуждения надстройки от ее экономического базиса, от сферы производства материальных и духовных благ. Точно так же, как юридическое право — законодательство и т. п. — представляет собой отчуждение от этой сферы и самого человека, свойственных ему прав. По мере формирования новой, коммунистической общественной формации, ликвидации частной собственности, достижения коммунистического обобществления средств производства, преодоления всякого общественного разделения труда и собственности постепенно происходит сложный процесс преодоления отчуждения человека от результатов его деятельности и в том числе от права и власти, преодолевается расщепление индивида на человека и гражданина. Начинается этот процесс с момента победы социалистических революций и установления власти трудящихся, что нашло, в свою очередь, свое отражение, в частности, в великой российской «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» 1918 г. В условиях реального социализма, полновластия народа образуется новый тип личности, синтезирующей в себе свойства собственно человека и гражданина, способного быть активным участником любой сферы общественной и государственной жизни. Дальнейшее движение к высшей фазе коммунизма сопряжено с такой степенью развертывания социалистической демократии, при которой будет идти интенсивный процесс исчезновения различия между естественным человеком и гражданином общенародного государства, между общесоциальными правами людей и юридическим правом, признанным государственной властью. Ясно, что в основе такого процесса лежат коренные сдвиги в социальной и экономической области, отражающиеся в политических отношениях.

Вплоть до полной победы коммунизма во всемирном масштабе фактические условия универсального развития личности, свойственный ей и общественным отношениям, в которых она находится, масштаб свободы нуждаются в юридическом признании и защите со стороны государства, гражданином которого она (эта личность) является. Потому, например, получившие международное общественное признание декларации ООН о правах человека нуждаются в том, чтобы каждое государство юридически, законодательным путем, закрепило эти основные права человека, придало им значение прав гражданина данного государства и последовательно обеспечивало возможности их использования каждым человеком. В современном мире «государство есть посредник между человеком и свободой человека».¹⁸ Насколько полно то или другое государство выполняет

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. I, с. 389.

такую задачу зависит от его исторического типа и политическо-го режима в стране, от уровня и характера борьбы трудящихся за свои права и свободы, от достигнутой населением стадии роста правовой культуры.

§ 2. Фактический и юридический статус личности

Фактическое положение человека в данной системе общественных отношений, в том числе и определенный круг его общесоциальных прав, находит свое выражение в юридическом статусе гражданина государства. Последний в обобщенном виде выражает фактическое состояние свободы личности в данной стране и при данном общественном строе, возможности человека свободно развивать свою индивидуальность, свободно принимать решения, действовать и осуществлять выбор при соответствующих обстоятельствах. Субстанцией юридического статуса следует считать именно фактическое положение человека, фактический масштаб свободы людей, принадлежащих к соответствующему социальному слою и наделенных определенной социальной ролью, фактическую возможность развивать свою индивидуальность, участвовать в созидании и потреблении социальных благ. Однако о юридическом статусе может идти речь только тогда, когда положение лица официально признано государственной властью и соответствующим образом зафиксировано государственными актами, имеющими качество общезначимости и общеобязательности (прежде всего конституционным законодательством).

Юридический статус гражданина (иных субъектов права) представляет собой наиболее общее и абстрактное отражение той системы правоотношений, в которых находится или может находиться субъект общественных фактических отношений. Он очерчен объективным правом (юридическими нормами). Юридический статус включает не только всеобщие субъективные права, но и всеобщие юридические обязанности, вытекающие из соответствующих прав и совместно с ними юридически обеспечивающие свободу личности, гарантированный ей государством масштаб свободы. При этом надо иметь в виду, что права становятся фактической свободой действий человека лишь тогда, когда они не только формально предоставлены законом, но являются наличным достоянием гражданина и обеспечены соответствующими обязанностями воздерживаться от их нарушения, исполнять требуемое по праву, защитой судом притязаний управомоченного. Наконец, важно и то, что, не выполняя своих обязанностей перед обществом и другими людьми, человек не может претендовать и на использование предоставленных ему прав. Однако конституирующим элементом юридического статуса гражданина надо все же считать круг предоставленных ему прав и свобод.

Юридические права и обязанности нельзя противопоставлять друг другу. Неверно полагать, что субъективное право — это сфера дозволенной государством свободы личности, в то время как юридическая обязанность — средство подчинения личности интересам государства. Такого рода рассуждения в известной степени порождены присущим досоциалистическим классовым формациям противопоставлением личных (частных) и общественных (публичных) интересов, но они оказываются по сути своей неверными даже для буржуазного (рабовладельческого, феодального) общества и совершенно неприемлемы для социалистического общества. В принципе общество и личность полностью противопоставлять нельзя, хотя полное единение личных и общественных интересов наступит только в будущем. С объективной точки зрения общество так или иначе всегда заинтересовано не только в исполнении обязанностей, но и в использовании всеми гражданами своих субъективных прав (пусть даже вопреки интересам тех, кто осуществляет власть). С другой стороны, личность, обладая правами, оказывается так или иначе заинтересованной в существовании законности и правопорядка, вне которых ей невозможно использовать свои юридические права. Без исполнения юридических обязанностей нет ни законности, ни правопорядка. Отмеченное имеет особое значение для социалистического общества.

Наряду с традиционным пониманием юридического статуса как правового положения личности, представляющего совокупность ее прав и обязанностей, существует тенденция к включению в него общей ответственности личности перед обществом, а то и всей сферы правоотношений между личностью и обществом;¹⁹ тенденция достаточно сложного разграничения понятий «правовое положение», «статус» и «модус» личности и включения в статус таких прав, которые существуют в виде состояния.²⁰ Подобная тенденция выглядела бы убедительнее, если бы те авторы, которые стремятся выйти за рамки прежнего понимания юридического статуса, сперва решились преодолеть собственный узкоформативный подход к праву вообще. В противном случае правовое положение личности часто сводится к объективному праву.

Фиксация в нормах законодательства юридического статуса личности и сам ее юридический статус неидентичны, нетождественны. Первое лишь модель второго. Второе предполагает наличный круг юридических прав (соответствующих обязанностей). Коль скоро речь идет о статусе, т. е. о чем-то стабильном, основополагающем и равном в правовом положении любого

¹⁹ Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Саратов, 1972; Орзих М. Ф. Личность и право.

²⁰ Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1975.

гражданина, то этот статус включает, конечно, не все наличные права (обязанности), а только всеобщие и предопределяющие все другие наличные права граждан данного государства.

Часто пишут, что правовой статус включает правоспособность и всеобщие права (обязанности). Во-первых, правоспособность надо также считать субъективным правом (мы отмечали давно, что правоспособность — это право субъекта на обладание правами), и представляет собой она неотъемлемое свойство всех лиц, которые признаются государством способными иметь права и нести соответствующие обязанности юридического характера. Во-вторых, применительно к личности она может обособливаться от дееспособности — способности к самостоятельному осуществлению своих прав и обязанностей. Юридический статус личности включает, конечно, праводеспособность, или иначе правосубъектность, но общая правосубъектность и есть разновидность всеобщего субъективного права. Потому вернее будет сказать, что юридический статус включает всеобщие юридические права и обязанности, определяющие содержание правосубъектности, и неотъемлемые основные (конституционные) права и обязанности граждан государства. Каков круг людей, за которыми признается официально способность быть носителями юридических наличных прав и юридических обязанностей, каковы их общие и равные субъективные права и юридические обязанности зависит в конце концов от характера господствующих производственных отношений, соответствующих достигнутому уровню развития производительных сил общества. Фиксация юридического статуса в конституционном порядке — достижение демократического характера нового времени, имеющее самостоятельную социальную ценность, во всяком случае придаст отношениям между личностью и государством характер взаимных прав и обязанностей, пусть лишь формального свойства. Насколько признание государством своих юридических обязанностей перед гражданами окажется фактическим, зависит от экономической структуры, соотношения классовых сил, политической системы, да и от самого социального типа личности, сформировавшегося в стране при данных исторических обстоятельствах. Конституционное закрепление юридического статуса гражданина государства — неперемный институт такого государства, аппарат которого и его должностные лица вынуждены в своих отношениях с населением так или иначе считаться с официально признанными правами и свободами личности, нарушение которых представляет собой грубейшее нарушение действующей в стране законности, вызывающее открытый или до известного времени скрытый протест трудящихся.

Вместе с этим конституционную фиксацию юридического статуса личности не следует и абсолютизировать. Не исключено, что конституционные нормы, в которых записаны эти пра-

ва и свободы, остаются на бумаге, даже не воплощаясь не только в фактических отношениях, но и в реально действующем юридическом праве, когда граждане не могут реально даже приобрести многие из записанных прав, не говоря уже об их фактическом использовании и государственной охране. Не исключается и то, что конституционное закрепление не охватывает многих важнейших прав современного человека или фиксирует их с такими оговорками, которые даже с юридических (формальных) позиций сводят их на нет, превращают это закрепление в демагогическую декларацию, в мало прикрытый обман населения.

С другой стороны, совершенно не обязательна конституционная фиксация всего объема юридического статуса гражданина государства. Официальное признание целого ряда юридически значимых прав и свобод, имеющих для личности важнейшее значение и составляющих содержание ее правового статуса, может осуществляться в текущем отраслевом законодательстве, в ходе судебной практики или путем государственного санкционирования прочно устоявшихся обычаев политической жизни. Если подобное официальное признание совпадает с фактическим положением личности, с ее общесоциальными правами или притязаниями значительной части населения, с устремлениями трудящихся масс, с господствующими нравственными принципами и социальными идеалами, в общем и целом соответствует объективным закономерностям нормального функционирования способа производства, то оно может оказаться куда более действенным и реальным, чем конституционная фиксация того, чего нет или не может быть при данных условиях.

Очевидно, самое главное заключается в том, чтобы формальная фиксация юридического статуса в законе не искаженно отражала то социально-правовое состояние личности, которое в силу существующих правоотношений оказывается свойством субъекта, находящегося в объективно обусловленном правовом общении в качестве относительно обособившегося, самостоятельного лица, обладающего неким масштабом свободы и способного осуществлять свою персонифицированную волю. Иначе говоря, помимо всего прочего юридический статус предполагает соответствующее неотъемлемое качество личности. Так же, как право в целом порождено правовой природой соответствующих общественных отношений, так и правовое положение личности связано с некой ее социально-правовой природой, которая обусловлена ее участием в такого рода отношениях.

Государство фиксирует (должно фиксировать) то, что сформировалось в реальной жизни, а не «одаривает» по своему усмотрению или произволу юридическим статусом своих граждан, не «дарует» им права и свободы, коренящиеся на самом деле в совокупности тех общественных, в том числе и юридических отношений, которые складываются на базе существующих

объективно производственных отношений. Выражение «государство предоставляет гражданам права и свободы» традиционно и связано с позитивно-юридическим восприятием самого права как системы юридических норм, установленных властью. Это распространенное выражение оказывается связанным с идеологически искаженным представлением той действительной связи, которая существует в жизни между личностью, обществом, правом и государством.²¹ Для юридического статуса личности необходимо, конечно, государственное (официальное) признание масштаба свободы, которым она пользуется или на который претендует, но сама эта свобода и ее рамки даны отнюдь не властью и могут ею лишь признаваться в силу объективной необходимости или не признаваться, вопреки этой необходимости, что подрывает ее собственные основы. Узурпируя социально диктуемые права личности, присваивая себе несуществующее право «одаривать» людей правами, государственная власть ставит весь существующий политический строй на грань катастрофы, а происходит это тем чаще, чем реже деспотические и тоталитарные режимы способны учитывать объективные тенденции общественного развития. Основное превосходство демократических форм государственности любого исторического типа состоит именно в том, что они в состоянии так или иначе учитывать объективную потребность господствующего способа производства в соответствующем масштабе свободы его участников и официально признавать тот юридический статус своих подданных или граждан, который диктуется правовой природой господствующих общественных материальных и иных отношений, а потому и качеством личности — субъекта этих отношений. Само собой разумеется, что социалистическая политическая демократия, власть народа способна обеспечить это с наибольшей результативностью.

В юридическом статусе личности сосредоточивается генетическая и функциональная связь между правом и общественными отношениями на уровне человека и гражданина. Поскольку общественные отношения — это всегда отношения между людьми, а общество образуется в качестве сложной системы таких отношений и самоцелью его развития может быть только сам индивид, его универсальное совершенствование как общественного человека, постольку взаимодействие между правом и общественными отношениями немислимо вне и помимо деятельной личности.

К. Маркс когда-то писал, что государственные функции «не

²¹ В книге «Марксизм и права человека. Исследования по философии права». Г. Кленнер пишет, что идея о правах граждан как благодетии и даре государства носит «насильственно-государственный» характер (Klenner H. Marxismus und Menschenrechte. Studien zur Rechtsphilosophie. Berlin, 1982); см. также: Ханай Г. Социалистическое право и личность. М., 1971.

что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека, что сферы государственности связаны с индивидами, ибо государство действует только через индивидов, но связано государство с личностью не в качестве физического, а в качестве политического человека, связано с *«государственным качеством индивида»* через «*существенное качество*» личности; все функции государства «естественное действие» этого существенного качества личности.²² Аналогичным будет утверждение, что функции права — это способы существования и действия социально-правовых качеств человека. Эти качества личности в сочетании с ее государственным (политическим) качеством отражает юридический статус гражданина. Если в своей целостности личность исследуется на общеполитическом уровне обобщения, то личность, включенная в правовую сферу общения и обособления, как один из уровней ее структуры, познается юридической наукой, и прежде всего философией права.

Распространенное в юриспруденции сведение юридического статуса субъектов к содержанию соответствующих норм государственного права представляет собой типичный отрыв функционирующей юридической формы от способов существования и действия социальных качеств человека — участника правоотношений, носителя прав и обязанностей. Придерживаясь формального подхода к проблеме правового (юридического) статуса, нельзя совместить положение о том, что этот статус включает только всеобщие права и обязанности субъекта с мыслью об охвате им любых юридических обязанностей и прав, в том числе и тех, которые имеют индивиды — участники конкретных правоотношений. На самом деле оба утверждения не противоречат друг другу, если иметь в виду вполне реального носителя прав и обязанностей, деятельную личность, участвующую во множестве самых различных юридических связей с иными субъектами права. Суть в том, что юридический статус гражданина представляет собой не только формально-нормативную предпосылку включения его в разные конкретные правоотношения, но и своеобразную эманацию этих отношений, прав и обязанностей их участников. В генетическом плане последние предшествуют тому их обобщению, с которым мы имеем дело в юридическом статусе. Сформировавшись в жизни и будучи закреплен в нормативных актах власти, этот статус оказывается уже, является сам по себе нормативным условием вступления в конкретные правовые отношения. Не случайно, что феномен юридического статуса личности (гражданина) — результат сравнительно позднего развития юридических и политических отношений.

²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 242.

С марксистских позиций реальные права человека личности отражают то положение, которое человек занимает в обществе. И для марксистской философии проблема прав человека, увязанная с пониманием общественной его природы, всегда оказывалась вопросом о ценности человеческой личности и ее свободы. К. Маркс писал, что основным богатством являются абсолютно выявленные дарования человека,²³ что основным принципом грядущего коммунизма будет «полное и свободное развитие каждого индивидуума», а Ф. Энгельс подчеркивал, что «общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека».²⁴ В. И. Ленин говорил, что без социального переустройства «о действительной свободе для человеческой личности... не может быть и речи».²⁵ Права личности — это социальный феномен, отражающий важные черты, свойства, качества человеческой личности, обусловленные данной ступенью исторического развития общества. Гражданин государства обладает соответственно правами юридического характера, закрепленными законом и защищаемыми государством (подлежащими защите со стороны государственных органов, и прежде всего суда). Это и есть то, что именуют субъективным правом. Права гражданина — это обеспеченные личности законом и властью возможности пользования свободой выбора и действия, участия в создании благоприятных условий жизни, присвоения социальных благ и ценностей. В юридической литературе субъективное право чаще всего определяют как меру и вид возможного поведения, установленные и охраняемые государством. Такое определение является формальным и юридизированным. Между тем права и свободы человека всегда представляли собой область упорных классовых битв, борьбы трудящихся масс за человеческое достоинство, безопасность и благополучие, за новый, более справедливый общественный строй. В течение веков плодами этой борьбы пользовались главным образом имущие слои населения, и только социалистические революции открывают дорогу к достижению человеком подлинной свободы, к активному его участию в созидании подлинно человеческих условий своего существования, к пользованию социальными благами и ценностями, к универсальному развитию личности, всех ее творческих способностей.

Практически-политический аспект прав личности не снимает философско-правовую проблему трактовки субъективного (и объективного) права как способа существования социальных

²³ См. там же, т. 46, ч. I, с. 476.

²⁴ Там же, т. 23, с. 605; т. 20, с. 305.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 426—427.

свойств человека. Эта проблема связана с необходимостью раскрытия исторического генезиса и сущности такого явления, как субъект права. С точки зрения юридической догмы вопрос описывается предельно просто — те физические лица и их организации, которые наделены законом правоспособностью, являются субъектами права. Что толкает государство к признанию субъектами права тех или иных членов общества, остается за рамками юриспруденции. Иначе говоря, юридическая норма рождает всю правовую форму, в том числе и категорию «субъект права». Философские концепции права, оказывавшиеся под влиянием гегелевского правопонимания или идей естественного права, в силу своего идеалистического и метафизического характера никогда не были в состоянии вскрыть реальное содержание этого феномена, хотя и включали подчас положения, которые в спекулятивной форме отражали некоторые стороны жизнедеятельности людей, приведшие к образованию категории субъекта права в правоведении. Самый существенный недостаток таких объяснений заключался в пренебрежении к историко-материалистической трактовке проблемы. И если впервые в науке истинная картина генезиса субъекта права оказывалась в своих отправных моментах представлена в «Капитале», то ее более специальная юридическо-экономическая теория была изложена Е. Б. Пашуканисом.²⁶ Надо полагать, что и по этому вопросу идеи Е. Б. Пашуканиса представляют до сих пор известный интерес, несмотря на то, что в них проявлялись общие для всей его интерпретации права оспоримые суждения. Позже была издана книга С. Н. Братуся,²⁷ содержащая ряд важных общетеоретических положений, и работа А. В. Мицкевича, целиком посвященная общей теории субъектов права.²⁸ И это все, или почти все, что опубликовано в качестве монографий по вопросу, который по существу должен быть одним из центральных в общей теории права.

Не ставя своей задачей описание всей проблемы субъекта права, остановимся на некоторых аспектах генезиса и сущности категории «субъект права», имея в виду прежде всего физических лиц (граждан), а не юридических.

Уже отмечалось, что материальные предпосылки юридического общения людей, или общения юридических субъектов, были вскрыты К. Марксом. Он показал, что капиталистическое общество есть, помимо всего прочего, общество товаровладельцев. Это значит, что капиталистические производственные отношения приобретают тут вещественное выражение в продуктах труда — в товаре, обладающем абстрактным свойством стоимости, проявляющейся как способность его обмениваться на дру-

²⁶ Пашуканис Е. Б. Избр. произведения по общей теории права и государства. М., 1980, с. 102—127.

²⁷ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950, гл. 1.

²⁸ Мицкевич А. В. Субъекты советского права. М., 1962.

гие товары. Это свойство товара не зависит от воли товаровладельцев, в то время как реализация стоимости в процессе обмена предполагает сознательно-волевой акт со стороны его собственников. К. Маркс писал: «Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям, к товаровладельцам. Товары суть вещи и потому незащитны перед лицом человека». ²⁹ В силу этого производственные отношения, связанные с общественным разделением труда и собственности, с отчуждением результата труда от производителя, требуют для своей реализации особого отношения между людьми как распорядителей продуктов труда, как субъектов, воля которых как бы господствует в вещах. К. Маркс далее отмечал: «Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжаться этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников». ³⁰

Собственники товара формально самостоятельны, свободны и равны друг с другом, непременно вступая в общение и получая в нем свое самоопределение. Традиционные связи между людьми, основанные на естественно-социальных свойствах признания в другом человеке личности, обладающей реальными достоинствами, вытесняются такими отношениями, которые представляют собой, так или иначе, юридически закрепленные отношения собственников. Следовательно, одновременно с тем, как продукт труда приобретает свойство товара и становится носителем стоимости, человек приобретает свойство юридического субъекта, становится носителем права в юридическом смысле, т. е. субъектом права. И происходит это по мере того, как социальное общение распадается на совокупность материальных (экономических) отношений, не зависящих от отдельных людей, определяемых уровнем развития производительных сил, и на отношения, которые являются их юридическим выражением и в которых человек противопоставлен вещи (объекту), оказывается субъектом, носителем юридических прав и обязанностей по ее поводу. Е. Б. Пашуканис верно подмечает: «Попав в рабскую зависимость от экономических отношений, складывающихся за его спиной... субъект как бы в вознаграждение получает уже в качестве юридического субъекта редкий дар — юридически презюмированную волю, делающую его абсолютно свободным и равным среди других товаровладельцев, таких же, как он сам», и это «отвечает целиком товарному способу производ-

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 94.

³⁰ Там же.

ства, в котором производители формально независимы друг от друга и не связаны ничем, кроме искусственно создаваемого правопорядка».³¹

Развитие производительных сил и растущее разделение труда стимулируют обмен, превращают стоимость в экономический феномен, воплощающий соответствующие над индивидом производственные отношения, соответственно и субъект права из индивида превращается в абстрактную и безличную юридическую персону. Общественные связи уплотняются и усложняются, возрастает сила социально-классовой организации, достигающая пика в буржуазном политическом государстве. И вот способность быть субъектом права полностью отрывается от реальной личности, перестает быть функцией ее сознательной воли и становится социальным свойством каждого человека-гражданина. Дееспособность отрывается от правоспособности. Буржуазная собственность перестает уже быть малоустойчивым фактическим обладанием и превращается в абсолютное право собственности, защищаемое в любой части мира законами, судами, государством. Теперь субъект права — чисто социальный феномен и охватывает как недееспособных физических лиц, так и юридические лица-организации, признанные таковыми законом и правопорядком в государстве. И все же нельзя забывать, что наличные права субъектов существовали задолго до того, как сложился правопорядок. Они основывались первоначально на личности индивида и на уважении, которое он сумел завоевать (отвоевать) по отношению к себе и своему имуществу. По мере развития индивидуальных интересов до уровня общеклассовых индивидуальные правоотношения социально-фактического характера превращаются в юридические и приобретают санкцию закона в качестве всеобщих. Потому ни субъективное право, ни субъект права в исторически-генетическом плане не порождены объективным правом. С другой стороны, субъект права не представляет собой вечной категории, вытекающей из того факта, что человек — разумное волевое существо, личность. Субъект права в качестве юридического явления появляется, конечно, в связи с деятельностью реальных людей, но при соответствующих исторических условиях возникновения частной собственности и последующего раскола общества на классы, а затем и появления государства, закона и суда.

Категория субъекта права абстрагируется из отношений собственности и порожденных ими рыночных актов обмена. Свой универсальный характер частная собственность получает при капитализме, окончательно порывая все традиционно-естественные объединения людей (род, семью, общину), и выступает в наиболее всеобщем значении, как внешняя сфера свободы — практическое осуществление абстрактной способности

³¹ Пашуканис Е. Б. Избр. произв. ... с. 107.

быть субъектом права. В подобной чисто юридической форме мало общего с житейским принципом частного присвоения как результата личного труда. Капиталистическая собственность есть свобода превращения капитала из одной формы в другую, из одной сферы в иную в целях получения прибавочной стоимости, прибыли и сверхприбыли. И эта свобода уже немыслима без наличия индивидов, лишенных собственности на средства производства, что не противоречит правоотношениям собственности, поскольку свойство быть субъектом права — это только способность быть собственником, которая не делает человека собственником. Эпоха империализма вносит свои метаморфозы в капиталистические отношения собственности. Господство монополий, в частности, означает отказ от свободной конкуренции, сращивание частнокапиталистических и государственных организаций, да и в самих концернах отдельный собственник-капиталист теряет полноту юридического господства над капиталом и освобождается от технически производственных управленческих функций, господствует финансовый капитал, основная масса которого оказывается обезличенной классовой силой. Однако на деле не многочисленные держатели акций, а узкая группа крупнейших капиталистов распоряжается этой обезличенной силой финансового господства, которое выходит далеко за рамки формально, юридически констатируемого капитала.

Если на ранних ступенях развития промышленный капитализм превозносил правосубъектность как незыблемое свойство личности, то ныне идеологи империализма склонны рассматривать категорию субъекта права в сугубо юридико-технической интерпретации, как конструкцию, удобную для разграничения ответственности, а то и как бесполезную абстракцию. Надо лишь иметь в виду, что участвующая, особенно в Западной Европе, критика «правового индивидуализма» дается в буржуазной теории с позиций господства финансового капитала и военно-промышленных комплексов, а не с точки зрения перспектив революционной ликвидации капитализма, с позиций активного вмешательства империалистического государства в сферу хозяйства, а не с точки зрения социализма.

Империализм означает, что капиталистическое общество созрело для революционного перехода в свою противоположность. Ликвидация частной собственности и эксплуатации, переустройство общества на социалистических принципах означают начало нового социально-экономического процесса, который завершается на высшей фазе коммунизма отмиранием юридических отношений и возвращением человеческой личности из области юридического субъекта (индивидуального или комплексного) в свое подлинно общественное состояние. К. Маркс писал, что лишь когда реальная личность воспримет в себя абстрактного гражданина государства, предстанет как целостный индивид в своем труде и общении, лишь когда «человек

познаёт и организует свои „собственные силы“ как общественные силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде политической силы, — лишь тогда свершится человеческая эмансипация».³²

Социализм — низшая фаза коммунистического общества и потому не предполагает такой степени освобождения человека и не устраняет объективной необходимости его участия в общественных отношениях юридического характера в качестве юридического субъекта. Социализм освобождает людей от господства частной собственности, исключает эксплуатацию человека человеком, но еще не может обеспечить экономическое равенство между людьми в потреблении — действует принцип «От каждого — по способности, каждому — по труду».

Социализм не исключает различные виды собственности: государственную, кооперативную, профсоюзную и личную. Остаются собственники средств производства и предметов потребления, которые оказываются участниками отношений обмена произведенной продукции: купли-продажи, поставки. При этом речь идет о самостоятельных владельцах имущества, обладающих относительно свободной волей и представляющих равные стороны договора, в результате которого происходит отчуждение, т. е. возмездная передача права собственности на товарную продукцию, имеющую стоимость и движущуюся от производителя к потребителю. При этом в одних случаях имущество со сменой его собственника становится иным видом собственности (отношения между государственными органами, кооперацией, гражданами), в других — имущество со сменой собственника остается прежним видом собственности (отношения между самими госорганами, кооперативными организациями, гражданами). Участники подобного экономического оборота оказываются юридическими субъектами (индивидуальными или комплексными), что в том или другом варианте признается законодательством и обеспечивается организованным принуждением.

Каждый субъект права собственности обладает правомочиями владения, пользования и распоряжения той долей имущества, которая ему принадлежит; каждый несет имущественную (самостоятельную) ответственность за неисполнение договора купли-продажи или поставки продукции. Это относится и к государственным органам — юридическим лицам. С этой точки зрения теория оперативного управления государственной собственностью³³ представляется необоснованной, хотя и получает самое широкое распространение. Эта концепция не учитывает фактического положения государственных предприятий (объединений) в хозяйственном обороте, диктуемого объективными

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 406.

³³ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1949.

потребностями нормального функционирования социалистического способа производства, связанного с исторически достигнутой степенью обобществления основных средств производства. Представляется, что эта концепция не помогает адекватному действительности закреплению в законодательном порядке самостоятельности производственных единиц и повышению их ответственности за осуществляемую деятельность.³⁴

Таким образом, отношения собственности при социализме остаются юридическим выражением господствующих производственных отношений, что и детерминирует существование юридических субъектов. Тот же характер отношений определяет, что отдельный гражданин может быть собственником только предметов потребления и таких средств производства, которые исключают наемный труд, эксплуатацию и в принципе нетрудовые доходы. Глубинный анализ генезиса субъекта социалистического права показывает, что этот процесс объективен и что никакая норма закона не может произвольно создавать юридическую персону.³⁵

Однако тот же генезис субъекта права в социалистическом обществе подтверждает, что в общен историческом плане тут процесс идет, можно сказать, в противоположном направлении по сравнению с досоциалистическими формациями. Если там процесс генезиса права и юридического субъекта развивался в органической связи с развитием владения как фактического присвоения в юридически опосредуемую частную собственность, то генезис субъекта права в период коммунистического преобразования общества остается в силе потому, что ликвидация частной собственности не приводит сразу к исчезновению юридической собственности вообще, не означает достижения сразу коммунистического способа владения средствами производства и распределения результатов труда по потребностям каждой личности. Однако дело не только в этом. Отсутствие частной собственности или по крайней мере вытеснение частнопредпринимательской деятельности, плановое ведение хозяйства и ограничение стихии рыночных отношений, трудовые доходы подавляющей массы населения в условиях сравнительно быстрого роста общественных производительных сил и соединения научно-технической революции с преимуществами социализма постепенно ликвидируют антагонизм между личным интересом, интересами трудовых коллективов и общенародным интересом, между личностью и обществом, преобразуют индивида-субъекта права, устраниают эгоистическую личность и рождают новый

³⁴ Критика идеи А. В. Венедиктова о праве оперативного управления имела место еще в 50-е годы (см., напр.: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958, с. 107—119).

³⁵ Заметим, что оптимистическая оценка «построения» государством системы субъектов права оказывается мало приемлемой. (Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974, с. 134).

социальный тип личности, не эксплуатируемой другими индивидами и не эксплуатирующей других.

Господство коллективистских производственных отношений составляет экономический базис нового, социалистического типа права и государства, становления и развития всенародной демократии, которая способна неизмеримо обогатить юридический статус граждан, способствовать проявлению разносторонних социальных свойств человека. Развернутая демократия оказывается к тому же решающей политической предпосылкой власти народа и всенародного характера государственной собственности. Что касается отдельного члена социалистического общества, то он уже находится в одинаковом положении с другими индивидами по отношению к общенародной собственности, что образует основу самого процесса непосредственного соединения производителей со средствами производства, а потому и преодоления всех форм отчуждения личности, которое зависит от реальной степени обобществления средств производства.³⁶ Поскольку речь идет о первой, низшей фазе коммунизма, труд и условия труда оказываются все же неоднородными (город и деревня, государственные и кооперативные предприятия, физический и умственный труд, неквалифицированный и квалифицированный, различные отрасли хозяйства и разная техническая оснащенность производства, меж- и внутриклассовые социальные слои). Это значит, что, с одной стороны, индивид как член общенародного коллектива, равный со всеми собственник средств производства, обобществленных в масштабе государства, а с другой — как член класса, слоя населения, социальной группы, трудового коллектива занимает не одинаковое с другими положение в производстве и системе разделения труда и, стало быть, в потреблении.³⁷ И зависит это от объективного фактора незавершенности обобществления производства, сохранения общественного разделения труда и собственности — в конце концов от уровня производительных сил. Поэтому связь между индивидами и индивидов с обществом не имеет все же еще непосредственного характера в полной и окончательной мере. Тут кроется причина того, что производитель соединен со средствами производства все же через производственные единицы (предприятия и т. п.). С. Н. Братусь показывает, что поэтому и в социалистическом государстве производственные и соответствующие им юридические связи «приобретают самостоятельное существование по отношению к людям».³⁸ В этих условиях человек, чтобы занять определенное место в обществе, должен быть не просто личностью, но еще и субъектом права, вступающим в конкретные правоотношения.

³⁶ Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л., 1973, с. 186.

³⁷ Там же, с. 187—188.

³⁸ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права, с. 17.

Только коммунизм обеспечит такой уровень фактического обобществления, который исключит дробление общественного производства на экономически обособленные единицы, а потому и необходимость юридического опосредования участия в нем производителей и распределения произведенного продукта.

Мы видим, что генезис юридического субъекта предопределяется не только сферой обмена, но и прежде всего характером производства. Его материально-технический уровень предопределяет формы собственности, а они реализуются в экономическом обороте, обмене и прямом распределении, которые обеспечивают процесс воспроизводства и потребление произведенных материальных (потому и духовных) благ. Вот почему субъективное право, которым обладает индивид (физическое лицо, гражданин), включает не только пользование произведенными благами, но и его участие в их созидании.³⁹ Для характеристики правосубъектности при социализме это крайне важно. Право, как способ существования социальных качеств личности в социалистическом обществе, обеспечивает (должно обеспечивать) ей объективно детерминированный масштаб свободы, юридически гарантирующий возможность ее участия в творческом созидании и использовании материальных и духовных благ, иных социальных ценностей. Движение к коммунизму предполагает расширение этого масштаба свободы, обогащение прав и свобод личности, а потому ее универсальное развитие и подлинную эмансипацию. Нельзя не учитывать и роль права в социализации и ресоциализации людей, в социальном контроле за отклоняющимся поведением. Наконец, для функционирования любой правовой системы и ее характера первостепенное значение имеет вопрос о круге субъектов права, порядок юридического закрепления фактического статуса граждан и организаций, проблема социально-правовой активности граждан государства. Можно утверждать, что деятельность субъектов права (индивидов, должностных лиц и организаций) оказывается всегда непосредственной движущей силой функционирующих правовых систем. И нет ничего удивительного в том, что исторические типы и группы (семьи) правовых систем отличаются друг от друга, помимо прочего, составом субъектов права, их юридическим статусом и направленностью их деятельности.

Главное внимание в данном случае было обращено на субъектов права — граждан. Не потому, что проблема, например, юридического лица, несущественна для юриспруденции и юрисдикции, а лишь в силу того, что нас в первую очередь интересовало право на уровне социальных отношений, т. е. отношений между людьми как индивидами.⁴⁰ Если в первой главе при рассмотрении связи между правом и обществом в целом была

³⁹ Ханай Г. Социалистическое право и личность, гл. VI, VII.

⁴⁰ Общественные отношения: Вопросы общей теории. М., 1981.

возможность вскрыть правовые явления на уровне экономических и политических отношений, частично коснуться нравственных устоев законодательства и правосудия, то в этой главе, посвященной связи личности и права, мы пытались конкретизировать некоторые свойства права на уровне социальных отношений.

Глава третья

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ПРАВА

§ 1. Право и вся юридическая действительность классового общества

До сих пор мы стремились выявить связь права с экономическими, социальными, политическими и нравственными отношениями. Нас интересовало причем не просто взаимодействие различных форм права с этими отношениями, а генезис юридической формы из фактических отношений разного уровня и характера, а также историческая обусловленность правовых систем и субъекта права общественными формациями. Теперь пришло время обратить внимание на то, что юридическая действительность классового общества образует особую правовую надстройку над экономическим базисом, оказывая на последний обратное воздействие. Сразу заметим, что правовая надстройка — результат длительного исторического развития и тесной, неразрывной связи всех правовых явлений. Логико-теоретическое восприятие формирования правовой надстройки — ступень к проникновению в глубинную сущность права.

Материалистическая теория права начинается с констатации владения как простейшего правоотношения. Но владение в историческом плане оказывается неразвернутой собственностью. Точно так же право (индивидов, семьи, рода, общины) периода становления классового и государственно организованного общества не было развернутым юридическим правом. Дальнейшее развитие частной собственности, в основе которого лежали принудительное отчуждение и присвоение чужого овеществленного труда, влечет за собой формирование права в юридическом смысле (защищенного государством), превратившего факт обладания собственностью на средства производства в масштаб деятельности людей, сообразно которому строились и другие общественные отношения. Зачатки правового упрочения господствующего способа производства из области материально-фактических отношений переносятся в наличное бытие собственно права и разворачиваются постепенно в целую юридическую надстройку, обслуживающую базис.

Этот исторический процесс превращения права в совокупности с другими юридическими явлениями в надстройку, его институализации в общих нормах и приобретения относительной самостоятельности происходил тем интенсивнее, чем быстрее экономически господствующие классы осознавали свои общеклассовые интересы, конституировали свою силу в виде государства, а свою волю — в законе, придававшем ей всеобщность. Защита права судом не ограничивается обеспечением мало развитого законодательства, создает юридические нормы, санкционируя обычаи, соответствующие потребностям тех же господствующих классов, формирует многочисленные общие нормы на основе прецедента. Правовые отношения из генетической клеточки права превращаются в специфическую форму реализации юридических норм. Осознание юридической реальности образует особую область — общественное и индивидуальное правосознание, правовую психологию и идеологию. Наряду с правосудием развивается и иная правоприменительная деятельность, которой придается подзаконный характер. Кристаллизуется результат осуществления права в условиях действия законности — правопорядок. Все более четко регламентируются и закрепляются юридический статус граждан (подданных), положение юридических лиц, полномочия агентов власти.

Официально признанные права субъектов общественных отношений конституируют юридические обязанности. Если в юридических нормах права и обязанности выступают как модель поведения, то вся сфера реализации права оказывается сферой, в которой используются эти права и выполняются обязанности (вне зависимости от того, были ли таковые первоначально признаны судебной практикой или законами).

Происходит образование целостных правовых систем структурированного права на соответствующей ступени его развития в масштабах каждой страны, а позже — в масштабах межгосударственных отношений. Правовые системы подвергаются интеграции и дифференциации. Конкретные и абстрактные формы права (правоотношения и нормы права), субъективное и объективное право разворачиваются в национальные и международную правовые системы, а в ином аспекте — во всю юридическую надстройку. И этот процесс происходит по сути дела каждодневно, благодаря постоянному правообразованию и непрерывной, разнообразной деятельности субъектов права в сфере реализации юридических возможностей и долженствований. Юридическая реальность (включающая и негативные явления — правонарушения, влекущие юридическую ответственность) отличается динамизмом, несмотря на то, что в общем и целом юридическая форма приспособлена к стабилизации общественного порядка.

Правовые отношения и законодательные нормы, правосознание и правопорядок, субъекты права и акты правосудия, адми-

нистративные акты управления, правонарушения и юридическая ответственность, наконец, такие целостные образования, как правовые системы с их своеобразным соотношением между объективным и субъективным правом, правовые обычаи и традиции, юридический статус и юридические факты — в общем совокупность разнообразных юридических явлений, в которых находит то или иное выражение право, лежит на поверхности общественной жизни классового общества, но может быть по настоящему объяснена только после того, как вскрывается сущность права. И первым решающим шагом на пути подлинно научного познания юридической действительности явилось признание ее надстройкой над экономическим базисом общества. Раскрытие надстроечного характера юридических явлений оказалось глубочайшим революционным переворотом, совершенным марксизмом в юридической науке.

Сложно структурированная юридическая надстройка может рассматриваться как форма экономического содержания, центральной ее частью является собственно право. Отсюда и понятие «правовая форма», которое в зависимости от контекста относится либо ко всей этой надстройке, либо к любому ее элементу. Системный подход требует учета связи права со всеми иными компонентами юридической надстройки, а наряду с этим функционального анализа самого права и других юридических явлений. Однако проблема заключается в том, что формами права оказываются в зависимости от аспекта исследования и некоторые другие элементы надстройки, а не только, например, законодательство, поскольку они берут на себя при известных исторических условиях его функции (правоотношения, правосознание). Проблема и в том, что, будучи формой экономических и иных отношений, право (другие части юридической надстройки) имеет свое непосредственное содержание, которое так или иначе структурировано и выражено вовне. Наконец, мы уже отмечали, что правовую (как и любую иную) форму фактических общественных отношений нельзя рассматривать только как внешнее выражение этих отношений: есть всегда еще и внутренняя сторона формы, которая пронизывает любой уровень содержания права, в том числе и опосредуемые правом материальные отношения. Если, к примеру, закон способен в качестве формы права структурировать лишь непосредственное, классово-волевое содержание последнего, то правоотношения оказываются не абстрактной, а конкретной формой права, которая охватывает опосредуемые ими фактические, в том числе и экономические отношения, глубоко проникая в эти отношения, т. е. в свое содержание. Сказанное говорит не только о сложности структуры юридической надстройки и самого права, но и о различной функциональной нагрузке, которую несут разные правовые явления, хотя все они оказывают обратное влияние на породившие их общественные отношения.

В наиболее обобщенном виде можно сказать, что функцией права является регулирование общественных отношений, которое происходит в процессе использования субъективных прав и выполнения юридических обязанностей участниками различных видов конкретных отношений. Однако правовое регулирование как функцию права нельзя абсолютизировать по ряду соображений. Во-первых, функциональная характеристика права не должна подменять собой проблему сущности этого явления, а тем более не может считаться отправным моментом ее изучения. Напротив, регулятивная способность права — одно из проявлений его сущности. Во-вторых, правовое регулирование только одна, хотя и специфическая, форма обратного воздействия права на опосредуемые экономические и иные построенные на них отношения. Понятие «обратное воздействие» не только более широкое, но и в методологическом аспекте более точное воспроизведение функции юридической надстройки, ибо оно подчеркивает и естественноисторический характер развития общественных формаций, и момент материальной детерминации права.

Системный подход, структурно-функциональный анализ занимают, на наш взгляд, достаточно подчиненное место в методологии общественной науки; они не должны оттеснять на задний план исторически-генетическую трактовку изучаемого объекта, принципы материалистической диалектики.

Имея в виду функциональный аспект права, надо обратить внимание на то, что оно (право) в последние годы все чаще трактуется как средство социального управления.¹

Прежде всего, если говорить о средстве, орудии, способе управления, и особенно государственного управления, то такими могут быть правовые акты органов государства, что не тождественно объективно сложившейся в стране правовой системе. Право опосредует различные виды человеческой деятельности, в том числе и деятельность по управлению одних людей другими. Даже взятое в самом широком смысле социальное управление не составляет единственного предмета влияния со стороны юридической формы. К тому же признание права только одним из средств управления навевает мысль о том, что оно зависит от государственного управления, является его орудием, что по меньшей мере неточно выражает характер связи между государством и правом.

Было бы неправильно также считать, что правовое регулирование и социальное управление одноплановые явления. Юридическая надстройка, в том числе собственно право, могут рассматриваться с известными оговорками и уточнениями как

¹ Дюрягин И. Я. Право и управление. М., 1981.— Еще дальше идет Ю. А. Агешин, объявляя право «одной из форм политики». (Агешин Ю. А. Политика, право, мораль. М., 1982, с. 52).

своеобразные регулятивные подсистемы, но мы бы не стали утверждать, что регулирование — неперемный элемент всякого управления, а тем более, что любое регулирование включает в себя управление. Управление и регулирование — сопряженные понятия, отражающие особые виды воздействия социальных институтов на социальные процессы. При этом надо иметь в виду, что в реальной действительности классовых формаций имеются общественные отношения, в которых субъекты находятся в координационного характера связях друг с другом (отношения равенства сторон), и такие отношения, которые характеризуются субординационными связями субъектов (отношения власти-подчинения). С позиций исторического материализма вторые строятся на основе первых и надстраиваются над ними. Первые и вторые можно регулировать, но управляют только через отношения власти-подчинения.

Если говорить только о государственном управлении (в специальном смысле), то его соотношение с правом неоднозначно. Главное состоит в том, что в условиях режима демократии и законности право составляет юридические рамки управленческой деятельности государственного аппарата, обеспечивает участие населения в этой деятельности и контроль за ней со стороны граждан, их общественных организаций, закрепляет цели государственного управления как закон высших органов государственной власти. Вместе с этим в ходе управленческой деятельности принимаются нормативные и индивидуальные акты, благодаря чему организуется проведение в жизнь конституционных установлений государства. Эти акты должны быть строго подзаконными. Об этом еще будет идти речь впереди, здесь же, еще раз подчеркнем, что государственное управление и правовое регулирование — сопряженные явления, и было бы крайне опрометчиво толковать юридическую регламентацию как нечто подчиненное органам государственного управления. Ведущие положения этой регламентации определены законом, а законы государства — только формы выражения действующего в стране права, имеющего объективную основу (господствующий тип производственных отношений).

Из того, что право нельзя воспринимать как придаток управления, не следует, что к правовому регулированию нельзя применять некоторые принципы научного управления обществом, а также некоторые категории науки управления. Но осуществлять это приходится со строгим учетом различия между понятиями управления и регулирования, государства и права, правовой системы и законодательства, законов и подзаконных административных актов. И при ясном понимании того, что управление никак не является конституирующим свойством права, позволяющим проникнуть в его сущность. Напротив, на путях сведения права к средству управления можно лишь прийти к смешению политических и юридических структур.

Восприятие права только как средства управления и как одной из форм государственной политики не отражает всей многогранности и разнородности этого сложного феномена, дает только пищу тем, кто неверно считает, что с точки зрения марксизма право определяется через принуждение, и, наконец, просто противоречит основополагающему выводу исторического материализма о том, что совокупность производственных отношений «составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания».² Вышеприведенное Марксово положение имеет принципиально методологическое значение, четко выделяя то, что детерминирует правовую надстройку и то, с чем она взаимодействует, по меньшей мере на равных началах. Образование юридической надстройки сопряжено с существенными модификациями включенного в нее права. В качестве надстройки право приобретает относительную самостоятельность, даже по отношению к сфере материально-производственной деятельности людей, не говоря уже об иных областях их деятельности. Более того, будучи элементом юридической надстройки, право испытывает влияние со стороны иных ее элементов и всей надстроечной системы, получает новое качество, что не исключает того, что любые юридические явления, каждое в отдельности и все вместе, существуют потому, что есть право, и всегда так или иначе воплощают в себе его сущность. Включенность права в юридическую надстройку означает, что оно приобретает именно юридические свойства, но при этом сохраняет решающие признаки права как права.

Что означает эта, так сказать, юридизация права? Прежде всего, конечно, его официальное признание, четкое выражение в соответствующих формах, устойчивую связь с государственной охраной, нормативную определенность и общеобязательность. Более того, означает институционный характер не только объективного права (его норм, институтов, отраслей, иных подразделений по предмету и методу регулирования), но также всего механизма правового опосредования общественных отношений, в том числе правоотношений, правоприменительных актов, правопорядка, юридической ответственности и наказания. Благодаря этому позитивное право приобретает в какой-то степени самодовлеющий характер, не сводится лишь к разновидности общественного сознания и не может быть воспринято только как фактически сложившаяся норма деятельности. Право в юридической надстройке получает, выражаясь философ-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соц. 2-е изд., т. 13, с. 6—7.— О том, что марксизм якобы определяет право через государство и принуждение, пишут, напр.: Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972, с. 121—122.

ским языком, тотальное бытие и как бы отодвигает на задний план неофициальное, неюридическое право. Однако это только видимость, формальность. И каждый раз, когда общественное развитие, и в первую очередь господствующий способ производства, порождает общесоциальное право (объективно требуемый, относительно равный и справедливый масштаб свободы или первичные правоотношения), оно раньше или позже оказывается официально признанным государственной властью. Общесоциальное право можно полагать во многих случаях неким передаточным звеном между экономическими и социальными отношениями, с одной стороны, и легистским правом, устанавливаемым на уровне государственно-политических отношений, с другой стороны. В ином аспекте юридизация права и превращение его в надстройку означают отчуждение права от человека. Об этом упоминалось в другой связи, но в данном случае важно обратить внимание на то, что если право как право представляет собой способ существования и совершенствования социальных качеств личности, то юридическое право оказывается, помимо прочего, средством подчинения индивида обществу (по форме) и государству, господствующим классам (по существу). Отсюда и известное демократическое требование: не люди должны служить закону, а закон должен служить человеку. Однако это требование может быть реализовано только в условиях новой общественной формации и остается в досоциалистическом обществе лишь благим пожеланием. Полное возвращение права к человеку связано с глубочайшим революционным переворотом в общественных отношениях и достигается в той мере, в какой усиливается общесоциальный элемент в законодательстве и правосудии, в какой юридическое право превращается в неюридическое. Налицо противоречие между общесоциальным и юридическим правом, но это противоречие внутреннего порядка, коль скоро собственно право в классово-структурированном и государственно организованном обществе представляет собой единство противоположностей: общесоциальное право получает завершенность в юридическом, а в последнем необходимо заключено первое. С этой точки зрения ошибочно не только стремление исключить неюридическое право из предмета юриспруденции (особенно философии права), но и отождествление права в социальном и в законодательном (легистском) плане.

С методологической точки зрения обе позиции приводят к одному теоретическому выводу — к отрицанию заложенного в праве классового общества единства противоположностей, которое предполагает признание и различия и тождества между юридическим и неюридическим правом одновременно. Между тем то, что порождено правовой природой общественных отношений, закономерно становится официально признанным правом, т. е. необходимо приобретает юридический характер, ста-

новится юридической надстройкой. Иное дело, что этот процесс не происходит только стихийно и путем реформ, во многих случаях он связан с активной борьбой классов и с революционной сменой господствующего типа производственных отношений, с появлением нового исторического типа государства и права. Иначе говоря, юридическое право приходит в соответствие с порожденным глубинными процессами в области производительных сил и общественного разделения труда общесоциальным правом не только в рамках данной формации, но и главным образом в результате революционной смены всего общественного строя. И происходит это потому, что право, включенное в юридическую надстройку, детерминировано соответствующим базисом и связано с определенным типом государства.

На первый взгляд признание включенности права в юридическую надстройку тривиально; на самом деле оно содержит в себе куда больше установок, нежели может показаться. Проблема связи права с иными юридическими явлениями в рамках сформировавшейся юридической надстройки подлежит дальнейшему исследованию. В данном случае надо было коснуться тех ее сторон, которые представляются важными для того, чтобы можно было приступить непосредственно к описанию сущности права. Чаще всего не только в учебной, но и в монографической литературе прелюдией к анализу сущности права оказывается выведение той или другой дефиниции права, в силу чего заранее и априорно определяются границы этого феномена, а потому и направление исследования. Хотя, как известно, ход научного познания и изложение его результатов могут не совпадать, подобный прием обоснован только тогда, когда есть достаточная ясность в самом объекте. Поскольку ответ на вопрос о том, какие юридические явления составляют право, остается проблематичным и дискуссионным, ответ на него может быть дан только на основе соответствующей интерпретации сущности права.

§ 2. Единая сущность права разного порядка и уровня

Сущность — это основное содержание предмета, то внутреннее и прочное, что делает данный предмет именно таким, а не другим. Сущность является в различных формах на поверхности жизни. Каждый объект представляет диалектическое единство сущности и явления, но явления никогда не совпадают полностью с их сущностью. Последнее определяет необходимость в науке и парадоксальность ее важнейших открытий. Эти положения марксизма широко известны, но они требуют с самого начала некоторой интерпретации применительно к категориальному аппарату юриспруденции.

В юридической науке широко распространен термин «правовое явление», который обозначает любые образования, свя-

занные с правом, помимо него не существуют и образуют в своей совокупности правовую (юридическую) реальность, оказывающую по отношению к базису общества надстройкой. Однако вовсе не все, что именуется правовым явлением, составляет собственно право. Право — это диалектическое единство его сущности и ее явления на поверхности жизни. И только! Следовательно, надо различать такие категории, как «правовое явление» и «явление права» (точнее, явление его сущности).

Правовые явления несут на себе те или иные черты и свойства права, оказываются его формами выражения, осуществления, действия (например, законодательство, правосознание, судебная практика, законность и т. п.), в то время как явление права — это непосредственное проявление его сущности, которое совместно с сущностью и есть право как таковое. Смешивая право (его сущность и ее явление) с различными правовыми явлениями, мы не имеем возможности отграничить право от сопутствующих ему правовых явлений. Не в этом ли заключается один из гносеологических истоков постоянных дискуссий о понятии права? Уяснив этот вопрос, обратимся к анализу интересующей нас сущности права непосредственно.

В. И. Ленин писал, что «мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. ... В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предметов...*»³ Из этого видно, что процесс познания движется от лежащих на поверхности жизни явлений к их сущности первого порядка, в этой сущности вскрываются противоречия, что дает возможность проникнуть в сущность второго и следующих порядков, вплоть до самой основы изучаемых явлений, под которой философы понимают наиболее глубокий момент сущности. Первоначально есть лишь возможность обнаружить основу (момент сущности) только самых внешних проявлений объекта исследования. На этом этапе познания она (основа) как бы отождествляется с обоснованным, т. е. с внешним явлением. Подобная основа формальна, ограничена, тавтологична и потому еще далека от глубинной сущности. Тем не менее ее констатация исключительно важна для характеристики внешних свойств права как юридического феномена и для того, чтобы идти дальше, раскрывая реальные основания интересующего нас объекта исследования. Таких реальных оснований у сложного и многоуровневого предмета бывает несколько. Несколько реальных оснований имеет и право. Дальнейший ход познания приводит к тому, что множество оснований приводятся к единому полному основанию, которое в снятом виде содержит реальные основания и представляет собой глубинную сущность, в данном случае — глубинную сущность права. До-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

стигается это при помощи главной идеи, выражающей самое существенное, устойчивое, постоянное в праве, в его природе как особого социального феномена.

Попытаемся пройти этот путь познания, опираясь на имеющиеся достижения марксистской науки права, чтобы затем осуществить обратный путь к проявлениям самой сути, глубинного смысла, логики, закона существования права как такового в специфически юридической «материи».

На самой поверхности государственной жизни давно обнаружены и всем известны непосредственные источники права — санкционированные властью обычаи, судебная практика, законодательство, содержащие общеобязательные правила поведения. Среди этих внешних форм выражения права особенно выделяется юридический закон, придающий государственной воле состояние всеобщности. Государственная воля и представляет собой ближайшее и формальное основание права. Однако подобное основание отождествлено с обосновываемым, поскольку основанием права тут оказываются его же нормы. Оно тавтологично, ибо ставит знак равенства между волей в праве и волей как его основой. Путь преодоления такого недостаточного основания права был открыт марксизмом еще в «Манифесте Коммунистической партии».⁴ Содержащееся в нем классическое определение буржуазного права акцентировало внимание на том, что право — это возведенная в закон и материально детерминированная воля господствующих классов. Это означало, что познание должно было идти к раскрытию реальных оснований права. У такого сложного и многоуровневого социального феномена оказывается несколько реальных оснований, расположенных в наличных нравственных, политических и экономических отношениях. Среди этих реальных оснований материалистический подход к исследуемому явлению естественно выделил экономическую структуру общества, точнее — материальные условия жизни господствующих классов. Однако полное основание права (его сущность) должно было в снятом виде содержать и ранее обнаруженные основания. В «Манифесте» и было дано определение, которое схватывало полное основание права в его самых важных чертах. Практически-политическое и теоретическое значение этого определения общеизвестно. Акцент на классовость и экономическую обусловленность воли в праве не помешал подчеркнуть, что в праве она «возведена в закон», т. е. предстает уже (в отличие от государственной воли как ближайшего формального основания права) в качестве общеобязательного норматива, наивысшего и непрерываемого масштаба правомерных поступков, взятого под охрану государства. Тут термин «закон» взят не только в юридическом, но и в какой-то степени в общеполитическом смысле. Возведе-

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 443.

ние в закон государственной воли отличает господствующее волеизъявление в праве от иных волеизъявлений государства индивидуального и фактического порядка, которые должны покоиться на законе, и противопоставляет эту волю любому произволу, в том числе и представителей господствующего класса. Право — общеклассовая воля тех, кто господствует при данных производственных отношениях и потому так или иначе заинтересован в сохранении данного способа производства, в объективных потребностях его нормального функционирования. Речь идет именно об общеклассовой воле, содержание которой всегда в конечном счете материально детерминировано, что отличает волю в праве от индивидуального или узкогруппового волеизъявления, подчас оказывающегося произволом и случайностью даже тогда, когда представлено в виде нормативного властного акта. Акт государства, санкционирующий произвол или выражающий случайное стечение обстоятельств, правом стать не может.

Возведенная в закон и материально детерминированная господствующая воля — это сущность права первого порядка. Для понимания специфически юридических свойств права она имеет первостепенное значение. Вместе с этим это именно сущность первого порядка, поскольку представляет собой главное, наиболее устойчивое, закономерное на уровне непосредственного содержания интересующего нас явления, а указание на материальную обусловленность воли в праве пока лишь только намечает путь к более глубокому познанию.

В «Манифесте» не ставилась такая задача. Более того, из контекста следует, что содержащееся в нем определение связывалось со стремлением показать ограниченность буржуазного права своеволием класса капиталистов, которые исторически преходящие производственные отношения и отношения собственности пристрастно превращают в вечные законы природы и разума, мало считаясь с действительными потребностями общества и прогресса; связывалось с критикой самих буржуазных идей, оценивающих отмену частной собственности с точки зрения узкоклассовых представлений о свободе, праве и т. д. Между тем, писалось в «Манифесте», «ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса».⁵ И несколько ниже с иронией замечалось: «Когда заходит речь о буржуазной собственности, вы не смеее более понять того, что кажется вам понятным в отношении собственности античной или феодальной».⁶ Было

⁵ Там же.

⁶ Там же.

бы ошибкой приведенное в «Манифесте» высказывание о праве буржуазном распространять на любое право без всяких уточнений, а тем более догматизировать вскрытую этим высказыванием сущность права и не считать возможным ее углубление. Помимо того, что такой подход искусственно ставит преграду бесконечному процессу познания, он игнорирует многие положения основоположников марксизма, содержащиеся в других их трудах, которые нами уже упоминались или на которые мы еще собираемся сослаться в дальнейшем.

Итак, познание должно идти дальше — от сущности права первого порядка к его сущности следующих порядков. И это исследование необходимо выходит за рамки права как совокупности юридических норм, ибо тут нормативность уже теряет исключительность в качестве свойства права. Норма права не может рассматриваться в виде генетической «клеточки» правовой реальности, да и социальный эффект действия права также должен обнаруживаться вне самой юридической надстройки.⁷

Раскрытие противоречия, заложенного в сущности права первого порядка, приводит к выводу: юридические нормы представляют собой официальное признание и закрепление притязаний господствующих классов на собственность и власть, на свободу использовать их в своем интересе и в соответствии со своими потребностями, объективно обусловленными данным способом производства материальных и духовных благ. Эти общеклассовые притязания выражают так или иначе фактически сложившиеся в общественных отношениях права индивидов, принадлежащих в первую очередь к господствующим классам, и те общесоциальные права, которые формируются у всех участников данного процесса производства, распределения, обмена и потребления, без которых не может нормально функционировать господствующий способ производства. Равный и справедливый в данных исторических условиях масштаб свободы оказывается сущностью права второго порядка. Марксовы положения в «Капитале» о правах и свободах, складывающихся в рамках фактических отношений, по всей видимости, относятся к сущности права второго порядка. Анализ продолжается, и тогда оказывается, что еще более глубокой сущностью права оказывается сама природа отношений собственности, существующей в условиях общественного разделения труда, отчуждения его результата от производителя, невозможности удовлетворить каждого члена общества по потребности. Отношения собственности, присвоение вещи (иных социальных благ) в условиях обмена имеют правовую природу и потому оказываются глубинной сущностью права. Именно в сфере производственных отношений, в частности в области обмена товарами, осуществ-

⁷ Зимаков С. З. Правовая наука: сфера и предмет. — Советское государство и право, 1982, № 10, с. 45, 44.

ляется постоянное воспроизводство экономической основы права любого исторического типа — в этом самая суть проблемы.

Если ответ на вопрос о сущности права первого порядка был предвосхищен в «Манифесте Коммунистической партии», то в «Предисловии» и «Капитале» речь идет главным образом о сущности права второго и третьего порядка. В зависимости от целей исследования основоположники марксизма обращались не только к разным компонентам юридической действительности, но и к сущности права разного порядка. О противоречивости сущности первого и второго порядка, позволяющей проникнуть в самую глубинную суть права, мы уже писали.⁸ Здесь подчеркнем два обстоятельства. Путь познания, идущий от сущности первого порядка к сущности права второго порядка, а от нее к сущности третьего порядка, противоположен по своей направленности историческому генезису права. При этом сущность самого глубокого уровня программирует будущую нормативность права, но имманентно ее не содержит. В случаях, когда эта глубинная сущность, как и сущность права второго порядка, не реализуется в сущности первого порядка, перед нами предстает право в общесоциальном смысле, т. е. право, не получившее официального признания, так называемое неюридическое право. Если в том есть объективная, экономическая необходимость, то такая реализация раньше или позже произойдет. Наличие объективной необходимости в завершении правообразовательного процесса стадией официального признания, которая (необходимость) существует в классовом обществе всегда, по крайней мере при опосредовании отношений собственности и власти, дает нам основание считать, что сущность первого порядка (возведенная в закон господствующая воля), хотя и самая поверхностная, но, вместе с этим, такая, игнорировать которую невозможно.

Отмеченное никогда для нас не означало утверждений о второстепенности не только сущности права третьего порядка, но и второго порядка, трактуемой как относительно равный и справедливый масштаб свободы. Юридический закон, лишенный такого масштаба, оказывается не правом, а произволом власти. Тем более лишен законодательный акт свойства права, если его волевое содержание противоречит господствующим отношениям собственности. К тому же в последнем случае юридическое установление государства, несмотря на принуждение, оказывается практически не реализованным. Сказанное означает, что только то, что есть право, может и должно становиться юридическим законом. С другой стороны, право в своем завершенном и необходимом для классового общества виде предстает перед нами как возведенная в закон воля господствующих классов.

Положение о сущности права разного порядка, высказанное автором с десяток лет тому назад, получило в ряде работ известное одобрение и развитие.⁹ Нельзя умолчать и о том, что это положение оказалось для некоторых ученых неприемлемым. Главное возражение сводится к тому, что известное ленинское положение об углублении познания от явлений к сущности разного порядка вовсе не свидетельствует о том, что у исследуемого объекта (в данном случае — права) имеется несколько сущностей.¹⁰ По мнению наших критиков, речь может идти только о разных определениях одной и той же сущности права, «причем все эти определения права... входят в общее понятие права и должны быть синтезированы в нем».¹¹ Начнем с того, что не определения образуют общее понятие права, а из его общего понятия вытекают краткие и многообразные определения. Можно ли дать одной и той же сущности несколько определений? Нельзя именно потому, что сущность предмета (явления) в отличие от самого предмета (явления) не обладает многосторонностью. Нельзя смешивать множество определений права, что отражает его многогранность, и возможности определения его сущности. Только потому, что право обладает по своей природе сущностью по крайней мере трех порядков, могут соответственно существовать в науке три определения, отражающие эту сущность разных порядков. И самое основное — наличие сущности права разного порядка отнюдь не отрицает единства этой сущности, речь идет о ее разворачивании в процессе правогенеза и соответствующей констатации ступеней этого реального процесса в ходе познания. При этом речь идет об углублении познания не обязательно во временном аспекте, а и в связи с поставленной задачей исследования. Достигнутый уровень познания права основоположниками марксизма нельзя механически отождествлять с изложением результатов познания в тех или иных произведениях.

Автор этих строк никогда не отрицал постановочный характер проблемы сущности права разного порядка, однако нам было бы куда интереснее осмыслить критику и, может быть, с известной научной пользой ее учесть, если при этом преподносилось нечто позитивное по вопросу о самом характере сущности права. К сожалению, критика в наш адрес не сопровождается изложением собственной позиции по поводу сущности права, если не считать общего утверждения, что право имеет единую сущность. В чем она заключается, по мысли В. С. Нерсисянца и тех, кто с ним согласен? Ответа пока нет.

⁹ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981, т. 1, с. 68, 75.

¹⁰ Нерсисянец В. С. Право: многообразие определений и единство понятия. — Советское государство и право, 1983, № 10, с. 30—32. —

¹¹ Там же, с. 31—32.

Выявив единую, но разного порядка глубины сущность права можно попытаться дать общее определение этой сущности,¹² развернутой на всех трех уровнях (политических, социальных и экономических отношений). При этом для разных наук подобное определение имеет свои нюансы. Для политической экономии наиболее приемлема дефиниция, согласно которой сущностью (глубинной основой) права являются отношения собственности как юридическое выражение производственных отношений. Подобное определение исходит из того, что для экономического анализа имеет значение сам факт существования правоотношений, вне зависимости от того, признало их государство в законе или не признало.

Для философии и социологии будет, вероятно, наиболее приемлемым несколько иное определение сущности права. Тут дефиниция может быть сформулирована следующим образом: сущностью права является сфера свободы, получившая основание в исторически определенных формах собственности. Нетрудно заметить, что экономическая, философская и социологическая науки оперируют сущностью третьего и второго порядка, оставляя открытым вопрос о том, признано ли право государством. Различие лишь в том, что политическая экономия естественно ставит на первое место отношения собственности, а социально-философское знание — проблему свободы.

Политическая и юридическая науки усваивают положения политической экономии, диалектического и исторического материализма, но больше внимания уделяют государственному признанию и классовой направленности права. Более специальное и близкое для юристов определение сущности права заключается в том, что под нею следует считать возведенную в закон общеклассовую волю, утверждающую масштаб свободы, характер и мера которой задан отношениями собственности.

Следовательно, можно считать, что пригодные для юриспруденции определения на первое место выдвигают описание сущности права первого порядка, вне которой нет юридической специфики этого феномена, в то время как социально-философская проблематика в какой-то степени требует, чтобы в определениях сущности права на первом месте сохранялась категория свободы. При этом как юридическая наука не должна игнорировать наличие общесоциального права, так и социология не должна обходить молчанием существование права, признанного государством.

¹² Определения сущности права не идентичны дефинициям понятия права, которые будут выведены позже.

§ 3. Субъективное и объективное право как непосредственное проявление глубинной сущности права

Уже отмечалось, что собственно право представляет диалектическое единство его сущности и ее непосредственного проявления вовне. Сложилось так, что у большинства советских ученых возведенная в закон господствующая воля ассоциируется с объективным правом, ибо считается, что именно общие нормы непосредственно выражают сущность права. Тогда получается, что собственно правом является система общих правил поведения, выражающих возведенную в закон волю господствующих классов. В то время как субъективное право воспринимается лишь как производное от объективного и не относится к собственно праву, будучи лишь элементом правоотношений, трактуемых в качестве формы осуществления юридических норм. Подобное правоопонимание встречает возражения, главное из которых сводится к тому, что оно принижает значение субъективного права, считая его лишь маловажным «придатком» права.¹³ Поскольку и тут субъективное право — элемент правоотношения, толкуемого формалистично как связь прав и обязанностей, предусмотренных законом,¹⁴ постольку преодоление традиционного подхода к праву на основе идей А. А. Пионтковского пошло по линии включения в собственно право дополнительных компонентов юридической надстройки, в то время как дальнейшей разработке его глубинной сущности уделялось мало внимания.¹⁵

Даже наиболее кардинальное стремление выйти за рамки нормативного понимания права путем включения в него всех или почти всех юридических явлений, содержащее значительный критический потенциал, лишь приблизилось к философскому восприятию права как юридической формы производственных отношений,¹⁶ но не смогло преодолеть ограниченной трактовки содержания права и продолжало оперировать лишь волевым моментом и связью с политическими отношениями (с государством), оставляя в стороне социально-экономическое основание упомянутой формы. Результатом такого половинчатого решения оказалось некоторое пренебрежение к анализу специфически юридических свойств собственно права, в то время как его действительный генезис из отношений собственности так и не был теоретически воссоздан. Иначе говоря, некоторые недочеты са-

¹³ Пионтковский А. А. К вопросу о взаимоотношении объективного и субъективного права.— Советское государство и право, 1958, № 5.

¹⁴ Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976.

¹⁵ Пожалуй, можно назвать только одну попытку увязать широкий подход к праву с анализом его глубинной сущности (см.: Миколенко Я. Ф. Право и его формы.— Советское государство и право, 1965, № 7).

¹⁶ Керимов Д. А. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. М., 1979; гл. 6.

мого общего подхода к праву могли бы быть компенсированы акцентом на его социально-экономическое содержание, но такой компенсации не произошло, а известное размывание грани между правом и иными правовыми явлениями послужило поводом к критике этой попытки, что как бы подкрепило сведение права к закону.

В принципе полезная, как мы полагаем, критика недостаточности понимания права как системы юридических норм не привела до сих пор к значительному научному сдвигу. Основная тому причина — увлечение широтой, а не глубиной правопонимания и недооценка того положительного вклада в раскрытие юридической специфики права, которая могла быть выявлена именно благодаря тому, что многолетние усилия были направлены на изучение особенностей норм, содержащихся в законодательстве государства. И все же настойчивые попытки выйти за рамки юридической догмы и преодолеть чисто юридическое мышление нельзя считать случайностью. Эти попытки диктуются потребностями практики коммунистического строительства, повышением роли права в условиях зрелого социализма и необходимостью верного понимания смысла борьбы трудящихся капиталистического мира за свои права и свободы. Они диктуются и самой логикой развития марксистско-ленинской теории права.

Ситуация в нашем правоведении по интересующему вопросу такова: сведение собственно права к юридическим нормам обнаружило при решении ряда проблем теории и практики свою слабость и, вместе с этим, предложения, направленные на включение в собственно права большого спектра юридических явлений, оказываются несостоятельными. Какое же правопонимание следует считать отвечающим действительному положению вещей? Ответ на этот вопрос можно дать только при условии, когда окажется достаточно конструктивной разработка вопроса о том, какие явления непосредственно выражают сущность права, сущность в ее оптимально развернутом виде. То, что возведенная в закон воля господствующих классов непосредственно предстает в качестве объективного права, не вызывает сомнения. Но не является ли сущность права на поверхности жизни столь же непосредственно в субъективном праве? В уже упоминавшейся книге «Общая теория права» нами была предпринята попытка доказать, что субъективное право наряду с объективным также следует трактовать как непосредственное проявление возведенной в закон господствующей воли (сущности права первого порядка). Теперь добавим, что особенность юридических прав субъектов такова, что они еще в большей степени, чем юридические нормы, выражают сущность права второго и третьего порядка, т. е. глубинную сущность. Субъективное право это: 1) совокупность наличных прав участников общественных отношений, в том числе и правоотношений соб-

ственности; 2) мера возможного поведения, т. е. масштаб свободы субъектов права; 3) такие права и такой масштаб свободы, которые официально признаны возведенной в закон господствующей волей и потому защищены государством.

Проявляется ли в нём непосредственно сущность права первого порядка или наличные права субъектов оказываются юридическими только тогда, когда они зафиксированы в общих правовых нормах? Это коренной вопрос проблемы, и на него есть основание дать положительный ответ. История и современность показывают, что есть две формы правообразования, при одной из которых субъективные юридические права закрепляются сначала не нормативными актами государства, а индивидуальными властными актами суда. Только в дальнейшем единообразная судебная практика (основанная на прецеденте) образует соответствующие общие нормы или такие общие нормы фиксируются в конце концов в законодательстве. Следовательно в принципе субъективное юридическое право может возникнуть и до объективного права. К этому надо прибавить, что объективное право, помимо субъективного, никогда не может найти своего воплощения в жизни. В публичном признании прав субъектов прямо проявляется общезначимая господствующая воля, а юридический закон или судебная единообразная практика, правовой обычай фиксируют это признание и подтверждают защиту такого права нормативно. Фиксация субъективных прав юридического характера в законодательном порядке (до или после их возникновения) несомненно укрепляет их, в наилучшем виде завершает процесс их формирования, но из этого никак не следует, что юридический закон, а не общественные отношения, является материальным их источником.

Если возведение в закон государственной воли означает приращение ей нормативности, то это достигается при стихийном правообразовании путем судебного прецедента значительно чаще, чем при помощи государственных актов, содержащих общие правила; и потому, как отмечалось, юридические (защищаемые организованным принуждением) права и обязанности, правовые отношения как бы обгоняют установление общих норм поведения. В данном случае дело не в оценке подобной практики, а в том, что она широко распространена при неразвитости законодательной деятельности и в какой-то мере сохраняется даже в условиях активной нормотворческой деятельности государства. Не только законодательство в состоянии рационально и целенаправленно толкать процесс становления субъективного права, но и последнее, возникнув в результате индивидуальных государственных актов защиты (признания), толкает законодателя к нормотворчеству.

Объективное и субъективное право диалектически взаимосвязаны, и если данное волеизъявление не мнимо, а остается реальным, то оно в одинаковой степени должно непосредственно

проявляться в абстрактном и конкретном праве, хотя временные разрывы этого проявления в том и другом могут быть значительными и могут быть в пользу первого или второго.

Объективное и субъективное право в одинаковой степени нормативны, но в первом случае это проявляется в абстрактном виде и как общее правило, неоднократно прилагаемое к типичным ситуациям и отношениям, во втором — проявляется в конкретном виде и как наличная мера возможного поведения субъекта, имеющая общее значение для данной ситуации и данного отношения. Достоинство всеобщности более свойственно объективному праву, но субъективное право обладает не менее важным достоинством персонализации. То и другое дополняют друг друга, обеспечивая эффективность правового опосредования общественных отношений. Объективное и субъективное право в одинаковой степени должны защищаться государством и соответствовать интересам господствующих классов; оба формально определены и конституированы потребностями господствующего способа производства, служат упрочению правопорядка; оба — масштабы деятельности. Одно без другого в принципе не может существовать и функционировать. Глубокая причина органической связи объективного и субъективного права видится в том, что лишение статуса собственно права одного из них оказывается губительным для другого, выхолащивает из развернутой сущности права один из ее компонентов (теряется либо сущность первого, либо сущность второго порядка). Самой собой разумеется, что активная и своевременная законодательная деятельность, чутко улавливающая сдвиги в общественных отношениях и тенденцию общественного процесса, способна не только фиксировать уже сложившиеся субъективные права, но и предвосхищать потребность в новом круге и характере прав субъектов общественных отношений, но и в этом случае в принципе приоритет объективного права над субъективным правом достаточно иллюзорен. Ведь социальные условия наполняют жизненным содержанием то, что установлено законом в качестве соответствующих прав (обязанностей) участников общественных отношений, определяют фактические возможности использования предоставленных прав и совершения действий, в результате которых субъект принимает на себя известный комплекс прав и обязанностей. Наличные права, вытекающие из закона, и модель этих прав в норме закона не тождественны, их соотношение противоречиво, поскольку первые находятся под прямым воздействием складывающихся отношений. Мы не говорим уже о том, что господствующая воля в момент принятия законодательного акта и господствующая воля в последующий период в силу многих причин, в том числе динамизма общественных процессов, не всегда совпадают, и нередко этот разрыв компенсируется не новым законом, а государственно-правовой практикой его применения (толкованием, характером

защиты и т. п.). В последнем случае модель прав и обязанностей, зафиксированная законом, остается до определенного времени без изменений, в то время как содержание субъективных юридических прав претерпевает известные изменения или меняются установки госорганов по поводу их защиты. При строгом режиме законности подобные несоответствия минимальны, тем не менее всегда имеют место за счет прямого воздействия господствующей воли на деятельность правосудия, административные органы, да и на носителей соответствующих правомочий — непосредственно и косвенно.

Защищая идею о праве объективном и субъективном, как двух сторонах (элементах, аспектах) собственно права, мы уже ссылались в свое время на известное положение В. И. Ленина о том, что «всякое право есть применение одинакового масштаба к различным людям».¹⁷ Характерно, что тут акцент делается не на нормативности самой по себе, а на том, что право является применением равного масштаба. Но применение в широком ленинском смысле и есть процесс осуществления закона, в том числе и приобретение на его почве соответствующих субъективных прав. К проблеме персонализации в сфере действия права следует относиться с особым вниманием. Тут речь идет не просто о конкретизации общих установлений, а о явлении, которое выражает особое свойство, существенное качество воздействия юридической формы на общественные отношения. Известно, что главная особенность влияния права на деятельность людей состоит в персонализации его положений по субъектам — это и осуществляется в процессе правового регулирования (наделение конкретных лиц правами и обязанностями). Если, например, политика обращена к целым классам, нациям, к массам, то правовое общес закрепление существующего порядка есть лишь предпосылка и результат обращения права к каждому в отдельности лицу, к каждому субъекту тех или иных правоотношений. Отсюда и значимость субъективного права. По отношению к правам общие нормы оказываются лишь известной предпосылкой и результатом (результатом возникших уже прав или предпосылкой на их основе возникающих субъективных прав). В этой связи надо бы подумать о том, что в марксистской формуле сущности права первого порядка термин «закон» фигурирует не только в общеправовом смысле и не только как форма всеобщности воли, как любая общая норма, но и в качестве юридического установления, особенность которого не сводится к защите государства, а предполагает самым неперменным образом абстрактное положение, обращенное ко всем персонально, а не вообще.

Персонифицированный характер правового регулирования проявляется в конкретном характере правоотношений (абстракт-

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 93.

ное правовое отношение — лишь идеологизированная форма, таящая в себе будущее его закрепление в общей норме закона или уже состоявшееся установление нормативного характера, в соответствии с которым складываются реальные конкретные правоотношения). Персонифицированный характер правового регулирования еще очевиднее сказывается на индивидуализации юридической ответственности. Собственно говоря, правовое принуждение и отличается от различных форм прямого государственного насилия тем, что оно, помимо прочего, носит заранее обусловленный и персонифицированный характер.

Сущность второго и третьего порядков достаточно убедительно показывают, что глубинное основание права органически увязано с индивидуальными (частными) интересами членов общества, с конкретными отношениями собственности, правовыми отношениями товаровладельцев, с правами личности и ее объективно обусловленными притязаниями, потребностями и интересами. Только развитие классовых отношений приводит к формированию общеклассовых интересов, находящих свое выражение в государстве и законе. Последний выражает индивидуальные (частные) интересы собственников, представителей господствующего класса не только в виде интереса данного класса, но и публичного интереса всего населения. Сущностная природа права, его генезис от частного к общему, специфика реализации закона — все это доказывает, что классовость юридического права не исключает того, что вся область юридической, да и вообще правовой формы общественных отношений характеризуется моментом персонификации (в то время как для политики, государства существенным моментом является публичность). Не случайно история правовых систем оказывается в известном плане историей «наслоения» над частным правом публичного права, что отражает развертывание над базисными отношениями (координации и равенства сторон) отношений надстроечного и субординационного характера, т. е. отношений власти-подчинения.

Отмеченное находит свое идеологизированное отражение и в теории права, которая долгие столетия отождествляла субъективное право с частным правом собственника, что имело под собой не только классовую, но и гносеологически-генетическую подоплеку. Теория права лишь с известным опозданием стала отмечать то, что начало происходит с формированием так называемого современного, политического государства, которое оказалось вынужденным в конституционном порядке закрепить публичные права своих граждан (буржуазное общество), признать народный суверенитет, связанность власти законом и т. п.

Можно ли, учитывая отмеченные существенные черты правообразования и правореализации, оставлять субъективное право вне самого права, полагать его только производным от юридических норм? Надо думать, что нет.

Сущность права образует реальное его бытие в социальной жизни только тогда, когда проявляется в диалектическом единстве объективного и субъективного права. При этом под объективным правом следует понимать всю совокупность действующих в стране юридических норм, а под субъективным правом — всю совокупность наличных юридических прав субъектов общественных отношений. Коль скоро в большинстве случаев право сводят лишь к объективному праву, широко распространенные и многочисленные (отличные в несущественном) определения первого оказываются только определениями второго. И добавить к ним у нас нечего. Иное положение дел сложилось с разработкой общей теории субъективного права. Недостаточность изучения свойств наличных юридических прав становится особенно заметной, когда это изучение сравнивается с состоянием науки о юридических нормах, их структуре, разновидностях, функциях, области действия, форм выражения и иных вопросов юридической догмы (в положительном смысле этого слова). Надо заметить, что научное освоение вопросов, являющихся в определенной степени юридико-техническими, имеет большое практическое значение, а общий акцент на проблемах объективного права сыграл свою положительную роль, поскольку создал значительный теоретический фундамент для совершенствования системы права и законодательства, приемов толкования и законов, их применения, для укрепления законности. Следует также сказать, что за последние 30 лет в советской юридической науке усилилось внимание к области осуществления норм права, к эффективности их действия, к правоотношениям и правопорядку. Можно полагать, что в настоящее время социалистическая теория права уже оказывается более подготовленной к фундаментальному изучению сферы субъективного права. В этой связи позволим себе высказать несколько соображений принципиального характера.

1. Подразделение на объективное и субъективное право никак не связано с кардинальным положением исторического материализма по поводу объективной и субъективной стороны общественного развития. К первой относится главным образом сфера материального производства, совокупность производственных отношений. Ко второй — надстроечные отношения и институты, формы общественного сознания. В этом плане право в объективном и субъективном смысле, как две стороны юридического права, имеет один и тот же статус явлений, так или иначе относящихся к субъективной стороне общественного развития.

Наряду с этим надо подчеркнуть, что то и другое право вполне реальные явления социальной действительности, не представляющие в одинаковой мере области каких-то индивидуальных психических восприятий и эмоций, субъективных ощущений или фантазмов. То и другое не только существует реально, но

и подчинено соответствующим объективным закономерностям, имеет в конечном счете объективную (материальную) основу и оказывает на экономические отношения обратное активное влияние. Термин «объективное» в приложении к праву означает, что юридические нормы получают свою объективацию в государственных актах и потому оказываются независимыми от усмотрения отдельного индивида, даже принадлежащего к господствующим классам. Термин «субъективное» показывает, что речь идет о праве, принадлежащем субъекту — участнику общественных отношений, о его наличных юридических признанных возможностях, которыми он может воспользоваться или не воспользоваться по своему усмотрению. Такого рода подразделение собственно права вполне реально, как и само право. И все же оно, строго говоря, относительно в том плане, что объективное право, его формы выражения (законодательство и т. п.) находятся в зависимости от индивидов, образующих господствующий класс и выражающих в нормах законов свою волю, изменяющих законодательство по своему классовому волеизъявлению в связи с изменившимися условиями своего бытия. Относительна и принадлежность юридических прав их носителям в том смысле, что эти права закреплены объективным правом, их характер и мера возможного поведения зафиксированы государственными актами, что свобода субъекта за рамками закона юридически не гарантируется, а использование наличных прав не должно приносить вред правопорядку.

Действительная грань между объективным и субъективным правом пролегает в плоскости абстрактного и конкретного, персонифицированного и персонифицированного, институированного и не подлежащего институированию, сравнительно ограниченного числа норм и практически бесконечного числа наличных прав, что делает объективное право легче воспринимаемым и познаваемым, чем субъективное право. Более того, объективное право, юридические нормы располагаются целиком в области возможного (и должного) поведения, в то время как наличные права представляют уже момент перехода юридической возможности в действительности. Разумеется, обладание соответствующими правами, коль скоро последние все же лишь мера возможного, только начало превращения права в определенный характер деятельности людей и их организаций. Полное превращение юридически возможного с точки зрения объективного и субъективного права будет иметь место тогда, когда используется наличное право (и выполняются соответствующие ему юридические обязанности). Тем не менее приобретение наличных юридических прав по отношению к нормам, которые эти права провозглашают, есть существенный и необходимый шаг в сторону превращения закрепленной законом возможности в действительность. Подчас смешивают, как отмечалось, наличные юридические права с их формулированием в нормах

законодательства. Это неправильно, неверно — даже по отношению к такому роду правам (всеобщим), которые прямо вытекают из закона. Субъективное право всегда такое право (такая совокупность правомочий), которое принадлежит соответствующим лицам, вне зависимости от того, закреплено ли оно помимо общих норм, вытекает из последних непосредственно или только приобретается в результате юридических фактов.

2. Субъективное право как наличные права конкретных лиц, участвующих в определенных общественных отношениях, предполагает юридические обязанности других субъектов этих отношений. Эта связь прав и обязанностей может порождать правоотношения. Содержанием конкретных правоотношений оказывается взаимодействие сторон, обладающих корреспондируемыми правами и обязанностями. Имея в виду, что ни сама деятельность, ни обязанности не могут восприниматься как право, конкретные правоотношения с трудом могут быть интерпретированы как собственно право. Однако это утверждение не касается исторических ситуаций, когда правоотношения носят простейший характер. Эти простейшие правоотношения в определенном смысле абстрактны (о чем речь будет дальше). Если отношения владения как абстрактные (простейшие) правоотношения и есть на ранних ступенях развития классового общества собственно право, то абстрактные правоотношения в качестве абстракции конкретных правоотношений могут представлять собой понятие права. Однако в данном случае абстрактное правоотношение трактуется в ином смысле: в качестве сформулированного путем абстрактного мышления понятия, выделенного из конкретно-исторических условий силой научного абстрагирования. Если, например, собственность как конкретное правоотношение представляет в своем простейшем виде источник права или в развитом состоянии — специфическую форму его реализации в деятельности людей, то абстракция правоотношения в качестве абстрактного юридического отношения имеет сознательно-волевое содержание, оказывается нормой права и может потому интерпретироваться как форма всеобщности и обязательности, как область свободы и равенства субъектов права в их опять же абстрактном выражении. Двойное употребление термина «абстрактное» правоотношение — одна из сложнейших проблем теории права. Не вдаваясь подробно в ее раскрытие, отметим, что, исходя из сказанного, не всякое правоотношение может быть включено в понятие права, а еще важнее в данном случае и то, что наличные права участников конкретных правоотношений не могут быть определены только в качестве меры юридически возможного поведения.

Субъективное право как мера возможного поведения свойственно простейшим (в этом смысле абстрактным) правоотношениям и абстракции правоотношений (в смысле абстрагированным в общей норме). Иначе говоря, как мера возможного

поведения, и только, субъективное право свойственно абстрактным (в двух смыслах) правоотношениям. Субъективное право как элемент конкретных правоотношений — это не только мера возможного, но и наличный масштаб свободы, который юридически гарантирован и позволяет субъекту пользоваться материальными и духовными благами в своем интересе, не противоречащем закону, т. е. официально признанному интересу других лиц и всего общества.

Имея в виду, что интерес индивида, если он верно им понят, детерминирован материальными отношениями, то даже интерес частного собственника, резко эгоистический и противопоставленный (противоречащий) интересу представителей других классов (трудящихся масс), оказывается выражением объективных потребностей господствующего способа производства, связанного с функционированием частнособственнических отношений. Совпадая с общеклассовым интересом собственников, имущего населения, он защищен субъективным и объективным правом, в котором выражена воля господствующего класса. При социализме резко меняется соотношение между личным и общественным интересом, но коль скоро между ними нет полного совпадения, остается и необходимость юридического гарантирования свободы субъектов общественных отношений. В данном случае важно обратить внимание на то, что соответствующий общественный строй в общем и целом оказывается заинтересован в использовании юридических прав. И диктуется это объективными потребностями производительных сил и соответствующими формами обмена. «Индивидуализм» субъективного права отнесен точно так же, как относительна и всеобщность юридических норм, закона, объективного права.

3. В диалектике субъективного и объективного права достаточно явственно прослеживается то обстоятельство, что исторически и логически правоогенез происходит до завершающей своей стадии независимо от государства. Формирование на уровне материальных факторов первичных правоотношений (отношений собственности в их волевом виде как конкретных отношений) уже предполагает взаимные права субъектов, содержащие формально равные и эквивалентные (относительно справедливые) масштабы свободы. На этой основе формируются и другие права индивида, в том числе политические и личные. Поскольку индивиды образуют социальные группы и классы, постольку в идеологии и политике предстают перед нами социальные притязания на собственность и власть целых классов, а народов и наций — на самостоятельность. Образуется обширная сфера права в общесоциальном смысле, существующая до и помимо государственного признания. Там, где такое право охватывает общественные отношения, обладающие сами по себе правовой природой, раньше или позже объективно необходимые и возможные масштабы свободы получают официальное признание

в индивидуальном, а затем и общем порядке. Сказанное означает, что несмотря на то, что интерес юриспруденции сосредоточен на соотношении между объективным и субъективным правом, находящимся под защитой государства, жизненная диалектика этих явлений такова, что второе по своей природе выходит за рамки специфически юридической формы. Если угодно, то субъективное право как наличное право субъектов общественных отношений оказывается звеном «сцепления» фактически складывающегося права с его законной формой объективации, происходящей в результате государственной деятельности. Получив признание в индивидуальных актах, наличные права субъектов необходимо порождают — по мере складывающегося общеклассового интереса тех, кто господствует — объективное право. И тот факт, что в условиях развитой законодательной деятельности юридические нормы предшествуют правоотношениям и как бы определяют их характер, ни в какой степени не опровергает генетического первенства субъективных прав и первичных правоотношений.

§ 4. Динамизм научного понятия права и его статичные определения

Понятие права не может быть застывшим, неизменным, хотя бы потому, что само право находится в развитии и движется процесс его познания. В. И. Ленин отмечал подвижность понятий, их движение от субъективности к объективности отражения действительности; обращал внимание на всеобщность понятий и на то, что они происходят от сущности, как того, что в единстве с существованием, переходящим в явления, образует действительность.¹⁸

Применительно к понятию права это, видимо, означает, что субъективное восприятие права превращается в его объективное отражение, что достигается благодаря проникновению в сущность права, которая только в единстве с ее существованием в качестве явлений образует действительное право. Основная служебная роль понятия права и заключается в том, что оно в непосредственных явлениях права открывает его сущность. Научное понятие права представляет таким образом целостную и развивающуюся концепцию права, более того, можно, очевидно, утверждать, что содержание понятия права дается всей общей теорией права, вскрывающей его соотношение с иными неправовыми и правовыми факторами, интерпретирующей его сущность соответственно этапу научного знания и потребностям практики, определяющей формы непосредственного про-

¹⁸ См. там же, т. 29, с. 158, 140, 135, 146—148, 154—155, 227; 298; 337.— Понятие в бытии, в непосредственных явлениях открывает сущность, писал В. И. Ленин (см. там же, с. 298).

явления установленной сущности, наконец, объясняющей все юридические явления, исходя из данной ступени правопонимания. В этом движении научного понятия права особое значение имеет определение той его генетической «клеточки», проследивая развитие которой в функционирующую правовую действительность, выводя логику права из его истории, оказывается возможным субъективное восприятие права превратить в его объективное отражение. Уже отмечалось, что подобной «клеточкой» оказывается правоотношение. К. Маркс как-то заметил, что «Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта».¹⁹ Известно, что в гегелевской «Философии права» понятие права движется от абстрактного к конкретному, вплоть до общества и государства. И каждая последующая правовая категория оказывается более конкретной — более конкретным определением понятия права. К. Маркс понимал, что у Гегеля логическое развертывание понятия права не совпадает с исторической последовательностью, да и сам Гегель это подчеркивал, объясняя тем, что если истину хотят видеть в качестве результата, то надо постигнуть сначала абстрактное понятие, и тогда то, что есть действительность, будет дальнейшим, хотя и было первым в истории; движение понятия вперед состоит в том, что абстрактные формы «обнаруживают себя не как самостоятельно существующие, а как неистинные».²⁰ К. Маркс пишет по поводу гегелевского похода, что владение как простейшее правовое отношение предполагает более конкретную правовую категорию, и делает вывод: «...простые категории суть выражения отношений, в которых может реализоваться менее развитая конкретность до установления более многостороннего отношения или связи, идеально выражающейся в более конкретной категории, в то время как более развитая конкретность сохраняет эту же категорию как подчиненное отношение».²¹ В этом положении интересно не только более детальное раскрытие формулы познания — восхождение от абстрактного к конкретному, но и то, что категории (понятия) берутся и в качестве идеального выражения реального отношения и как само отношение. Представляется, что речь идет о том, что понятие (категория), вопреки Гегелю, коренится в материальных отношениях и является его идеальным отражением, но, будучи в гносеологическом плане вторичным образованием, понятие (категория) обладает движением, развивается от простого (абстрактного) к духовно конкретному, что есть уже идеальное (идеологическое) отношение, существующее не просто в мышлении, а и в реальной жизни. Может быть, тут кроется смысл той грани, которую марксизм проводит между материальными

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 728.

²⁰ Гегель. Философия права. М.; Л., 1934, с. 57.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 728.

и идеологическими отношениями, с одной стороны, и формами сознания, с другой стороны, а еще точнее — грани между идеологическими отношениями надстроечного характера и общественным сознанием. Дело в том, что только отразив в понятии материальные отношения, люди строят в соответствии со своими взглядами (пониманием, представлениями, сознанием, духовным освоением бытия) идеологические отношения (и институты надстроечного порядка).

В применении к праву это бы означало, что простейшее (абстрактное) правоотношение владения разворачивается в отношения собственности как юридическое выражение производственных отношений, т. е. в многостороннее отношение, развитую конкретность, которая уже не может «вмещаться» в понятие права, конструируемое как простейшее (абстрактное) правоотношение; элементарное понятие права развивается от абстрактного его восприятия, в соответствии с которым право формулируется как нормы, отражающие простейшее правоотношение, до конкретной (многосторонней) категории, объемного понятия права, отраженного в множестве определений, но сохраняющего простейшую правовую категорию, как уже подчиненное праву отношение — конкретные правоотношения в сфере реализации права, не порождающие правовую действительность, а только структурирующие социальное содержание права. Простейшее правоотношение — это первичное правоотношение (владение, собственность; присвоение вещей, а затем и власти над людьми), представляющее собой отправной момент разворачивающейся правовой формы производственных отношений в классово развитом обществе, где разрушены традиционные связи и господствует товарный фетишизм и современное политическое государство. Понятие права развивается соответственно этому разворачиванию правовой конкретности и постигает конкретные правоотношения и наличные права их субъектов настолько, что за правовой оболочкой обнаруживает не только господствующую волю, но и сферу свободы, а затем, наконец, целую совокупность производственных отношений, которые предопределены уровнем развития производительных сил и требуют объективно своего юридического выражения. За абстрактной категорией правоотношения как равного и свободного отношения абстрактных индивидов, за обобщением этих правоотношений в нормах юридических законов явственно выступают экономическая конкретность, конкретно-исторические формы эксплуатации и неравенства, не свобода, а отношения господства и подчинения. Таков, как представляется, был путь развития понятия права, прослеженный попутно с развитием экономических категорий при создании научной политэкономии.

В настоящее время задача состоит в том, чтобы проследить дальнейшее развитие понятия права в условиях социализма, ликвидации частной собственности и эксплуатации, но в усло-

виях, когда еще остается пока общественное разделение труда и собственности, результаты труда еще отделены от производителя, сохраняются в определенном виде товарное производство и обмен. Решение такой задачи обусловлено многими обстоятельствами, и в первую очередь состоянием науки политической экономии, исследующей преобразования, происшедшие при социализме в материальных отношениях. Зависимость юридической науки от достижений политэкономии социализма объясняется в данном случае тем, что при всех сдвигах, происшедших в юридической форме, главный переворот сосредоточен не в самой этой форме, а в ее социальном содержании, на уровне сущности права второго и третьего порядков, в области взаимодействия правовых и производственных отношений. Господство социалистической собственности и отсутствие антагонистических классовых противоречий, сближение личных и общественных интересов, формирование новой исторической общности людей создают объективную предпосылку для выражения в праве общенародной воли и для того, чтобы оно выполняло функцию регулятора равной меры труда и потребления. Одновременно появляются более близкие к подлинным категории свободы, равенства и справедливости.

Однако эти хорошо известные изменения подлежат глубокому анализу, который бы дал возможность раскрыть современный (и каждодневный) генезис права из нынешней структуры социалистических производственных отношений, обусловленных реальным уровнем развития производительных сил, характером остающегося общественного разделения труда и существующих форм собственности на средства производства, из своеобразных товарных отношений, сочетания плановых начал и хозяйственного расчета, особого сочетания в области народного хозяйства «горизонтальных и «вертикальных» отношений, денежного обращения и т. п. Диалектико-материалистический подход требует выявления того, каким образом данный уровень фактического обобществления средств производства и преодоления разрыва между непосредственными производителями и результатами их труда влияет на развитие отношений собственности и обмен, на сохранение экономического неравенства, противоположности (не антагонистического характера) общественных и личных интересов, которые находят свое выражение в абстрактном и конкретных правоотношениях, отражаются правосознанием и юридическими нормами, воплощаются в правопорядке и правовом статусе субъектов общественных отношений, в соотношении между общесоциальным и юридическим правом, субъективным и объективным правом, в социальном и непосредственном содержании юридической формы социалистических производственных отношений на данной ступени их бытия. Нет сомнений, что все эти процессы оказывают воздействие на сущность права всех трех порядков, а потому и на формы ее не-

посредственного и опосредованного проявления во всей структуре юридической надстройки над экономическим базисом.

Если реальные изменения в жизнедеятельности общества существенны, то более зрелые отношения и категории не смогут укладываться в прежнее понятие права, оно получит толчок для своего дальнейшего развития. Постепенное формирование нового понятия права осуществится путем доказательства неистинности сложившегося понятия, хотя оно останется в более передовом правопонимании, но лишь как подчиненная категория.

Сейчас нельзя с достаточной точностью прогнозировать дальнейшее развертывание сущности права и его понятия. Можно высказать лишь некоторые суждения о тенденциях этого движения, исходя из того, что уже зафиксировано с определенной долей вероятности на сегодняшний день.

По всей видимости, в понятии права усилится значимость его сущности второго и третьего порядка, общесоциального права по отношению к юридическому, субъективного права по сравнению с объективным, что в общем и целом отразит исторически необходимое движение человечества к развитому коммунистическому обществу (если брать проблему в глобальном плане, имея в виду, что речь идет об общем понятии права). К коммунистической общественно-экономической формации, которая на второй фазе своего функционирования «снимет» с права его юридическую оболочку, как оно «снимет» политическую оболочку с публичной власти при достижении общественного коммунистического самоуправления. Однако теперь не остается сомнений в том, что еще достаточно длительный период времени общество будет связано с юридическим феноменом, во всяком случае до тех пор, пока отношения собственности по объективной необходимости будут представлять собой юридическое выражение производственных отношений.

Развивающееся понятие права, как и всякое понятие, оказывается объективным, лишенным субъективного и подчас иллюзорного восприятия действительности, когда оно способно отразить бытие и сущность такого сложного феномена, как собственно право. Гегель писал, что бытие и сущность — моменты становления понятия,²² при этом надо иметь в виду, что у него непосредственное бытие переходит в существование, а оно — в явление, что для Гегеля действительность выше, чем простое бытие и существование, что «действительность есть единство сущности и существования».²³ В нашей философской литературе было давно отмечено, что тонкая грань между существованием и действительностью, которую проводил Гегель, может интерпретироваться в том смысле, что не всякое существование, явление, бытие действительно, т. е. выражает сущ-

²² Гегель. Соч., т. VI, с. 5.

²³ Там же, т. V, с. 636.

ность изучаемого, или иначе — не любое существование чего-либо закономерно, необходимо, обоснованно. Применительно к понятию права это означает, что оно будет объективным отражением действительности лишь тогда, когда отвергнет субъективистское восприятие, не будет ограничиваться поверхностным описанием непосредственного бытия права, а воплотит в единстве его сущность и то, как она проявляется (существует) в жизни общества. Имея в виду ранее изложенное (§ 2, § 3), можно считать, что понятие права должно охватывать развернутую его сущность трех порядков и непосредственное проявление этой сущности в объективном и субъективном праве. К тому же важно, что ориентируясь на действительное право, а не на то, каким оно оказывается подчас, вопреки своей сущности, не на то, как оно существует в непосредственном бытии того или иного государства и исторического периода, а на то, в чем выражается его объективно необходимое бытие, научное понятие права отбрасывает все случайное, наносное в правовой реальности, исключает те явления, которые оказываются лишь по видимости правом, не соответствуя его сущности на самом деле. Это относится к таким аномалиям, как санкционированный законом произвол; акты суда, грубо нарушающие элементарные требования справедливости и лишенные потому качества правосудия; остающиеся на бумаге нормы законодательства, противоречащие объективно сложившимся отношениям, и т. п.

Для того чтобы понятие права обрело как бы внутренний стимул своего развития, важно его соотнести с реальным генезисом этого явления. Напомним широко известное высказывание В. И. Ленина: «У Маркса в „Капитале“ сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ буржуазного общества) все противоречия... современного общества*».²⁴ Если в приведенном отрывке речь идет о методе изложения диалектики вообще, о логике «Капитала», то применительно к обобщениям и понятиям В. И. Ленин о том же пишет так: «Как простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного, товара на другой, уже включает в себе в неразвернутой форме *все* главные противоречия капитализма, — так уже самое простое *обобщение*, первое и простейшее образование *понятий*... означает познание человека все более и более глубокой *объективной* связи мира».²⁵ В том же конспекте гегелевской «Науки логики» В. И. Ленин, анализируя подход к образованию понятий, замечает: «Видимо, и здесь главное для Ге-

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

²⁵ Там же, с. 160—161.

геля наметить переходы. С известной точки зрения, при известных условиях всеобщее есть отдельное, отдельное есть всеобщее. Не только (1) *связь*, и связь неразрывная, всех понятий и суждений, но (2) *переходы* одного в другое, и не только переходы, но и (3) *тождество противоположностей* — вот что для Гегеля главное». ²⁶

Относительность, связь, переходы и тождество противоположностей свойственны всем понятиям, в том числе развернутому понятию собственно права, понятию права в объективном смысле и понятию права в субъективном смысле. Начнем с того, что понятия объективного и субъективного права органически между собой связаны, неразрывны, но они в определенном плане и противоположны друг другу (хотя бы как абстрактное и конкретное, возможное и наличное), но эта противоположность в ином соотношении относительна (объективное право включает в себе момент субъективного, а последнее — момент объективности); наконец, эти противоположности тождественны в том смысле, что то и другое — стороны собственно права. Именно единство противоположностей составляет тут действительное право как возведенную в закон господствующую волю.

Развивающееся и противоречивое, имеющее свою исходную «клеточку», обнимающее сущность и ее непосредственное проявление, отражающее действительность научное понятие права может и должно быть представлено в множестве определений. Обилие определений понятия подчеркивает В. И. Ленин ²⁷, он же писал, что «дефиниций может быть много, ибо много сторон в предметах». ²⁸ Видимо, правильно утверждать, что многогранность права и его динамизм, особенности самого процесса познания приводят к диалектичности его научного понятия и к наличию множества его определений.

О некоторых определениях понятия права уже шла речь в данной работе. Было бы проще всего считать их мало удавшимися, не возвращаться к ним и вообще игнорировать множество определений права, которые существуют в нашей науке, объявив лишь одно из них истинным или предложив свое «истинное» определение. Однако если иметь в виду наиболее распространенные из них в соответствующие целые периоды развития советской юридической науки, то нельзя не признать, что они так или иначе имели определенное основание в жизни общества и состоянии его юридической надстройки, диктовались соответствующими потребностями юридической практики, политическими соображениями или задачами идеологической борьбы. К тому же нельзя не учитывать и то, что Гегель назвал «инстинктом разума» в эмпирически най-

²⁶ Там же, с. 159.

²⁷ См. там же.

²⁸ Там же, с. 216.

денных определениях. Эту мысль философа выписал и подчеркнул В. И. Ленин, считая ее метким замечанием. Гегель отметил: «Инстинкт разума дает почувствовать, что то или другое эмпирически найденное определение имеет свое основание во **внутренней природе** или роде данного предмета, и он в дальнейшем опирается на это определение».²⁹ Вероятно, на современном языке это гегелевское замечание звучало бы иначе и было бы сказано об интуитивном определении на эмпирическом уровне знания, но суть дела от этого не меняется. И не считая явно ошибочных, поспешных, надуманных или неквалифицированных определений, которых не столь мало, все же в большинстве своем выдвинутые в теории определения понятия права оказываются вовсе не случайными и заслуживают внимания.

По-видимому, первое в России марксистское понятие и определение права было дано Г. В. Плехановым. В лекциях по материалистическому пониманию истории он подчеркивал, что отношения собственности определяют юридические учреждения, и наиболее ясно это проявляется в вещном праве, которое возникает непосредственно из экономических, производственных отношений. Существовая, право собственности порождает правила, регулирующие переход имущества из рук одного лица к другому, что порождает и определенные обязательства. Такое нормирование нуждается в соответствующих гарантиях, и кто покушается на право другого подвергается наказанию. Строй общества «отливается по форме собственности», потому она, в конечном счете определяет и публичное право. Право данного народа связано с экономическим строем, и потому, более или менее справедливое регулирование материальных интересов и охрана этих интересов «составляют прочную основу всех писанных законодательных кодексов»; право определяют как совокупность правил поведения, к соблюдению которых позволительно обязывать человека внешним, физическим принуждением.³⁰ В данном случае берется одно из распространенных определений права и показывается его зависимость от отношений собственности, а также в некоторой степени от справедливости. Важно, что генезис права обрисован как возникновение из собственности субъективного права (владельца), которое порождает и соответствующие правила (объективное право), и его гарантированность принуждением.

После возникновения советской социалистической государственности возникает и марксистская юридическая наука, связанная с решением практически-политических задач по упрочению нового, революционного правопорядка. В «Руководящих

²⁹ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 164.

³⁰ Плеханов Г. В. Избр. произв., т. 2. М., 1956, с. 661—662.

началах по уголовному праву РСФСР» нашло отражение выработанное П. И. Стучкой определение права: «Право — это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой».³¹ Здесь подчеркивалась материальная и классовая природа права. В праве, по мысли П. И. Стучки, надо видеть две стороны — общественные отношения и юридические нормы, последние лишь отражают материальные отношения, обладающие приматом над юридической формой.³² Определение понятия права, о котором идет речь, отражало сравнительную неразвитость нового законодательства того времени, а в идеологическом плане было направлено против распространенного в дореволюционной России юридического позитивизма. Юридическая специфика более подчеркивалась в определении права, которое сформулировал Е. Б. Пашуканис. Последний считал правом систему правоотношений.³³ Совокупность юридических норм он относил скорее к области литературного творчества, нормы и правосознание считал идеологическими формами, а к материальной форме права относил правовые общественные отношения. Анализ генезиса юридического права был сильной стороной концепции Е. Б. Пашуканиса, наиболее слабым местом ее оказалась «меновая теория права». Упором на революционное правосознание отличалось правопонимание М. А. Рейснера, стремившегося интуитивному праву (правосознанию) дать материалистическое объяснение.³⁴

Впервые в советской науке нормативное определение права было сформулировано, очевидно, Н. В. Крыленко, который считал им выражение в законах и юридических обычаях общественных отношений, имеющее своим содержанием и охраняемое государством регулирование этих отношений в интересах господствующего класса.³⁵ Это определение было в дальнейшем наилучшим образом перефразировано А. Я. Вышинским. Позднее определения права как системы норм стали хрестоматийными и существуют в нашей литературе до сих пор.³⁶ Такого рода дефиниции можно считать институциональными.

Институциональное («нормативное») правопонимание никогда не было единственным в советской юриспруденции, даже в пору своего самого широкого распространения. Однако с конца 50-х годов критика односторонности определений права,

³¹ СУ РСФСР, 1919, № 66, ст. 590.

³² Стучка П. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931.

³³ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. М., 1934.

³⁴ Рейснер М. Право, наше право, чужое право, общее право. М., 1925.

³⁵ Крыленко Н. В. Беседы о праве и государстве. М., 1924.

³⁶ См., напр.: Основы теории государства и права/Под ред. Н. Г. Александрова. М., 1963; Теория государства и права/Под ред. А. И. Денисова. М., 1980.

сводящих его к общим правилам поведения (к закону), усиливается. Поскольку в советской юридической науке сложилось столь же твердое, сколь и неверное представление, что может существовать лишь одно единственно верное определение понятия права, предлагавшиеся существенно иные его дефиниции (например, право как единство норм и правоотношений) противопоставлялись ставшему традиционным нормативному определению и воспринимались сторонниками привычных дефиниций как нечто, отрицающее их позиции полностью и категорично. Несмотря на это осложняющее обстоятельство, так называемое «широкое» правопонимание к концу 70-х гг. укрепляется, особенно среди специалистов общей теории права, о чем свидетельствовала общесоюзная конференция в Звенигороде³⁷ и обсуждение понимания права, проводившееся редакцией журнала «Советское государство и право».³⁸

Вопреки мнению, недавно высказанному В. С. Нерсисянцем, особого единства среди критиков узконормативного подхода к праву не было, да и нет до сих пор, как нет и развернутого обоснования «широкого» (многоаспектного) подхода к праву. Тем более легковесным представляется утверждение, что поиск более основательной трактовки права может быть эффективен только с позиции различения права и закона. Ведь ясно, что само решение вопроса о соотношении права и закона зависит от позиции в вопросе понятия права, а не наоборот.

И все же именно самая разнообразная критика правопонимания, сложившегося в советской юридической науке к концу 30-х годов, принесла свои плоды. Теперь даже в учебной литературе можно встретить утверждение, что общее понятие права находит свое выражение в нескольких дефинициях.³⁹ Ныне осталось мало ученых, которые бы отстаивали тождество права и закона, абсолютизировали нормативность права, отрицали значение правоотношений или сводили бы их к связи обязанностей и прав субъектов. Установка на развернутое правопонимание, представленная в работах А. А. Пионтковского, С. Ф. Кечекьяна, С. И. Аскназия, Д. А. Керимова, В. П. Казимирчука, В. А. Туманова, Э. Л. Розина, В. С. Нерсисянца и ряда других ученых, оказывает свое влияние и на тех теоретиков, которые продолжают в принципе придерживаться прежнего характера определений права как системы общих правил поведения, в разработке которых в свое время видную роль играли Н. Г. Александров, С. С. Голунский и М. С. Строгович, Б. В. Шейндлин, П. Е. Недбайло, А. Ф. Шебанов и некоторые другие. Мы имеем в виду прежде всего С. С. Алексева, склон-

³⁷ Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974.

³⁸ Советское государство и право, 1979, № 7, 8.

³⁹ Теория государства и права/Под ред. А. И. Королева, Л. С. Явича. Л., 1982; Государственное строительство и право. М., 1983.

ного, как нам кажется, идти навстречу менее догматичному и более гибкому правопониманию. Интересные суждения относительно углубленного понимания содержания норм права и правоотношений можно найти в трудах С. Н. Братуся, который никогда не был склонен к абсолютизации какой-либо одной стороны права, хотя считал и считает, что было бы ошибкой пренебрегать специфически юридическими свойствами права и растворять его в иных компонентах правовой настройки. Заслуживают внимания и мысли Е. А. Лукашевой по поводу более содержательного восприятия сущности права, и ее постановка вопроса по поводу многоаспектного подхода к праву, изложенная наиболее полно применительно к науке первого десятилетия Советской власти, оказалась весьма удачной, более того, активно содействующей упрочению позиций тех ученых, которые, признавая ограниченность нормативных определений права, вовсе не считали нужным их просто отбросить как якобы совершенно ошибочные.

В самом деле, нынешняя задача советской теории вовсе не состоит в том, чтобы опровергнуть институциональное определение права. Задача — в преодолении его недостаточности и дополнении дефинициями, отражающими иные стороны и грани права. Однако сделать это можно, лишь глубже проникая в сущность права и обогащая его научное понятие. Чем полнокровнее понятие предмета, тем многообразнее оказываются его дефиниции. Новый этап советского правоведения приводит к дальнейшему углублению наших представлений о сущности права, что толкает вперед его научное понятие и требует фиксации этого понятия в стройной системе дефиниций.

Иначе говоря, мы уверены, что такое сложное, многогранное и многоуровневое явление, каким оказывается право, «схватывается» только развивающимся понятием. Это понятие заключено в целостной концепции права философского уровня, в нынешней ступени общей теории права и находит закрепление во множестве взаимосвязанных дефиниций, не конкурирующих, а дополняющих друг друга. Понятие права детерминирует его определения, но синтез таких определений дает возможность составить объемное представление о праве, кратко описать достигнутое наукой правопонимание, использовать его для дальнейшего развития науки и для решения практических вопросов.

К числу научно приемлемых определений права мы бы отнесли следующие.

1. Право — юридическое выражение производственных отношений в господствующих отношениях собственности.
2. Право — специфическая форма экономических отношений, образующая юридическую надстройку над базисом классового общества.
3. Право — средство упорядочения общественных отношений,

способ эмансипации производства от случая и произвола.

4. Право — масштаб социальной свободы, который официально признан и определяется в конечном счете уровнем развития производительных сил общества.

5. Право — равная и относительно справедливая мера поведения людей, соответствующая интересам господствующих классов.

6. Право — это абстрактные правовые отношения, вне зависимости от того, как они поддерживаются организованной силой принуждения (государством).

7. Право — нормативно-классовый регулятор поведения людей, выражающий возведенную в закон волю господствующих классов, охраняемый государством.

8. Право — материально детерминированная и возведенная в закон общеклассовая воля, непосредственно проявленная в своем субъектно-конкретном и объективированно-абстрактном бытии.

Каждое из этих определений отражает одну (или несколько) сторону права и лишь частично охватывает его научное понятие. Более того, каждое требует относительно самостоятельного анализа и более частных определений, которые должны быть связаны и переходят друг в друга. Так, например, «юридическое выражение производственных отношений» подлежит дополнительной научной интерпретации, которая не может быть оторвана от понятия правоотношения первичного характера и общего взаимодействия между базисом и юридической надстройкой, как его специфической формой. Определения, которыми тут придется оперировать, окажутся связанными, противоречивыми и подчас тождественными в своей противоположности. Подлежит всестороннему раскрытию «возведенная в закон воля господствующих классов, общеклассовая воля», что невозможно сделать в отрыве от анализа непосредственного содержания правовой формы экономических отношений и понятия применения равной меры к различным людям, определений масштаба социальной свободы и справедливости как юридической категории. И тут определения будут противоположны и тождественны, относительны, важны будут их переходы (правовой формы в содержание права, содержания права во внешние формы права; воли, как формального момента по отношению к материальным отношениям, в господствующую волю, оказывающуюся содержанием юридических норм, и т. д.). Подлежат относительно самостоятельному определению объективное (абстрактное) и субъективное (конкретное) право, важно раскрытие диалектической связи (единства противоположностей) этих сторон собственно права, что нельзя сделать без исследования форм правообразования и правореализации.

Сами приведенные определения понятия права (у нас их восемь, но может быть, вероятно, больше) между собой также

связаны, эта связь противоречива, грани между определениями относительны и подвижны. И более того, каждое из означенных определений права не может быть оторвано от определений иных компонентов юридической реальности — от конкретных правовых общественных отношений, правопорядка, правосознания и т. п. Понятия последних выводятся из общего понятия права, но и, в свою очередь, существенно влияют на правопонимание (пример тому — правовая идеология).

Наконец, любое из определений права так или иначе связано со значительным набором неправовых категорий: с понятием и определениями производственных отношений, нравственности и справедливости, политической системы и государства; с понятием и определениями социальной свободы и необходимости, равенства и неравенства, социального регулирования и социальных норм, власти и воли, поведения и деятельности, социального контроля, убеждения и принуждения, воспитания, культуры, психологии, традиций и т. п. Конечно, тут юриспруденция пользуется главным образом теми понятиями, определениями и терминами, которые выработаны за рамками правоведения (политической экономией, научной социологией, политологией, педагогикой, этикой и, прежде всего, историческим материализмом). Однако это, во-первых, предполагает наличие серьезного соответствия в категориальном оснащении этих наук, общих мировоззренческих установок и единой методологической концепции. И, во-вторых, это совершенно не исключает относительно самостоятельных разработок некоторых общесоциальных феноменов, наиболее тесно связанных с правом (имущественные отношения, власть, воля, интерес, деятельность, политика, государство и т. п.).

Утверждения о том, что в отдельных общественных науках закономерно существуют совершенно разные понятия одного и того же явления или что одно понятие (научное) в состоянии отразить какие-либо не связанные между собой социальные феномены, необоснованны. Если с такими фактами и можно столкнуться, то они должны по мере возможности устраняться и нежелательны в условиях ныне происходящей не только дифференциации, но и интеграции научных знаний.

Таким образом, определения понятия права оказываются связанными со многими иными определениями, описывающими менее общие и более общие понятия, отражающими как юридические, так и неюридические феномены общественной жизни. Каждое из определений права требует усвоения целого ряда, комплекса иных его определений и определений иных явлений, процессов, состояний и, что особенно важно, дальнейшей разработки многих из этих определений и понятий. Раскрытие наукой правопонимания включает постижение уже достигнутых результатов познания и одновременно развитие и углубление понятия права. Определения права — некоторый итог его изучения и от-

правной момент дальнейших исследований. Понятие права представляет собой развивающееся духовно-научное освоение его сущности, закономерностей, внутренних и внешних связей, свойств, структуры, функций. Определения этого понятия — краткие дефиниции, фиксирующие ступени, фрагменты, аспекты этого развивающегося освоения действительности.

Ограниченность (недостаточность) любых определений общеизвестна и чаще всего связывается с краткостью дефиниций. Это так, но главное не в этом, ибо такая недостаточность могла бы, казалось, легко восполняться путем включения в то или иное определение большого круга признаков права, отражающих все или почти все его свойства. Так, между прочим, подчас и поступают, формулируя громоздкие определения. Однако излишняя объемность определения лишает его достоинства краткой дефиниции, не превращая ее при этом в научное понятие права. Суть в том, что определение нельзя рассматривать как некую сумму признаков данного объекта изучения. Это должны быть признаки, отражающие свойства объекта, взятого в соответствующем аспекте, высвечивающие определенную его сторону связи с иными явлениями — в этом состоит теоретическая и практическая значимость отдельного определения. Определение понятия права — это краткая фиксация его сущности, проявляющейся в строго определенных аспектах познания. И это позволяет каждому из обоснованных определений права быть отправной точкой для соответствующего направления его дальнейшего исследования. Когда это обстоятельство не учитывают, то создают компилятивные формулы, ничего не дающие науке и практике, слабо констатирующие итог познания и совсем не способные быть отправным моментом дальнейшего познания права. Краткость дефиниции — куда меньший недочет, чем ее перегрузка простым набором признаков. И эта краткость обусловлена самой природой определений, предназначенных фиксировать фрагмент понятия, сторону явления.

Учитывая природу дефиниций, надо в зависимости от характера исследования (или практической деятельности) выбирать одно из возможных определений права. Избрав его, отправляясь от него, необходимо учитывать его ограниченность и связь с другими определениями, высвечивающими иные стороны (связи, уровни, качества) права. Что касается действительного недостатка дефиниций, то он состоит в их статичности и формализованности, в то время как понятие права всегда находится в динамике, в становлении и развитии.

В заключение заметим, что излишнее увлечение дефинициями и особенно абсолютизация одной из них чреваты догматизмом и односторонностью, которые способны дезориентировать теорию и практику. Абсолютизация одного определения приводит, помимо прочего, к ложному представлению о застывшем

и неизменном понятии права, задерживает развитие науки. Между тем научная теория в определенном смысле есть не что иное, как развивающееся понятие о сущности предмета,⁴⁰ в данном случае права. Следует сказать и о том, что среди тех, кто признает многообразие определений права, подчас бытует другая ошибка: полагают, что общее понятие права представляет синтез его определений. Такого рода заблуждение перевертывает связь понятия и определений с ног на голову и вызвано, очевидно, многозначностью термина «определение». В философии этот термин означает не только краткую дефиницию (о чем у нас идет речь), но и установление (отражение в мышлении) тех или иных форм бытия исследуемого объекта, процесс познания, выявления его свойств. Синтез отражения, познания всех форм бытия приводит, конечно, к формированию понятия о данном явлении. Синтез определений как дефиниций не создает понятия. Напротив, понятие предмета детерминирует его определения. Строго говоря, речь идет о дефинициях понятия права, а не об определениях самого права. Нельзя сформулировать ни одной дефиниции понятия, если нет еще такого понятия в науке.

⁴⁰ Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967.

«...Понятие сохраняется в своём инобытии, всеобщее — в своём обособлении, в суждении и реальности».

Гегель

«Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть... способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное».

К. Маркс

«Явление есть... проявление сущности»... «Сущность является. Явление существенно».

В. И. Ленин

Часть вторая

ОТ СУЩНОСТИ ПРАВА К ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Проникновение в сущность права и формирование его понятия, возможных абстрактных определений, даже некоторое описание его собственной структуры и свойственных ему правовых систем не являются конечным пунктом познания. Важно как можно полнее произвести труднейшее «восхождение от абстрактного к конкретному», показать, каким образом реализуется сущность права в социальной деятельности, как происходит процесс правообразования и правореализации, образуется режим законности и правопорядок, формируется особый феномен — правовая культура, определить ее общественную ценность для развития человеческой личности, достижения коммунистического идеала. Синтетическое изложение образования и функционирования права в общественных отношениях представляет собой вторую часть познания правовых реалий. Без этого анализ сущности права оказался бы оторванным от общественно-исторической практики.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОСУДИЕ

§ 1. Процесс правообразования и нормотворчество государства

Еще в «Немецкой идеологии» было показано, что право развивается из процесса разложения естественно сложившихся форм общностей и возникновения отношений собственности. При этом было выяснено, что у римлян развитие частной собственности и частного права не имело дальнейших последствий в силу образовавшегося рабовладельческого способа производства; между тем у современных народов, напротив, промышленность и торговля разложили феодальную форму общности, поэтому с возникновением капиталистической частной собственности началась новая фаза развития.¹ Утверждение буржуазных отношений собственности привело не только к рецепции римского права, но и к настоящему развитию права, а «юридическая иллюзия, сводящая право к чистой воле, неизбежно приводит — при дальнейшем развитии отношений собственности — к тому, что то или другое лицо может ... иметь право на какую-нибудь вещь, не обладая ею фактически», но на деле «всякий раз, когда развитие промышленности и торговли создавало новые формы общения... право вынуждено было их санкционировать как новые виды приобретения собственности».²

Зарождение права в период становления классового общества происходило прежде всего там, где официально санкционировалось фактическое владение собственностью на землю, скот, рабов, а также в сфере товарных отношений — торговли и займов. В то время как убийство, телесные повреждения, оскорбление долгое время оставались областью морали и религии, делом личной расправы (кровной мести). И если в примитивные эпохи фактические отношения владения и собственности, защищавшиеся варварскими способами, являлись правом, то позднее, индивидуальные правоотношения получают цивилизованное выражение как всеобщие; как закон, и их охрана сосредоточивается в руках суда. Происходит это, как уже отмечалось, с развитием классовых отношений и означает трансформацию права индивидов (собственников) в нормы общего характера, защищенные государством, т. е. в объективное право. Одновременно конкретные правоотношения из первичных становятся специфической формой реализации не только субъективного, но и объективного права.

Ход правообразования от защиты фактических отношений и соответствующих им юридических прав (обязанностей) к офи-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 3, с. 63.

² Там же, с. 64.

циальному всеобщему признанию субъективного права в нормах законодательства (иных форм, источников права) происходил стихийно. В дальнейшем этот путь правообразования остается, хотя уже не всегда занимает господствующее положение. По мере роста активности государственной власти и рационального отношения к развитию юридической формы возникает и другой путь правообразования, при котором объективные потребности господствующего способа производства и интересы господствующих классов формируют правосознание и единую государственную волю, находящую свое выражение в нормах законодательства до возникновения правоотношений или прав субъектов фактически сложившихся отношений. И тогда объективное право во временном отношении как бы предшествует юридическим правам и обязанностям. Такой путь правообразования становится при известных условиях главным.

В первом случае правообразование завершается в ходе судебной практики прецедентным правом. Во втором — в ходе законодательной практики статутным правом, законом. Помимо прочего различие тут в том, что суды создают общую норму, отправляясь от решения конкретных дел, в то время как законодатель формулирует ее с известной долей прогноза. Этот прогноз может быть основан на более или менее общей идеологической концепции существующих общественных отношений, целей и средств их регламентации либо на учете имеющейся судебной и административной практики, либо на достаточно произвольном устремлении. Практически может иметь место сочетание этих и иных мотивов. Как в судебной, так и законодательной деятельности может и не быть элементов нормотворчества, если берутся под защиту годами и десятками лет формирующиеся обычаи, содержащие соответствующие общие правила. Тем самым обыкновение приобретает характер юридических обычаев. Тут нормообразование идет помимо государства. И следует сказать, что при низких темпах общественного развития обычаи всегда были нормативной основой не только судебной, но и законодательной деятельности государства. Остаются они таковой, но уже в меньшей степени, в современном мире. Вообще нельзя не учитывать того, что в истории активная нормотворческая деятельность государства оказывалась весьма ограниченной, и даже его законодательные акты в значительной мере включали в себя нормы, которые вырабатывались традиционным мышлением, формами религиозного и нравственного сознания.

Тем не менее из двух основных путей правообразования именно тот путь, при котором юридические нормы как бы обгоняют конкретные правоотношения, оказывается в наибольшей степени связанным с непосредственно государственным нормотворчеством. Более того, как раз законодательство, а не обычаи и судебные прецеденты, способно противопоставить себя ус-

таренным формам сознания и общения, закреплять новые отношения и нормотворчество революционных масс трудящихся или самостоятельно устанавливать новые нормы поведения людей, выражающие только назревшие объективно тенденции формирования новых общественных отношений. Последнее происходит тем успешнее, чем глубже законодатель проникает в смысл объективных закономерностей развития общества (на эмпирическом и особенно теоретическом уровне).

В огрубленно схематическом виде нормотворчество в законодательной деятельности предстает в таком виде. Материальные условия жизни господствующих классов обуславливают их общую волю так или иначе закрепить угодные им отношения. Соответственно формируется их правосознание и юридический мотив. Последний толкает законодателя к тому, чтобы официально признать уже фактически сложившиеся правоотношения или санкционировать существующие обычаи, либо к тому, чтобы самостоятельно сформулировать новые нормы поведения в законе. То, что государственная воля выражается в законе в виде общих правил, известно.³ Меньше внимания обращается на то, что такого рода правила берутся непосредственно из жизни (для этого их надо «открыть»), а в иных случаях относительно самостоятельно формулируются в процессе подготовки закона, как результат известного обобщения жизненных ситуаций. Это значит, что объективации государственной воли предшествует процесс ее формирования в качестве общеобязательного масштаба поведения.

То, что в целом законодательная деятельность носит практически-политический характер, ни у кого не вызывает сомнения. Однако эта деятельность включает, может включать нормотворчество — работу теоретического характера. Напомним еще раз текстуально то, что писал по этому поводу К. Маркс: «...законодательная функция есть воля не в ее практической, а в ее теоретической энергии. Воля не должна здесь утверждать себя *взамен закона*: ее роль в том именно и заключается, чтобы *открыть и сформулировать* действительный закон», законодатель «должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не *делает* законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений. Мы должны были бы бросить упрек законодателю в безграничном произволе, если бы он подменил сущность дела своими выдумками».⁴

Законодателю надо открыть и сформулировать «действительный закон» или «внутренние законы духовных отношений», не подменяя «сущность дела» своими выдумками — так писал К. Маркс в своих ранних работах, когда исторический мате-

³ Правотворчество в СССР/Под ред. А. В. Мицкевича. М., 1974.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 359, 162.

риализм находился лишь в стадии своего становления. Что это означает? Если учесть еще не установившуюся марксистскую терминологию, то речь, очевидно, идет об определенных социальных основах законодательной деятельности, о выступлениях против произвольного нормотворчества, о том, что воля законодателя не может быть противопоставлена объективным законам общественных отношений. Можно сказать и более: речь идет не просто о том, что позитивный (юридический) закон не может себя утверждать взамен объективной закономерности, но и о том, что сама законодательная функция непременно включает в себя теоретическое освоение действительности, волю в ее «теоретической энергии». Теоретический компонент включает тут открытие и формулирование «действительного закона». Похоже из контекста, что под последним К. Маркс понимает не только объективные законы общественных отношений, но и нечто более конкретное: их выражение в сложившихся традициях и фактических нормах поведения, в наличном праве субъектов и т. п.

Из отмеченного вовсе не следует, что К. Маркс отрицал какую-либо активность государственной власти. Слова его связаны с совершенно конкретной ситуацией, и из них не следует оправдание пассивного санкционирования всего, что есть в жизни. Однако законодателю надлежит всегда считаться с «действительным законом», а со времен Гегеля философы должны были различать то, что действительно (объективно обусловлено), и то, что просто существует, не имея на то достаточного основания. Если известно, что для понимания «Капитала» нужно было знать гегелевскую диалектическую логику, то учитывать последнюю при изучении ранних трудов К. Маркса еще более важно даже не только по существу, но и с точки зрения категориального аппарата и фразеологии. Что касается призыва К. Маркса к тому, чтобы законодатель смотрел на себя как на естествоиспытателя, то в нем заключено требование научности, которое по отношению к государственной власти может быть полностью реализовано только в условиях новой общественно-экономической формации.

Таким образом, когда речь идет о законодательной деятельности, то приходится проводить довольно тонкую грань между тем, что воля в праве по своему содержанию материально детерминирована, и тем, что воля законодателя при нормотворчестве не может противопоставляться объективным закономерностям, должна их вскрывать и переводить на язык закона государства. Последнее не всегда имеет место, в то время как первое (детерминация воли) присутствует всегда. Объективная необходимость детерминации воли в праве не исключает произвольного принятия отдельного акта.

Ближайшим результатом нормотворческой деятельности является принятие законов, которые содержат юридические нор-

мы, нацеленные на защиту производственных и иных общественных отношений, удобных господствующим классам. Юридическая норма структурирована и одновременно оказывается включенной в систему права, т. е. представляет элемент структуры действующего права.

Генезис нормы, выраженной в законодательстве, нельзя связывать только с логическими операциями мышления. В ее основе лежит норма как типичный, массовидный процесс жизнедеятельности людей. Если подобная норма не сложилась или в ней нет объективной необходимости, то никакой законодательный акт ее не породит, а когда в силу причин субъективного порядка законодатель формулирует норму, которой нет и не может быть при данных общественных отношениях, то мы сталкиваемся с мертворожденной юридической моделью поведения, которая в действующее право не вольется и останется тем, что называют «книжным правом». Наличие типичного процесса поведения предопределяет общезначимость юридической нормы, а потому и решающее ее качество. Вместе с этим норма законодательства должна быть по природе своей именно правовой нормой (вне зависимости от того, была ли она ранее санкционирована государством или оказалась в области правового, нравственного, религиозного, политического сознания). Это означает, что норма закона непременно должна в абстрактном виде отражать не просто типичное, массовидное поведение, но именно такое, которое составляет содержание особого отношения. Его стороны должны обладать соответствующими правами и обязанностями, объективно требующими официального признания. Тут уместно будет лишь заметить, что полагая правом на социальном уровне масштаб свободы, мы далеки от мысли считать любую правовую норму таким масштабом. Если субъективное право — всегда мера возможного поведения, то объективное право по своей социальной сути, в совокупности всех общих норм оказывается областью свободных решений и действий в рамках закона, возлагающего юридические обязанности и предусматривающего за их невыполнение ответственность. В этом смысле конкретное право (правоотношения) — сфера наличной свободы, в то время как абстрактное право очерчивает границы официально признанной свободы, а делать это можно не только при помощи управомочивающих, но и дополнительно при помощи обязывающих и запрещающих правовых норм. Последние столь же необходимы, как и первые. Наконец, ясно, что норма закона должна представлять собой общеклассовое волеизъявление, гарантированное государством.

Итак, не только весь процесс правообразования, но и сам генезис отдельных юридических норм выходит за рамки деятельности законодателя, не сводится к государственной воле, поскольку фактические образцы типичного массовидного пове-

дения и правовых по природе отношений он (законодатель) черпает не из каких-то категорических императивов, заложенных в самом разуме, а из самой жизни. При всем этом еще и еще раз подчеркнем, что когда речь идет об отношениях, нуждающихся в юридической регламентации, тогда правообразование завершается (раньше или позже) государственными установлениями. В классовом обществе право, регулирующее важнейшие общественные отношения, должно опираться на государственное принуждение, хотя насилие никогда не было и не будет наилучшим средством обеспечения правоотношений.

Следует иметь в виду и еще одно обстоятельство. Юридические нормы, как модели поведения, непосредственно охватывают главным образом лишь один из уровней поведения — в абстрактном виде содержат признаки действия (бездействия). Уровень деятельности слишком высок, а уровень телодвижений низок для отдельной юридической нормы.⁵ Это означает, что высокий и низкий уровни поведения почти полностью выпадают из опосредования юридическими нормами. Однако и признаки действия составляют лишь модель того, что может (должно, не должно) составлять юридически значимое фактическое действие (бездействие). Реальная деятельность и составляющие ее акты действия или бездействия куда полноценнее, многообразнее, чем то, что в состоянии фиксировать модель поведения. И главное юридическая норма статична, в то время как любая жизнедеятельность динамична, подвижна, находится в постоянном развитии. Отсюда тот давно замеченный в науке факт, что социальная жизнь постоянно наполняет абстрактные юридические нормы новым содержанием и реально действуют эти нормы лишь до тех пор, пока это содержание (поведение) так или иначе укладывается в их рамки, пока не возникло в общественных отношениях новое типичное поведение, новая фактическая норма отношений. Поскольку юридическая норма социально существует в наличных юридических правах и обязанностях, в конкретных правоотношениях, то лишь анализ последних может показать действительное содержание нормы.

А. Нашиц пишет, что «никакое правотворчество в подлинном смысле этого слова не было бы возможным, если бы оно не стремилось бы к моделированию правовых норм в соответствии с характерными свойствами, стабильными структурами и закономерными связями, которые право должно не только отражать, но и упорядочивать. Только такое моделирование делает возможной правовую типизацию, адекватную естественным, экономическим, политическим, психологическим структурам, на которых основывается право, позволяет устанавливать модели поведения, которые соответствовали бы целям,

⁵ Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978, с. 26—27.

определяемым объективными закономерностями общественного развития. По этим же причинам правотворчество, более чем какая-либо другая форма практической правовой деятельности, связано с наукой».⁶ Это верное положение хотелось бы лишь уточнить в том смысле, что «предправовые» факторы нельзя рассматривать только с точки зрения общей детерминации характера моделирования юридических норм, что является общепринятым в марксистской юриспруденции,⁷ но и следует воспринимать как среду, в которой чаще всего уже имеются фактически сложившиеся нормативы типичного образа деятельности, в том числе и деятельности как содержания общественных отношений, обладающих правовой природой (деятельности, в недрах которой или в результате которой формируется общесоциальное право).

Разумеется, законодатель не может механически отражать в юридических нормах то, что уже сложилось в социальной действительности в виде фактических нормативов поведения, общесоциальных прав, норм морали, обычаев и т. п. В нормах законов фактические отношения и нормы поведения, социальные притязания предстают в том виде, в котором они будут соответствовать сознанию, воле, интересу, потребностям тех, кто осуществляет государственную власть. Тем не менее важно то, что норма в социальном смысле чаще всего и по отношению к важнейшим общественным отношениям уже задана самой действительностью. Если такая норма соответствует объективной закономерности, то законодатель не может с ней не считаться.

С другой стороны, законодатель, формулирующий юридические нормы, оказывается связанным и с объективными закономерностями другого рода, с теми, что вытекают из специфики самого по себе юридического права. В частности, ему приходится учитывать уже сложившуюся систему права и требуемую ею логическую связь между нормами, внутреннее единство (непротиворечивость) составляющих эту систему норм; иметь в виду возможность урегулирования данных конкретных отношений соответствующего вида при помощи официального нормирования, поддерживаемого принуждением; считаться с реальными возможностями возложения юридической ответственности за нарушение нормы, которую он имеет в виду закрепить в законе, и т. д.

Таким образом, оказывается, что нормотворческая деятельность государства не может рассматриваться как выражение его свободной воли в силу целого ряда причин: 1) воля тех, кто осуществляет в качестве законодателей моделирование юридических норм, должна соответствовать сознанию, волеизъявле-

⁶ Нашиц А. Правотворчество. М., 1974, с. 24.

⁷ Научные основы советского правотворчества. М., 1981, с. 66—147.

нию, интересу, потребностям тех классов, которые экономически и политически господствуют, а сами их интересы и потребности, в свою очередь, детерминированы способом производства, существующим на данной исторической ступени развития общества; 2) законодательная деятельность не может себя противопоставлять сложившимся в социальной структуре фактическим нормам типичной и массовидной жизнедеятельности, в том числе — масштабам социальной свободы участников общественных отношений, обладающих правовой природой в силу господствующих форм производства и обмена; 3) формулируя те или другие юридические нормы, законодатель не может не считаться со специфическими закономерностями, объективно присущими юридической форме общественных отношений, не может пренебрегать свойствами права как такового.

Можно ли после всего сказанного говорить о том, что законодатель творит право? По-видимому, нет, и достаточно распространенный термин «правотворчество» может по традиции употребляться лишь при учете его несомненной условности. Законодатель не создает права, он в соответствующих пределах может заниматься и занимается нормотворческой деятельностью. Законодатель творит законы. И это вполне достаточно для того, чтобы признать его особую роль в правовом регулировании общественных отношений. Законодательную деятельность нельзя принижать, но нет причин и для ее абсолютизации, что создает ложное представление о ее возможностях, приводит и к идеализации права как права.

Р. Лукнич подразделяет правотворчество на спонтанное и сознательно-планомерное.⁸ Известная доля истины в таком подразделении есть, если в первом случае заменить термин «правотворчество» «правообразованием», а во втором тот же термин заменить «законотворчеством». Надо только иметь в виду, что при спонтанном (стихийном) правообразовании дело не обходится без сознательной деятельности людей, а в планомерно-сознательное развитие законодательства постоянно проникают элементы стихийного образования правоотношений (даже в условиях социализма), которые законодатель вынужден санкционировать, если такие отношения вызваны потребностью нормального и эффективного производства.

Из того, что мы более всего обращаем внимание на социальные условия законодательной деятельности, не следует отрицание какого-либо влияния на него природных условий и иных элементов общественного бытия, за исключением способа производства материальных благ. Иное дело, что это воздействие преломляется через господствующие производственные отношения. Естественная среда не обладает той степенью динамизма, который присущ социуму, но люди не могут не считаться с при-

⁸ Лукнич Р. Методология права. М., 1981.

родными закономерностями движения материи, с географической характеристикой местности, где разворачивается их деятельность, с демографическим фактором. Человек подчинен, как живое существо, биологическим, физиологическим и психическим процессам. С другой стороны, законодательство, в свою очередь, способно в какой-то степени влиять (через общественные отношения) на рациональное использование природных богатств и энергетических ресурсов, на охрану природы, рост народонаселения и состояние здравоохранения, на борьбу со стихийными бедствиями и эпидемиями. Законодатель не может не считаться с возрастными особенностями поведения людей, с их работоспособностью и ответственностью; ему приходится предпринимать особые меры безопасности при освоении ядерных реакций и космического пространства, при использовании новейших достижений науки в области генетики и психиатрии, хирургии и вирусологии. Несомненным фактом является и усиление роли законодательства в закреплении технических норм, в организации науки и во внедрении научно-технических достижений в производство и иные сферы общественной жизни. Короче говоря, подчеркивая первостепенное значение для законодательной деятельности объективной экономической необходимости, не следует забывать и того, что законодателю приходится считаться и с действием природной естественной необходимости. Особого внимания заслуживает исследование влияния на законодательство научно-технической революции (НТР).

НТР оказывает влияние не только на производительные силы общества, но и на весь способ производства, активно стирает грани между городом и деревней, умственным и физическим трудом. Социальные последствия ее различны в условиях капитализма и социализма, но они (последствия позитивные и негативные) имеют место и активно влияют не только на отдельные законодательные решения, но и на направления развития законодательства. Одной из коренных задач законодательства стран, вставших на путь коммунистического преобразования общества, является обеспечение сочетания преимуществ социализма с достижениями НТР. Законодательное закрепление форм общественной собственности на средства производства, отношений распределения и обмена, труда и потребления будет тем эффективнее, чем полнее учтены достигнутый уровень развития производительных сил и соответствующая реальная степень обобществления средств производства. Это, в свою очередь, влияет на производительность труда, степень материальной заинтересованности в результатах производственной деятельности. Если право коренится в отношениях собственности, то и законодательство должно санкционировать те экономические отношения, которые адекватны уровню наличных производительных сил общества. Тут отставание законодательства, как и его забегание вперед, не помогают нормальному функ-

дионированию хозяйственного комплекса, а, напротив, приводит к срывам планомерного развития экономической структуры.

Само собой разумеется, что последняя предопределяет в конечном счете политическую систему общества и степень развития социалистической демократии, которая, в свою очередь, оказывает самое существенное влияние на характер, принципы, традиции законодательной деятельности.

Если не забывать, что в законодательной деятельности любого типа государства всегда и самым непосредственным образом проявляются идеология и социальная психология господствующих классов, в том числе правосознание самих законодателей, их политические и нравственные взгляды, эмоции и чувства, то станет ясным тот самый клубок реальных условий и предпосылок, опосредованно и непосредственно действующих факторов, под влиянием которых находится этот заключительный этап правообразования. Тем не менее во всем этом переплетении жизненных условий, закономерных причин и случайного стечения обстоятельств, толкающих законодателя к принятию того или иного государственного закона, выделяется фактор экономического характера, а наиболее существенной чертой нормотворчества высших органов государственной власти оказывается познание и формулирование того, что К. Маркс назвал действительным законом общественных отношений. К этому и должна быть направлена государственная воля законодателя в ее теоретической энергии. В своем практически-политическом выражении эта воля придает действительному закону общественных отношений общеобязательный характер, гарантированный принудительной силой государства.

Чем больше поводов у законодателя обращаться к науке и освобождаться от иллюзорного представления о реальных отношениях, от волюнтаризма по отношению к самому праву и преувеличения роли государственного насилия, тем адекватнее будет законодательство общественным отношениям определенного вида, подлежащим юридической регламентации. Позиция объективности и рациональности в нормотворчестве не означает сциентизма с присущим ему объективизмом, ограничивающимся констатацией установленных жизненных фактов, не может деидеологизировать юридические нормы, которые не только отражают жизненные ситуации, но и дают им соответствующую оценку (поддерживают, запрещают, ставят в определенные рамки и зависимости) с позиций данного общества, класса и тех, кто их непосредственно устанавливает.

Помимо познавательной и аксеологической, есть еще и юридическо-техническая сторона нормотворчества законодателя. После того, как познаны социальные процессы в интересующей законодателя области, дана оценка существующему положению и тем результатам, которые предполагается достигнуть при помощи права (выяснены цель и средства ее достижения, воз-

можная социальная эффективность, нравственная допустимость, полезность и т. п.), т. е. выработана законодательная политика, необходимо ее соотнести с правом — это следующая ступень перехода от общественных отношений к юридической норме, при которой законодателю надо сделать конкретный выбор между возможными вариантами формально-юридических приемов, разрешающих уже выясненное существо социальной проблемы.

Законодательную деятельность нельзя сводить к технике (даже в широком смысле), но и без нее процесс нормотворчества не может завершиться. При этом следовало бы под законодательной техникой понимать не только правила внешней обработки нормативного материала (логика, структура, язык, стиль изложения нормативных актов, процедура их подготовки, приемы кодификации, инкорпорации и консолидации, правила отмены устаревших норм и введения в действие новых, восполнения пробелов и т. п.), но также технику конструирования самих юридических норм и включения их в действующее законодательство, выбора самой формы выражения построенной нормы с учетом юридической силы того или иного источника права. Эти вопросы нельзя оторвать от науки права, и в частности от науки законодательства, но особенность в том, что они связаны в первую очередь с формами объективного права, с задачами приведения их в соответствие с непосредственным содержанием. Форма (внутренняя и внешняя) юридических норм имеет большое значение для восприятия содержания, а потому и осуществления в жизни, поведении людей и деятельности организаций. Более того, форма юридических норм придает соответствующему правилу необходимое качество общеобязательности, которая обеспечивается не только внешней защитой государством изданных им актов, но и внутренней связью между нормами, взаимоподдержкой, образованием целых институтов и отраслей права соответственно видам регулируемых отношений и методам этого регулирования.

Вместе с этим надо считать, что вопросы законодательной техники имеют чаще всего и политический подтекст. Например, даже столь технический вопрос, как терминология и стиль изложения закона, имеет значение для определения круга лиц, которым будет ясно его содержание, определяет возможные пределы его толкования судом, отражается на возможности использования его установлений населением. Еще сильнее политическое значение законодательной техники проявляется в уровне систематизации нормативного материала и в том, насколько именно юридические законы высших представительных органов государственной власти регулируют важнейшие общественные отношения, не подменяют ли их в этом подзаконные нормативно-правовые акты государственного управления. С теорией законодательства и законодательной политикой

смыкаются почти все проблемы законодательной техники, но они все же остаются относительно самостоятельной стороной нормотворчества, поскольку так или иначе предполагают технические приемы, зависят от искусства и ремесла пользования этими приемами. Наибольшего искусства требует подготовка крупных законодательных актов, особенно кодексов, сводов законов и собраний действующего законодательства. Политическая значимость таких актов не требует доказательств. Одновременно подобная деятельность не может обойтись без научной разработки многих вопросов права, в том числе вопроса о соотношении системы права и системы законодательства. Последнее лишней раз подтверждает, что нет оснований для проведения резкой грани между наукой (теорией) права и юридической техникой, между теоретической концепцией законодательства и законодательной политикой. Законодательная политика и техника должны отвечать требованиям научного мировоззрения.

Нормотворческую деятельность, которой завершается процесс образования объективного права, осуществляют не только законодательные органы. Отмечалось, что ею занимаются в своеобразном виде при действии прецедента и судебные органы в ходе отправления правосудия, а также обобщения судебной практики. Тут надо сказать и о том, что нормотворчеством занимаются и органы государственного управления. К нормотворчеству административных органов полностью относятся те требования, которые излагались при характеристике законодательной деятельности высших органов государственной власти, коль скоро и тут речь идет о рациональном и целенаправленном конструировании юридических норм. Вместе с этим в процессе государственного управления может накапливаться единообразная, основанная на административном прецеденте практика решения тех или иных конкретных дел, которая в обобщенном виде может представлять собой юридические нормы. Такого рода нормотворчество напоминает судебное и тоже будет прецедентным правом.

Однако по поводу любого вида нормотворчества, осуществляемого органами государственного управления, надо сказать, что оно должно носить ограниченный характер. Речь идет не о количестве издаваемых нормативно-правовых актов, хотя в какой-то степени и об этом. Вопрос этот требует специального рассмотрения, и мы к нему вернемся. Здесь же отметим, что административная деятельность по самой своей сущности не призвана законодательствовать и отправлять правосудие, подменяя собой функции органов власти и суда. Государственное управление (в собственном смысле слова) предполагает строго субординационные конкретные отношения, в рамках которых организуется реализация того, что установлено в виде закона, содержащего «первичные» юридические нормы. К. Маркс пи-

сал, что «администрация есть организующая деятельность государства».⁹ И если в ходе такого рода организующей деятельности осуществляется нормотворчество, то оно, как и все государственное управление, должно быть подзаконным и не может создавать нормативные акты, санкционирующие административный произвол. В статье «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» К. Маркс отмечал, подвергая критике указанную инструкцию: «Законы против тенденции, законы, не дающие объективных норм, являются террористическими законами, вроде тех, какие изобрела крайняя государственная необходимость при Робеспьере и испорченность государства при римских императорах. Законы, которые делают главным критерием не действия как таковые, а образ мыслей действующего лица,— это не что иное, как позитивные санкции беззакония... Подобно тому как в закон, преследующем за тенденцию, законодательная форма противоречит содержанию; подобно тому как правительство, издающее этот закон, яростно выступает против того, что оно представляет в своем собственном лице, т. е. против антигосударственного образа мыслей,— точно так же правительство и в каждом частном случае является по отношению к своим законам как бы миром, вывороченным наизнанку, ибо оно применяет двоякую меру. Что для одной стороны — право, то для другой — правонарушение. Уже самые законы, издаваемые правительством, представляют собой прямую противоположность тому, что они возводят в закон».¹⁰

В этих словах К. Маркса, обращенных к прусским властям, мы находим важные общие идеи, имеющие отношение в первую очередь к правительственным узаконениям. Речь идет о недопустимости актов управления, противоречащих «объективным нормам», т. е. нормам, выражающим объективные закономерности; о том, что главным критерием правомерности (неправомерности) должны быть действия людей, а не их мысли; об обязательности соответствия формы и содержания нормативных актов (общая для всех норма не может одно и то же считать для одних правом, а для других — правонарушением); а также о том, что акты правительственных органов не должны представлять собой позитивные санкции произвола. Не приходится и говорить, насколько актуальны эти идеи, когда мы встречаемся с тоталитарными режимами эпохи империализма. Если недопустимо нарушение демократических и гуманистических принципов законодательства высшими органами государственной власти, то особую опасность представляет такое положение в условиях, когда законодательная функция фактически сосредоточивается в руках антинародных правительственных учреждений.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 440.

¹⁰ Там же, с. 14, 16.

§ 2. Правореализация и государственные акты применения общих норм

Право (объективное и субъективное) таково по природе, что требует своей реализации в деятельности людей. Порожденное общественными отношениями фактического порядка право в тех же отношениях должно найти свое осуществление. Сказанное относится в первую очередь к нормам законодательства, поскольку они представляют собой возможность (требования должного), которая подлежит превращению в действительность (в сущее). О том, что законы, защищающие прогрессивные институты, подлежат реализации, писал К. Маркс.¹¹ В. И. Ленин не раз подчеркивал, что издание декретов Советской власти лишь начало дела, их надо провести в жизнь, практически осуществить.¹²

В самом общем виде процесс правореализации представляет собой воплощение в жизнь возведенной в закон государственной воли, равного и относительно справедливого масштаба свободы, в конечном счете осуществление отношений собственности, упорядочение отношений производства, распределения, обмена и потребления соответственно достигнутому уровню развития производительных сил общества. В столь же общем виде можно утверждать, что реализация права — способ его социального бытия и действия, выполнения им своей главной функции. В правореализации раскрывается социальная ценность права и его классово-политическая значимость.

Со стороны объективного права осуществление юридических норм достигается их соблюдением (формальный критерий). Со стороны субъективного права последнее осуществляется тогда, когда используются наличные юридические права и исполняются юридические обязанности (содержательный критерий). Имея в виду единство объективного и субъективного права, его реализация заключается в правомерном поведении участников общественных отношений (в правомерной деятельности лиц и организаций), которые пользуются юридически признанной свободой.

Динамичная правовая система представляет собой постоянное «воспроизводство» права, исторически непрекращающийся процесс правообразования и непрерывное, исключительно многообразное его осуществление в общественных отношениях, постоянно действующий процесс правореализации. Оба эти процесса связаны и, более того, взаимно проникают друг в друга. При первом пути правообразования, еще до принятия закона, существует и реализуется субъективное право, защищенное судебными актами — в процесс становления юридических норм вкраплены элементы правореализации. При втором пути право-

¹¹ См. там же.

¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 182, 185.

образования субъективное право (его установление) вкраплено в уже начавшийся процесс реализации юридических норм. В одном случае правообразование включает не только установление, но и какое-то осуществление субъективного права. В другом — правореализация включает продолжающийся процесс правообразования в условиях, когда объективное право уже начало осуществляться. То и другое на философском языке означает наличие тождества противоположностей. Такого рода взаимопроникновение процессов правообразования и правореализации представляет собой эманацию свойственного собственно праву единства его противоречивых сторон. Что касается связи этих процессов, то она более проста: правообразование — предпосылка правореализации, в то время как социальные последствия последней образуют новые условия, вызывающие вновь правообразование.

Представления об осуществлении права будут неполными, если не учитывать роли в этом процессе нормоприменительной деятельности государственных органов. Такого рода деятельность имеет место во всех случаях «правовой патологии» — при спорах о праве и при правонарушениях, влекущих юридическую ответственность и наказание.

Акты применения юридических норм — разновидность индивидуально-правовых актов государства, точнее, его органов и должностных лиц, обладающих властными полномочиями. С политической точки зрения — это акты принудительного характера, являющиеся средством защиты права. С логической стороны эти акты представляют собой вывод из подведения рассматриваемого случая под общую предпосылку (норму). С юридической акты применения норм права являются юридическими фактами, влекущими за собой определенные юридические последствия. В историческом плане такого рода акты (прежде всего суда) часто предшествовали законодательному закреплению прав и обязанностей, опирались на неписанные правила поведения (обычай, традиции, религиозные или нравственные нормы) и фактическое состояние отношений (владение землей и т. п.); благодаря действию прецедента образовывали единообразную практику, которая формировала общую юридическую норму. В дальнейшем, по мере развития законодательства, все более вырисовывался нормоприменительный характер индивидуально-властных решений и соответственно суживались рамки судебного или административного усмотрения. Сам процесс правоприменения стал весьма детально регламентироваться юридическими нормами, приобрел строго формальный характер. Дополнение норм материального права нормами процессуального права существенно продвинуло вперед охрану закона и субъективных прав граждан, в общем и целом способствовало наиболее полной реализации права, укреплению законности и правопорядка.

Акты государственного правоприменения в настоящее время существенно подкрепляют нормативное регулирование индивидуальным. Общее юридическое регламентирование подкрепляется персонафицированными властно-принудительными решениями (приговорами), вытекающими из них конкретными правоотношениями (юридической ответственностью). Органическое сочетание в правовом регулировании общественных отношений общенормативного и индивидуально-конкретного юридического воздействия соответствует самой сущности права, ее непосредственному проявлению в объективном и субъективном праве, специфике юридического опосредования конкретных отношений. Имея в виду абстрактный характер юридических норм и динамизм социальных процессов, можно утверждать, что при помощи индивидуальных актов происходит существенная корректировка нормативных установлений соответственно определенным условиям места и времени возникновения конфликтной ситуации, состава заинтересованных лиц и их совершенно персонафицированного поведения, его мотивов, целей и т. д.

Подобная индивидуализация нормативного правового регулирования имеет место и вне «правовой патологии», она может также обеспечиваться государственными правовыми актами персонафицированного характера — чаще всего актами управления. Однако такие индивидуально-правовые акты государственного управления не связаны со спорами о праве и с правонарушениями, потому на первый план тут выступает не охрана права, а организация его осуществления. Подобные акты носят, конечно, властный характер и влекут юридические последствия, но применяют лишь диспозиции правовых норм. Это, думаем, не типичные акты применения норм права.

Значение индивидуально-правовых актов государственного управления велико, и то, что, они конкретизируют нормативно-правовое регулирование, несомненно; важно и то, что они должны быть основаны на законе, исходить из юридических норм. Однако здесь перед нами деятельность, которая сама по себе не сводится ни к нормотворчеству, ни к нормоприменению и охране права. У органов государственного управления, за исключением некоторых, иные практические задачи, хотя они и могут решаться только правомерными путями.

Так же, как классическая нормотворческая деятельность осуществляется высшими представительными органами государственной власти и выражается в законодательстве, классическая нормоприменительная деятельность осуществляется судебными органами и выражается в актах правосудия. Типичной для исполнительно-распорядительных органов является административно-организаторская деятельность, включающая элементы нормотворчества и нормоприменения.

Одним из существенных свойств правоприменительной деятельности является то, что она представляет собой строго

регламентированный процесс, обеспечивающий при разрешении юридических дел установление объективной истины и принятие обоснованного, законного, справедливого решения (приговора). Правоприменительная деятельность осуществляется только компетентными органами и касается таких отношений, в которых они сами не участвуют и по отношению к которым сами по себе не имеют собственного интереса. Правоприменительный орган — не участник юридического конфликта, а его арбитр и судья.

Субъектом правоприменения может быть только орган, обладающий властными полномочиями. Акт применения норм права адресуется к персонально определенным лицам в виде властно-принудительного предписания, констатирующего соответствующие юридические права и обязанности сторон или устанавливающего за правонарушение юридическую ответственность конкретного лица, меру его наказания.

Разумеется, термином «применение» можно назвать любое активное правомерное действие, в том числе использование своих прав, исполнение обязанностей гражданами.¹³ Тем не менее в осуществлении норм права реально выделяется особый вид деятельности государственных органов или уполномоченных ими организаций, который состоит в разрешении конфликтов по поводу права и правопорядка, имеющих, конечно, социальную природу. От имени государства, взявшего на себя охрану закона, эти конфликтные ситуации разрешают учреждения, компетентные осуществлять юрисдикцию и способные для этого использовать свои властные возможности, в том числе и принудить к исполнению принятого решения. Тут правоприменение составляет главную сторону их деятельности и состоит в целом ряде регламентированных действий, направленных на: 1) установление фактических обстоятельств юридического дела; 2) выбор и толкование юридических норм, подлежащих применению; 3) квалификацию на их основе тех или иных действий, правовую оценку установленных обстоятельств; 4) принятие решения и его документальное оформление; 5) определение мер, направленных на практическое осуществление вынесенного акта.

Обычно существует целая система юридических гарантий правильного применения норм права, к числу которых относятся: строгое соблюдение норм материального права; законодательные требования объективности и полноты исследования обстоятельств дела; юридические презумпции добропорядочности или невиновности, недопустимости быть судьей в собственном деле и применения нескольких наказаний за одно правонарушение; порядок допустимости и закрепления доказательств; принятие решений в пределах компетенции и в установленных законом процессуальных формах; контроль и надзор за нормо-

¹³ Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960.

применительной деятельностью; право обжалования и ответственность должностных лиц за вынесение неправомερных актов и т. д.

Поскольку применение норм права государственными органами имеет ярко выраженную классово-политическую направленность, постольку правильность нормоприменительной деятельности, ее обоснованность, законность и справедливость приспособляются к интересам господствующих классов, их нравственным и политическим установкам, ценностным ориентирам. Во все века жизни эксплуататорских классов они использовали правоприменительные органы государства для подавления борьбы трудящихся масс, для охраны удобного им правопорядка. Этот классовый аспект нормоприменительной деятельности часто приводил к обходу законов и их неверному толкованию, к вынесению неправосудных решений и приговоров, к оправданию виновных представителей имущих и господствующих классов, к осуждению невинных в преступлении, когда речь шла о трудящихся. Происходило это тем чаще, чем реже могли правящие слои населения открыто и четко выражать в законах государства свои своекорыстные цели и потребности. Акты государственных органов, попирающие законность, не могли и не могут быть действительно нормоприменительными, не в состоянии способствовать реализации права и упрочению правопорядка. Это — акты произвола властей.

Вместе с этим надо учесть, что законодательство в общем и целом содержит юридические нормы, выражающие общеклассовую волю тех, кто жизненно связан с данным способом производства, заинтересован в его нормальном функционировании, ограждении (эмансипации) от любого произвола. Законодательство служит защите существующего строя, и в его осуществлении господствующие социальные силы в периоды относительно прогрессивного развития формаций оказываются в принципе заинтересованными.

В силу отмеченных обстоятельств нет однозначной оценки нормоприменительной деятельности вообще, но есть вполне определенная отрицательная оценка тех фактов, когда под формой применения закона таится его обход или грубое искажение. Объективная потребность классового общества в юридическом праве предопределяет столь же детерминированное потребностями социального развития применение его общих норм к конкретным жизненным ситуациям и людям.

К сказанному добавим, что организованное и правом регламентированное, заранее обусловленное санкциями юридических норм и потому в какой-то степени исключаящее усмотрение отдельных должностных лиц, их произвол и субъективизм, принуждение на основе закона оказывается для общества и его членов более предпочтительным, чем прямое и неограниченное насилие властей, грубо попирающее любое проявление недо-

вольства существующим порядком и лишаящее свободы, а то и жизни, каждого, кто покажется бюрократии и полиции опасным для их собственного благополучия. Нельзя исключать и того, что (особенно в нашу эпоху) закон и суд являются средством охраны элементарно необходимой безопасности населения, ограждения людей от уголовной преступности и иных асоциальных проявлений, составляющих угрозу обществу, вне зависимости от того, какова его классовая структура и кто реально стоит у власти. В этом одно из проявлений общесоциальных притязаний, субстрат которых так или иначе заключен в действительном праве и правосудии любой эпохи в условиях сохранения цивилизованных политических структур, противостоящих варварски-террористическим и тоталитарным режимам. Коренной предпосылкой выражения в правоприменительной деятельности объективных потребностей и подлинно общественных (публичных) интересов является социалистическая революция и упорочение политической власти народа.

В советской юридической литературе с достаточной основательностью рассмотрены классово-политический и технико-юридические аспекты нормоприменительной деятельности.¹⁴ Логическая сторона правоприменения остается в тени, между тем она не сводится лишь к толкованию норм и законам формальной логики, на основе которых строится известный силлогизм с большой (общей) посылкой — юридической нормой и малой посылкой, которой оказывается конкретный случай, соответствующие обстоятельства юридического дела, возникшего в результате данной конфликтной ситуации. Уже в толковании норм, правила которого тщательно разработаны, присутствует элемент их уяснения, т. е. познания. Но главное состоит в том, что непременным условием обоснованного правоприменения является познание фактических обстоятельств дела, установление объективной истины. Можно ли надеяться установить истину вне познания действительности? Нельзя.

Каков же характер познания, осуществляемого в ходе правоприменительной деятельности? Очевидно, что речь идет об оценочно-практической форме духовного освоения фактов общественной жизни, имеющих отношение к происшедшему конфликту и потому к разрешению возникшего дела. Цель такого познания по своей форме ограниченная, поскольку замыкается конкретным случаем. Однако от этого познания зависят интересы сторон в споре о праве или даже судьба людей, которым грозит наказание. Можно полагать, что эта непосредственная связь с человеческой жизнедеятельностью придает познанию, о котором идет речь, особую значимость. К тому же, если брать

¹⁴ См., напр.: Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973.

практику нормоприменения в целом по стране и в течение многих лет, то перед нами будет весьма распространенное юридическое явление, оказывающее влияние на тысячи и сотни тысяч людей — их отношения, права и свободы, чаяния и интересы оказываются зависимыми от правосудия, иной нормоприменительной деятельности. Суд разрешает конкретное дело, но дел таких у него сотни. Сотни дел рассматривают сотни судов. И от этой судебной практики находятся в зависимости не только тысячи конкретных лиц, но и состояние правовых отношений в стране, действительность законности и прочность правопорядка, престиж закона и власти, правосознание миллионов. Можно ли после этого думать, что познание, связанное с нормоприменительной деятельностью в целом, носит действительно ограниченный, частный характер? Конечно, оно имеет публичный характер, хотя проводится в связи с отдельными делами. Не говоря уже о том, что его публичность (в ином аспекте) обусловлена требованиями закона и предопределяет так или иначе судебные акты, выносимые от имени государства.

Характер «юридического» познания своеобразен и в том смысле, что оно само по себе не способно вскрывать закономерности общественных отношений и глубинную сущность явлений. И все же было бы заблуждением отрывать его от состояния науки своего времени. Во-первых, его глубина зависит от содержания конфликтной ситуации, которая бывает различной сложности и находится в связи со многими иными явлениями, оказывающимися ее причинами или следствием. Эти связи не всегда может вскрыть познание, проводимое на эмпирическом уровне. Во-вторых, при необходимости правоприменительный орган может и должен по закону назначать экспертизы, прибегать к заключениям специалистов в области науки и техники, медицины и т. п. В современном правосудии широко применяются, точнее используются, достижения различных областей знания. Таким образом, и сам правоприменительный орган в области познавательной деятельности не всегда остается на уровне эмпирического восприятия действительности и может использовать результаты теоретического познания тогда, когда это необходимо, исходя из характера рассматриваемой ситуации. Точно так же должен поступать и орган государственного управления, вынося индивидуальные правовые акты исполнительно-распорядительного свойства, основанные на диспозициях норм права и организующие реализацию права вне каких-то конфликтных ситуаций.

Нормоприменительная деятельность суда (арбитража) имеет и еще одну существенную особенность с точки зрения осуществляемого ею познания. Юридическое дело касается, как правило, уже совершившихся деяний и ситуаций, которые сложились до их исследования. Потому непосредственное познание фактических обстоятельств занимает тут незначительное

место, а главную роль играет опосредованное исследование, опирающееся на анализ целой системы доказательств.

Наличие доказательственного права и необходимость исполнения его предписаний — важная черта нормоприменительной деятельности судебных органов, подчеркивающая роль особого характера познания в отправлении правосудия. Собственно говоря, судебный процесс устремлен (должен быть устремлен) к установлению истины. Без этого нельзя вынести справедливое, законное, обоснованное решение, творить акт правосудия. Закон не должен карать невиновных и оправдывать преступников, не может применяться к выдуманным ситуациям и мнимым обстоятельствам. Если выяснение истины — задача познания, осуществляемого и судом, то из этого не следует, что критерий истинности может быть применен к самому решению (приговору) суда — к квалификации деяния, мере наказания, размеру взыскания и т. п. Такой позиции придерживаются многие юристы, но при этом не учитывается, что акт правосудия — это уже не область познания, а практическая деятельность. Акты государства не могут быть сами по себе истинными или ложными, и относится это не только к правоприменению, но и к самим нормативным установлениям. Истины или ложны могут быть только основания этих актов, да и то лишь в части, касающейся отражения в сознании законодателя и судьи общественной жизни, ее ситуаций.

Установление фактических обстоятельств по рассматриваемому делу не исчерпывает, конечно, правоприменительную деятельность, которая включает также выбор нормы, предусматривающей выявленную ситуацию и характер поведения, а также вынесение решения. Выбор нормы сопряжен с толкованием и интерпретацией законодательства. О толковании у нас написано много работ.¹⁵ Хотелось бы только возразить тем, кто считает его одним из видов познания¹⁶ — познания права. Уяснение смысла закона и тем более разъяснение этого смысла другим, не может быть интерпретировано как познание, тем более научное. Важно другое — имея в виду, что нормы законодательства носят общий характер, любое их применение сопряжено с толкованием. При этом даже в правовых системах, не признающих судебную практику источником права, уяснение и официальное разъяснение законов в целом ряде случаев превращаются в нормотворчество, в разработку относительно самостоятельных правоположений. Когда же обнаруживаются пробелы в законодательном регулировании каких-то отношений, то в этом случае длительное и масштабное, единообразное их восполнение судом уже в чистом виде формирует новую юридиче-

¹⁵ См., напр.: Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962.

¹⁶ Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979, с. 5.

скую норму. Наконец, заметим, что применением норм права занимаются различные государственные органы, но в наибольшей степени юридизирован, естественно, судебный процесс. Не случайно Е. Б. Пашуканис считал судебный процесс наиболее отличительной чертой юридической формы.¹⁷ И главное в этой судебной деятельности — восстановление нарушенного права и наказание виновных в нарушении правопорядка.¹⁸

§ 3. Соотношение законодательной, исполнительной и судебной деятельности в государстве

Государство, рассматриваемое на субстациональном уровне, представляет собой особую политическую организацию классового общества. С точки зрения институционального подхода оно есть определенный аппарат, механизм, включающий различные виды государственных органов и их материальные придатки (армию и т. п.). Классовая сущность государства, о которой уже говорилось, проявляется в его функциях, понимаемых как основное направление деятельности всех его органов (например, функция подавления классовых противников, обороны страны). Наряду с этим к функциям государства можно подойти и в ином плане — с точки зрения характера осуществляемой деятельности. Тут в значительной степени проявляется связь государства и права. Государство осуществляет законодательную работу и отправляет правосудие. Первую выполняют высшие органы государственной власти, вторым занимаются судебные органы. Конечно, нормотворчеством занимаются не только высшие органы власти, а применением права — не только суды. Но издание законов обладает приоритетом перед иной, подзаконной формой установления юридических норм, а правосудие обладает приоритетом перед иной нормоприменительной деятельностью, не обладающей качеством судопроизводства. Вместе с этим государство занимается непосредственным управлением, исполнительно-распорядительной деятельностью организаторского характера. Если любые государственные органы обладают властными полномочиями, то сложившееся в деятельности его органов «разделение труда» выделило как бы три власти — законодательную, исполнительную и судебную.

Условия классовой борьбы в различные периоды истории в разных странах, единая идейная направленность деятельности всех государственных органов и образование последними целостного иерархического механизма политического господства слишком часто превращали подобное подразделение властей, а тем более их сравнительно независимое друг от друга

¹⁷ Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм. М., 1926, с. 48.

¹⁸ Денисов А. И. Теория государства и права. М., 1948, с. 471.

функционирование, в иллюзию. Тем не менее к моменту формирования современного политического государства (XIV в.) своеобразное разделение труда в государственной работе для капиталистических стран стало свершившимся фактом. Закреплено оно было далеко не везде, как и не любой буржуазной идеологией признано. Наибольшим ударом подвергалось подразделение властей в условиях антидемократических режимов. Однако и относительно демократические формы государства при капитализме довольно редко способствовали проведению в жизнь так называемой теории разделения властей. Это стало особенно заметно в эпоху империализма с его тенденцией к концентрации власти в руках правительственных учреждений, срастающихся с военно-промышленными комплексами и представляющих до крайности разросшуюся систему бюрократии. К концу XIX в. буржуазный парламентаризм претерпевает глубокие кризисные явления, представительные органы начинают превращаться в пустые говорильни, в связи с чем основоположники пролетарского мировоззрения выступают за то, чтобы новые, представительные органы народа соединили в своей деятельности законодательную и исполнительную власть, подорвав тем самым корни буржуазного министерализма, бюрократического разбухания государственно-управленческого, административного аппарата. Это требование политологии и идеологии марксизма-ленинизма не было направлено ни против существования после революции представительных органов, в том числе парламентного вида, ни против четкого определения компетенции государственных органов, но оно совершенно ясно ставило вопрос о том, что представители трудящихся должны не только принимать законы, но и проводить их в жизнь, что вся административная деятельность должностных лиц государственного аппарата должна быть подзаконна, что граждане должны иметь возможность обжаловать действия должностных лиц, нарушающих их права, в общие народные суды, деятельность которых должна быть независима и подчинена только закону.¹⁹

Известно, что первоначально идея разделения властей с классовых позиций отражала компромисс между буржуазией и дворянством, но по существу, как это бывает вообще с идеологией, такого рода концепция в иллюзорном виде выражала процесс разделения труда в сфере государственной деятельности, который сможет быть преодолен полностью лишь с будущим отмиранием самой государственности, с заменой его коммунистическим самоуправлением, когда управление людьми будет заменено управлением процессами материального производства, когда восторжествует полностью народовластие.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 346—549; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 115; т. 34, с. 304—305.

В каких бы условиях ни появилась идея разделения властей и каковы бы ни были судьбы самого «разделения труда» в области государственной деятельности в достаточно отдаленном будущем, в современной развитой государственности оно (это разделение) существует и требует анализа в разных аспектах, в том числе и в юридическом.

Законодательствование и отправление правосудия нами уже были рассмотрены в качестве главных форм нормоустановительной и нормоприменительной государственной деятельности, которые жизненно важны для существования и функционирования в каждой стране юридического права. В известном смысле государство выступает тут в качестве политического института, обслуживающего юридическую форму производственных отношений. Поскольку было выяснено значение познания действительности для того и другого вида деятельности, можно сказать, что в этих случаях основная линия материальной детерминации государства развивается в сфере правообразования и правореализации, что государство оказывается зависимым от объективной потребности в том или ином историческом типе права.

Существенным своеобразием отличается управленческая деятельность государственных органов. Ее главный смысл состоит в налаживании сложной сети организационных отношений.²⁰ Эти отношения служат практическому претворению в жизнь государственной политики. Последняя находит так или иначе свое официальное выражение и закрепление в общеобязательных установлениях, в законодательстве. Следовательно, государственное управление (организаторская деятельность, администрирование) имеет своей главной задачей проведение в жизнь того, что установлено высшими представительными органами государства в качестве закона. По смыслу этой деятельности задача такова. Иное дело, что на практике нередко политическая линия данного государства не находит своего адекватного отражения в законе, а административные органы осуществляют деятельность вне закона, а то и вопреки ему. В этих случаях искажается сама сущность государственно-управленческой деятельности, а роль законодательных органов и закона падает, ослабевает, сводится к нулю (при тоталитарных режимах).

В. И. Ленин писал, что характер организации каждого учреждения соответствует и неизбежно определяется содержанием деятельности этого учреждения.²¹ Характер управленческой деятельности и ее главные задачи определяют место государственного аппарата управления (административных органов), его структуру, компетенцию соответствующих звеньев исполни-

²⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

²¹ См. там же, т. 6, с. 99.

тельной власти. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что госаппарат нужен для проведения политики господствующих классов, а не политика служит аппарату государства.²² Проводя в жизнь политику господствующих классов, организуя осуществление на деле законодательных норм, госаппарат принимает многочисленные решения конкретно-индивидуального свойства, персонализированные акты управления. В целом ряде случаев госаппарат издает нормативно-правовые акты, восполняя нормотворческую деятельность законодательных органов. Первого рода акты типичны для управленческой деятельности, носящей организаторский характер; будучи основаны на диспозициях юридических норм, они как бы применяют общие положения закона к конкретным обстоятельствам, организуют исполнение закона и являются юридическими фактами. Властный характер таких актов несомненен. Второго рода акты (нормативные) мы бы не считали типичными для государственного управления, хотя их необходимость диктуется многими обстоятельствами (невозможностью охватить одними законами все отношения, подлежащие правовому регулированию; динамизмом общественных отношений и др.). Нормативно-правовые акты административных органов, как и персонифицированные акты управления, не могут противоречить закону, они носят (должны носить) подзаконный характер. Высшая юридическая сила закона чаще всего фиксируется в конституциях и признана наукой. Когда на практике действует режим законности, то встречающиеся отдельные случаи нарушения этого принципа органами управления устраняются. В то время как в условиях разложения законности в том или ином государстве поправки управленческими решениями законодательства принимает систематический характер. О причинах разрушения режима законности, столь характерного, например, для эпохи империализма, речь будет еще впереди.

Однако есть теоретико-практическая проблема несколько иного плана, которая и в жизни, и в теории получает различное звучание. Речь идет о сфере нормативного регулирования, осуществляемого органами управления и об объеме административного усмотрения в области индивидуально-властного регулирования. Расширение сферы нормативно-правового регулирования государственным управлением за счет сужения законодательного регулирования, как и излишнее распространение области административного усмотрения при решении конкретных дел, отражает незакономерное возвышение исполнительной власти, которое может при известных условиях ограничить деятельность высших представительных органов государства, свидетельствует о наличии в государственном режиме

²² См. там же, т. 43, с. 72—73, 373.

антидемократической тенденции. Напротив, ограничение того и другого свойственно развитым демократическим формам организации общества, способствует укреплению в стране законности и правопорядка. С принципиальной точки зрения обострение классовой борьбы, реакционный курс политики тех классов (групп), которые стремятся задержать общественный прогресс и защищают устаревшие отношения, ведут к ослаблению представительных органов и роли закона. В противоположность этому социализм создает объективные предпосылки для усиления значимости представительных органов и законодательства, одновременного повышения уровня организаторской, исполнительно-распорядительной деятельности органов управления в строгих рамках закона. Поскольку закон — наиболее совершенная форма права, постольку оптимальное развитие законодательной деятельности в состоянии успешно совершенствовать правовое регулирование (устраняет отраслевые и местные различия в регламентации и укрепляет единство правовой системы, способствует научной обоснованности юридических норм, полнее отражает общие интересы страны и объективные потребности господствующего способа производства, значительно усиливает стабильность правового регулирования, в состоянии шире выразить демократическую направленность политической системы, более непосредственно выразить общесоциальное право и т. п.).

Престиж закона предопределяет, в свою очередь, реальный авторитет и социальную значимость судебной деятельности, которая по своему существу не должна оказываться в зависимости от местной власти и всей системы государственного управления. Вместе с этим надо сказать, что и само положение органов правосудия в стране влияет на престиж закона и государственной системы, самым существенным образом сказывается на защите прав и свобод граждан, на общем в стране состоянии правопорядка. Если есть основание для весьма осторожного подхода к нормотворчеству и усмотрению административных органов, то в принципе то и другое не только неизбежно в судебной деятельности, но и может приносить реальную пользу, если, конечно, не связано с нарушением или обходом закона. Защита наличных прав субъектов не может ограничиваться применением действующего законодательства, но и должна осуществляться при его недостаточном развитии или наличии в развернутом законодательстве тех или иных пробелов. Сущности правосудия это никак не противоречит. Не противоречит сущности правосудия также контроль за законностью деятельности органов управления и даже за конституционностью законов, но такой контроль тут связан с рассмотрением конкретных юридических дел. Общенадзорную функцию за соблюдением законности осуществляют прокурорские органы.

Судебное нормотворчество представляет своеобразную форму официального признания уже сложившегося права (правотношений) или придания правового характера фактическим отношениям, которые берутся под защиту государства путем единообразного и постоянного вынесения судебных решений по аналогичным делам, или, наконец, форму выработки новых общих норм в результате обобщения судебной практики и вынесения высшими судами соответствующих директивных указаний, обязательных для нижестоящих судебных инстанций.

Из того, что суд — единственный государственный орган, отправляющий правосудие, никак не следует непререкаемое ограничение его деятельности применением законов. Сама задача отправления правосудия предполагает возможность при отсутствии соответствующего закона восполнить пробел и целесообразность контроля суда над законностью нормативных и иных актов управления. Иное дело, что судебные акты не могут подменять собой законодательство и ему противоречить. Не должен суд и принимать на себя не свойственную ему функцию государственного управления — это лишило бы его качества органа правосудия, оценивающего по конкретным делам и в необходимых случаях законность управленческой, административной деятельности. В демократически устроенном государстве граждане должны иметь право обжаловать в судебном порядке административные меры, нарушающие их конституционные права и свободы.

Жизнь убеждает, что одним из закономерных направлений развития современной демократической государственности являются: 1) оптимальное развертывание законодательной деятельности высших представительных органов государственной власти; 2) постоянное упрочение законности в деятельности административно-управленческого аппарата, деятельности, которая по природе своей подзаконна; 3) повышение престижа и усиление роли органов правосудия. Наиболее благоприятные условия для этого создаются в условиях социализма.

Уместность приведенных рассуждений для работы, посвященной праву, определяется тем, что два из трех видов рассмотренной государственной деятельности органически связаны с правообразованием и правореализацией. Само по себе политическое управление одних людей другими, господство одного класса над другим классом, прямое насилие, надо полагать, не есть еще государство, хотя отмеченное ему свойственно. Управление и принуждение, политическое господство образуют элементы государственной деятельности только тогда, когда оказываются связанными с законодательной деятельностью и отправлением правосудия. Господствующие при данных производственных отношениях классы конституируют свою силу в виде государства при том лишь условии, что выражают свою

общеклассовую волю в качестве всеобщего закона, защищенного судебной системой. Когда класс, его правящая верхушка не в состоянии обеспечить своего господства при помощи законодательства, подзаконного управления и правосудия, а потому переходит к террористическим методам прямого насилия и произвола — это означает, что данное политическое господство настолько исторически обречено, что его не могут реально поддержать ни право, ни государство. Отказ от права по сути дела равносителен отказу от собственной государственности, в чем раньше или позже правящие слои общества убеждаются подчас ценой собственной гибели в революционных бурях и в ходе торжества новых общественных отношений. С другой стороны, оказывается несомненным и то, что вне и помимо государства нет и не может быть юридического права, ни его полного правообразования, ни его завершеного правоприменения.

§ 4. Демократические принципы законодательства и отправления правосудия

С гносеологической точки зрения категория «принцип» тесно связана с категориями «закономерность» и «сущность». Это дает возможность определять принципы какой-либо деятельности через ее объективные закономерности и ее глубинную сущность. Понятие «принцип» сопряжено и с категорией «идея» в том случае, когда под последней философы понимают внутреннюю логику, закон существования исследуемого объекта. Наконец, в самом широком понимании принцип есть начало, исходный пункт, становление бытия — в данном случае существования той или иной деятельности. Принципы имеют объективное основание. К. Маркс писал, что не принципы образуют общественные формации, а исторические условия выдвигают определенные принципы, они таковы, какова эпоха, люди и их потребности, способ производства, общественные отношения.²³ Он же отмечал: те же самые люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно развитию материального производства, создают также принципы, идеи, категории соответственно общественным отношениям.²⁴ Будучи поняты, выдвинуты и сформулированы, они организуют и направляют ту или иную деятельность, служат ее отправным, руководящим началом. За претворение определенных принципов ведется борьба, передовые принципы оказываются ориентиром социального прогресса.

В свете сказанного можно считать, что принципы законодательства и правосудия — это такие начала указанных

²³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 137—138.

²⁴ См. там же, с. 133.

видов государственной деятельности, которые выражают закономерность и сущность данных функций, обладают универсальностью, императивностью и общезначимостью, направляют и синхронизируют законодательную и судебную деятельность, отражают ее объективную необходимость в государственно организованном обществе.

Принципы законодательства и правосудия могут быть выведены на эмпирическом уровне из практического опыта, но они могут оказаться и результатом научного познания. Будучи закреплены в юридических нормах, они приобретают характер юридических принципов. Как и любые принципы общественных явлений, указанные принципы историчны, и в них всегда вносится соответствующее классовое содержание. В этом смысле каждому историческому типу права и государства соответствуют свои особые принципы законодательной и судебной деятельности. Вместе с этим можно говорить и об общем понятии законодательства и отправления правосудия, соответственно об их наиболее общих и абстрактных принципах. Можно говорить и о том, что среди таких общих принципов существуют такие отправные начала, которые характеризуются своей относительной (исторически конкретизирующейся) демократичностью, или, иначе говоря, некоторыми общедемократическими свойствами. Демократия как форма государства, политический режим имеет в классовом обществе классовую направленность и используется в интересах господствующих классов. Тем не менее все исторически и классово определенные политические демократии имеют, при всех своих особенностях, некоторые общие черты в том смысле, что обеспечивают относительно широкое участие в государственной деятельности соответствующих слоев населения и относительно полное выражение в ней своих интересов (в той мере и степени, в какой это не противоречит господству классов и их интересам).

Принципы законодательства и правосудия можно в общем виде считать демократическими, если они сформированы в рамках демократических политических систем и государственных режимов, носят исторически прогрессивный характер, противопоставляют произволу и беззаконию право и законность (в их исторически возможном и необходимом состоянии), служат объективно требуемому общественному порядку отношений, детерминированных общими потребностями социальной жизни и господствующего способа производства. Следует сразу оговорить, что такие принципы, будучи известным завоеванием общечеловеческой цивилизации и культуры, наполняются конкретным содержанием и используются в соответствующих классовых интересах, практически искажаются в любом классово-антагонистическом обществе, и только при социализме появляются предпосылки для их последовательного претворения в жизнь. Только социалистическая демократия в состоянии при-

дать им подлинно общечеловеческий характер, действительно демократическое содержание.

Генезис демократических принципов законодательства и правосудия связан не только с особой формой государства (политической демократией), но и со специфической формой нравственного общественного сознания, которую характеризуют такие социальные ценности, как гуманизм и справедливость, как простейшие правила любого человеческого общежития. Наконец, что особо важно для юридической теории и практики, генезис основных начал государственной деятельности в области законодательства и отправления правосудия не может быть оторван от глубинной сущности права, потому что речь идет о принципах соответствующих стадий правообразования и правоприменения как реально существующих и непрерывно действующих социальных процессах, коренящихся, в конечном счете, в правовой природе соответствующих отношений собственности. Последнее означает, что интересующие нас принципы, будучи основными идеями, имеющими руководящее значение для работы соответствующих органов государства, относятся не только к области политической идеологии. Эти же начала порождены объективной потребностью в праве, заложены в отношениях собственности как юридическом выражении системы господствующих производственных отношений, а потому относятся прежде всего к сфере правовой идеологии, т. е. духовного осознания и освоения правовых отношений в их становлении, функционировании, развитии и изменении.

Принципы законодательства и отправления правосудия представляют в определенном аспекте отражение объективных закономерностей, свойственных становлению и реализации бытия правоотношений, опосредуемых государством и материально детерминированных исторически определенным уровнем производства и обмена.

К числу демократических принципов законодательной деятельности относятся:

1) законодательствование, осуществляемое коллегиально всем составом высших представительных органов государственной власти; ответственность за эту деятельность перед избирателями и участие законодателей в исполнении принятых законов и контроле за реализацией законодательных установлений; широкое обсуждение законопроектов населением и проведение по важнейшим вопросам референдумов;

2) безусловное соответствие текущего законодательства конституции страны; верховенство законов над всеми иными государственными актами; признание строгой подзаконности оперативно-управленческой (административной) деятельности и высшей гарантированности соблюдения законов, основных прав граждан отправлением правосудия системой судебных органов;

3) регулирование законами всех важнейших отношений в стране, общезначимость и общеобязательность содержащихся в них юридических норм; верное отражение в этих нормах объективных потребностей господствующего способа производства и поступательного развития общества; оптимальный учет законодателем «правовой природы вещей» и степени исторической развращенности в фактических отношениях общесоциального права;

4) оптимальный учет специфики правового регулирования, его объективных рамок и пределов, особенностей предмета и соответствующих методов юридической регламентации; своевременное обновление законодательства, его надлежащая инкорпорация и кодификация; постоянный учет судебной (арбитражной) практики, состояния правосознания населения и общественного мнения, эффективности действия законов, состояния правонарушаемости (в том числе преступности);

5) осуществление нормотворческой деятельности на основе достижений юридической техники, в ее широком и узком, специальном смысле; четкий порядок принятия и обнародования законов, введения в действие новых актов и отмены устаревших актов, разрешения коллизий между юридическими нормами различных законов, восполнения пробелов в законодательстве.

К числу демократических принципов правосудия относятся:

1) осуществление правосудия только выборным судом, в составе судьи и заседателей; независимость суда и подчинение его лишь закону; строгая регламентация процесса судопроизводства, его коллегиальность, гласность, устность, непосредственность, состязательность;

2) ответственность (наказание) только за доказанную вину, недопустимость признания виновным и наказания иначе, как по приговору суда; законность, обоснованность решения и приговора суда, вынесенных лишь на основе объективного, всестороннего, непредвзятого рассмотрения дела; необходимость установления по обстоятельствам дела объективной истины; презумпция невиновности и добропорядочности; соответствие наказания тяжести правонарушения (справедливость);

3) недопустимость отказа суда в защите права по мотивам отсутствия закона; разрешение жалоб граждан на административные акты в порядке общего судопроизводства; контроль за конституционностью законов, законностью иных нормативных и индивидуальных актов при рассмотрении конкретных дел; обязательность судебного толкования законодательства и восполнения в нем пробелов; признание судебной практики источником права при условии, если она не противопоставляется закону;

4) равенство всех граждан перед судом и законом, равноправие сторон в судебном процессе; уважение достоинства и неприкосновенности личности, общепринятых норм нравственно-

сти; право на защиту и на обжалование приговора (решения); четкий, общий для всех порядок кассационного судопроизводства, право на ходатайство о помиловании и о досрочном освобождении от наказания;

5) отправление правосудия как высшая юридическая гарантия прав и свобод граждан, их безопасности; суд как средство защиты общества от наиболее опасных асоциальных проявлений и обеспечения правопорядка, соответствующего объективным потребностям существующих в стране отношений производства, распределения, обмена и потребления материальных (духовных) ценностей;

6) неопременность воспитательной роли судебного процесса и значимости актов правосудия в предупреждении правонарушений; юридическая и общая культура судопроизводства.

Следует сказать, что в советской общей теории права основные демократические принципы законодательства («правотворчества») разрабатываются достаточно интенсивно и излагаются весьма подробно. Этого нельзя признать по отношению к основополагающим идеям правосудия, которые исследуются и освещаются главным образом отраслевыми юридическими науками. В общей теории есть труды по проблемам применения норм права, но последнее чаще всего трактуется довольно широко, в силу чего многие особенности отправления правосудия остаются не рассмотренными. Создается вообще мнение, что социально-философские проблемы права ориентированы на так называемое материальное, а не на процессуальное право, по поводу которого считается возможным сказать только то, что оно есть форма первого. Недооценка судебного процесса и опосредующего его процессуального права в науке общей теории государства и права трудно объяснима, если иметь в виду, что судебная деятельность давно признана самой специфически юридической из всех видов правовых профессий. В практическом плане это связано, видимо, с известным пренебрежением к роли суда в генезисе права и в его осуществлении, в создании и упрочении правопорядка, что можно считать традиционным для стран континентальной Европы, в том числе и для дореволюционной России. Остаточные проявления такой традиции до сих пор полностью не искоренены в нашей жизни, поддерживаются подчас на уровне общественной психологии, хотя и не вытекают из марксистско-ленинской политической и правовой идеологии.

В теоретическом аспекте недооценка судебной практики может быть связана с абсолютизацией объективного права и нормативной регламентации в правовом регулировании общественных отношений, с известным игнорированием значимости индивидуально-правового регулирования отношений и субъективного права в правообразовательном процессе, и представлением, что претворение в жизнь законодательства связано главным

образом с исполнением юридических обязанностей. Если в юридической науке до сих пор еще явно мало внимания уделяется исследованию правоотношений (часто изучаются только правовые нормы), то еще меньше изучаются особенности процессуальных отношений. С другой стороны, появилось стремление постулировать наличие процессуальных правоотношений во всех случаях применения норм права и даже в области правообразования (принятия закона и нормативных управленческих решений). Последнее продиктовано не только желанием усилить юридическую регламентацию вынесения административных актов (оно оправдано),²⁵ но и оказывается следствием неудовлетворительного понимания сущности процессуальных отношений. Проблема требует самостоятельного исследования, обратимся лишь к одной ее стороне. Процессуальные правоотношения обладают существенной спецификой, обусловленной их природой — они родились в недрах судебного процесса. Более того, само правосудие существует, поскольку есть процессуальные отношения, которые иначе, как юридические, не бывают. Вне процессуальных отношений правового характера нет суда и его нормоприменительной деятельности. Содержание последней и содержание процессуально-правовых отношений полностью совпадает. Такого положения нет и не может быть в сфере государственного управления. Устанавливаемые здесь те или иные процедуры принятия решений разрозненны, не могут и, наверно, не должны полностью опосредовать тот или другой участок управления (администрирования), не образуют единого процесса и соответственно административно-процессуального права. Последнее могло бы возникнуть только в недрах судебной деятельности, при условии существенного насыщения ее делами административной юрисдикции. Вот почему строгая регламентация процесса судопроизводства отражает важную особенность отправления правосудия и предстает как одна из основополагающих идей правосудия. В литературе не принято указанное считать принципом правосудия — это неправильно. Принцип регламентации процесса включен нами в число отправных демократических начал правосудия. Пожалуй, можно утверждать, что он юридически гарантирует не только действие, но и само существование многих иных основополагающих идей правосудия.

Есть еще один кардинальнейший принцип правосудия, который нередко опускается или неточно интерпретируется. Речь идет о презумпции невиновности. В самом обобщенном виде эта презумпция была провозглашена публично в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Статья 9 Декларации устанавливала, что каждый человек предполагается невиновным

²⁵ Дрейшев Б. В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении. Л., 1978.

пока его не объявят по суду виновным, что в случае необходимости его ареста всякая строгость, которая не является необходимой для обеспечения правосудия, должна быть карасема законом. В таком виде это положение являлось конституционной гарантией свободы и достоинства личности каждого французского гражданина и потому выходило за пределы судопроизводства. Относит ко всем гражданам презумпцию невиновности и Конституция СССР (ст. 160). Однако в юридической практике и теории смысл презумпции невиновности получил свою конкретизацию, он стал трактоваться так: обвиняемый считается невиновным пока обратное не установлено законом. Если иметь в виду, что презумпция — это достаточно вероятное предположение, основанное на практическом опыте, то возник вопрос, насколько верно предполагать, что лицо, которому предъявлено обвинение, невиновно? В советской уголовно-процессуальной литературе стали утверждать, что подобная конструкция не может иметь отношения к социалистическому правосудию. И вместе с неточной интерпретацией некоторые процессуалисты отбросили и саму неверно истолкованную презумпцию.

На самом деле, смысл презумпции невиновности не в том, что лицо, привлекаемое к ответственности, по общему правилу чаще всего невиновно. Презумпция в том, что только доказанность вины в судопроизводстве, подтвержденная приговором, обеспечивает, как правило, наказание действительно виновных и оправдание невиновных лиц, привлеченных к ответственности.

К важнейшим принципам правосудия мы бы отнесли недопустимость отказа суда в защите субъекта по мотивам отсутствия закона. В демократичности этого положения вряд ли можно усомниться. Однако нас в данном случае интересует то, что действие такого начала является не только свидетельством пробельности законодательства, но и того, что жизненные ситуации порождают конфликты о праве, которое не нашло законодательного признания. Для стран, где судебная практика считается источником права, наличие подобных ситуаций считается естественным. Однако характерно, что и при наличии в государстве правовой системы, концептуально связанной с утверждением тождества закона и права, также можно найти в законодательстве нормы, запрещающие судам отказывать в приеме исков по мотивам того, что притязание не предусмотрено законом. Это означает, что правовая природа отношений пробивает себе дорогу даже в условиях, когда в теории господствует взгляд, согласно которому нет якобы никаких прав, помимо тех, которые записаны в законе.

Особого рассмотрения требует вопрос о судебной практике как источнике права. Думается, что возможность судебного нормотворчества, не нарушающего закон, относится также к отправным идеям правосудия, идеям прогрессивно-демократического характера. Для стран, где существует прецедентное право,

подобный принцип был бы вполне закономерен. Но он закономерен и для других государств потому, что его формальное отрицание не соответствует жизненным потребностям, и на практике судебные органы так или иначе, пусть редко, но устанавливают новые общие нормы.

Поскольку было уже выяснено, что генезис права может быть органически связан с судебной деятельностью, постольку нет оснований к тому, чтобы исторически обусловленное прецедентное право просто отбрасывать при анализе принципов правосудия, в процессе осуществления которого оно формируется. Тем более, что вне зависимости от официальных установок и теоретических концепций судебная практика в действительности рождает новые юридические нормы. Как было показано ранее, подобный путь правообразования столь же объективно закономерен, как и завершение правообразования изданием закона, в соответствии с которым устанавливается субъективное право. Спонтанный и рациональный путь, точнее этап, завершающий генезис права, существуют одновременно, хотя приоритетом пользуется один из них. По всей видимости, государство не в состоянии, даже активно законодательствуя, искусственно «закрыть» стихийное правообразование, поскольку не в состоянии полностью исключить из жизни общества элементы стихийного образования тех или иных общественных отношений, даже при плановом ведении хозяйственного и культурного строительства. Все результаты государственных мероприятий заранее не предусмотреть, какими бы научными ни были прогнозы. Однако власть в состоянии наложить существенные ограничения на спонтанное правообразование, санкционируемое судом, и может требовать, чтобы нормотворческая деятельность суда не противоречила закону. Это и выражает принцип, о котором идет речь. Не только с научной, но и с практически-политической точки зрения подобное отправное начало, исходное положение могло бы быть вполне приемлемым: для стран с прецедентным правом оно вводит нормотворческую деятельность суда в подзаконное состояние, не разрушая сложившуюся традицию и не умаляя престижа правосудия; для стран, где прецедентное право отсутствует, оно допускает нормотворчество суда во имя претворения в жизнь основных законов государства и защиты прав субъектов общественных отношений.

В нашей литературе сложилось резко отрицательное отношение к судебному нормотворчеству, и законы его не предусматривают. Представляется, что это неправильно. Такое нормотворчество можно допустить, но при условии его соответствия закону. Основной довод против этого один — будучи источником права, судебная практика может подорвать в стране законность, что и имеет место в буржуазных странах. К тому же такая практика может затруднить пользование юридически-

ми нормами, способствует сохранению в правовом регулировании архаизмов. Конечно, есть возможность использовать судебный прецедент против трудящихся, именно так и поступает буржуазный суд. Но разве не используются при власти меньшинства в таком же направлении законы? В социалистическом обществе суд в состоянии был бы с большим успехом и с пользой для дела использовать предоставленное ему право в исключительных случаях создавать общие нормы.

К числу принципов демократического правосудия мы бы отнесли и принцип контроля суда над соблюдением конституционной законности. Конструкция этого принципа включает: 1) контроль за законностью при рассмотрении конкретных дел; 2) судебный контроль над законностью всех подзаконных актов; 3) контроль над соответствием законов Конституции. Первые два элемента, очевидно, бесспорны. Третий может вызвать возражение — соответствовал ли бы он принципу подчинения суда закону? Думаем, что расхождения тут нет. В данном случае суд бы исходил из наивысшей юридической силы основного закона государства. При коллизии между текущим законом и нормой конституции суд применяет норму Основного Закона. Контроль над конституционностью законов не означает, что законодательный орган зависит от суда — он зависит в своей нормотворческой деятельности от им самим принятой конституции. Иной вопрос, должен ли и имеет ли право суд, применивший конституционную норму, ставить вопрос о несоответствии ей какого-то текущего закона? Может ли суд (высшая его инстанция) отменить закон, который, по его мнению, нарушает букву и дух конституции? Очевидно, суд не компетентен по самому своему существу отменять законы, даже те, что противоречат конституции, хотя, как исключение, он может быть наделен и таким конституционным правом. Во всяком случае суд, установивший в связи с конкретным делом коллизию между законами или коллизию между обычным и основным законом, имеет основание довести это до сведения высшего органа государственной власти. Поскольку высшие судебные инстанции обычно наделены правом законодательной инициативы, постольку они вполне правомочны осуществить подобный демарш. Когда конституция страны прямо устанавливает право верховного суда страны осуществлять конституционный контроль над законодательством, тогда право суда превращается в его обязанность, функция судебного контроля приобретает стабильный характер. В последнем случае с теоретической точки зрения вопрос теряет проблемный характер. Практика современных государств идет тут различными путями, какой из них социально эффективнее сказать трудно. Ту практику, которая наилучшим образом обеспечивает в данных условиях соответствие законов конституции страны, в общем и целом надо считать более предпочтительной.

Каким образом имеет право и обязан суд реагировать на выявленное несоответствие закона конституции — это вопрос не самого принципа правосудия, а форм и способов его реализации. Сам же принцип конституционной законности свойствен природе правосудия, ибо оно в первую очередь подчинено основному закону государства и не может ни при каких обстоятельствах, решая дело, отодвигать на второй план конституционные требования. Нормы конституции — это масштабы деятельности высшего порядка, прямого действия. Защита органами правосудия того или иного оспариваемого (нарушенного) права субъектов общественных отношений не может опираться на юридические нормы, которые в силу различных обстоятельств оказались в противоречии с нормами действующей конституции. В том, что суд опирается на конституцию, а не на расходящийся с ней закон, выносит решение по конкретному делу на основе нормы конституции — в этом прежде всего и заключается элемент своеобразного судебного контроля над соблюдением всеми конституционной законности. Такого рода контроль является для правосудия одним из принципов его разрешения конфликтной ситуации. Сводить этот вопрос просто к правилам коллизионного судопроизводства мы бы не стали; для этого он слишком важен.

§ 5. Юстиция, юрисдикция и юриспруденция

С возникновением официально устанавливаемого и применяемого государством права, т. е. юридического права, возникли органы юстиции и юрисдикционная деятельность как особая сфера политики тех классов и социальных групп, отдельных лиц, в чьих руках была сосредоточена власть. Одновременно возникла и юриспруденция — область знания правовых обычаев, судебной практики и законодательства. Юриспруденция была настолько официальной, что, как известно, толкование ученых-юристов в течение многих веков считалось важным источником права. Характерно, что и на сегодняшний день под занятием юриспруденцией понимают не только теоретическую, но и практическую деятельность. И это не удивительно, потому что юстиция, юриспруденция и юрисдикция оказывались, да и оказываются на сегодняшний день, связанными с юридической техникой в широком понимании этого слова. Иное дело, что юстиция и юрисдикция всегда имели и имеют классово-политическую подоплеку, что догматическая юриспруденция никогда не признавала и не признает в наши дни. Полное смыкание юридической техники, юридической догмы и практики явилось закономерным результатом чисто формального подхода к праву, при котором более всего ценится искусство облекать официальные решения социальных конфликтных ситуаций в юридически мотивированный акт правосудия. Вместе

с тем надо признать, что даже догматическая юриспруденция внесла значительный вклад в разработку достаточно сложных вопросов юридической формы, вне которых и до сих пор не мыслится четкое регулирование юридическими нормами общественных отношений и обеспечение режима законности, вся юрисдикционная деятельность и подготовка профессионалов-юристов. Объясняется это тем, что правовое опосредование имущественных и иных отношений представляет собой весьма тонкий механизм, имеющий свои специфические закономерности.

Законодательная техника, структура нормативных актов и юридических норм, способы и виды толкования и интерпретации юридических установлений, правосубъектность, юридические факты, «критика» юридических материалов и источников, действие норм в пространстве и во времени, юридическая квалификация и правовые презумпции — эти и другие специальные вопросы, в том числе отработка четких юридических дефиниций, всегда были и остаются предметом юриспруденции как догмы права. Более того, именно юриспруденция оказала решающее влияние на формирование юридического мышления и на представления о праве, которые отождествляют его с законом или судебной практикой. Высшего взлета достигла юридическая догматическая юриспруденция в период господства буржуазного юридического мировоззрения. По сути дела ей принадлежит и «заслуга» юридизации государства и собственности, фетишизации юридического лица, формальной трактовки преступления и наказания. Полностью отгородив юридическую форму от ее социального содержания, догматическая юриспруденция оказалась не столько наукой, сколько учением о юридической технике и о юридическом искусстве. Поскольку в юридической регламентации и юрисдикции действительно важное место занимают формальные моменты и стабилизация порядка, юридический догматизм имел свои реальные корни, а юриспруденция имеет свои достижения. С другой стороны, в той степени, в какой для юридической формы в действительной жизни общества решающее, в конечном счете, значение имеет постоянный динамизм социального содержания, догматическая юриспруденция проявила свою полную несостоятельность и беспомощность.

Хотелось бы обратить внимание и на ту метаморфозу, которую в юрисдикционной практике и теоретической юриспруденции претерпел термин «*ius*» (лат.). Общеизвестно, что первоначальный его смысл был весьма широк и не совсем определен, означал он справедливость, право, правосудие. Вполне очевидно, что сопряжение справедливости и права не было случайным, но отнюдь не распространялось на закон «*lex*» (лат.), на позитивное право, устанавливаемое государством. Законы власти лишь по идее должны были быть правом, справедливостью, но на деле часто не были ни тем, ни другим. Однако в дальней-

шем, по мере развития органов юстиции и юрисдикции, единственным правом стало признаваться юридическое, легистское право (вне зависимости от того, создавалось ли оно органами власти или судом). Одна лишь концепция естественного права продолжала исходить из дуалистического понимания права и потому всегда оказывалась в оппозиции к официальной юстиции, юрисдикции и юриспруденции. Однако эта концепция одновременно всегда находилась и вне юриспруденции, вне догмы права, носила социально-философский характер. Идеалистическая и метафизическая основа любой разновидности идей естественного права была совершенно очевидна для основоположников марксизма. Однако к проблематике прав человека идеологи научного коммунизма относились с большим вниманием, а в необходимых случаях проводили четкое различие между социально обусловленным и юридическим правом. Это обстоятельство следовало бы иметь в виду тем советским теоретикам, которые считают термин «юридическое право» каким-то нововведением со стороны их нынешних коллег, якобы новым и порочным термином. Попытки опровергнуть возможность употребления термина «юридическое право» чаще всего сводятся к упоминанию того, что термин «ius» и означал когда-то право. Однако такой лингвистический экскурс не учитывает той исторической метаморфозы, которую претерпел этот термин.

Нельзя забывать и того, что исторически сложилось так, что к закону как основе права всегда обращались те, кто был заинтересован в сохранении данного строя, а в справедливости искали основу права те классы и их идеологи, которые выступали против существующих порядков, за их революционное изменение. Вполне понятно, что на страже упрочившегося строя стояли, в частности, органы юстиции, юрисдикция и догматическая юриспруденция.

Впрочем, нет причины и для того, чтобы преувеличивать догматизм всех юрисдикционных систем прошлого и настоящего. Не касаясь в данном случае причин и целей, можно, например, сказать, что практика Верховного суда США знает решения, которые обосновываются не ссылками на конституцию страны и даже не на прецедент, а на идеи равенства и справедливости, на концепцию естественного права, присваивая при этом полномочие Верховного суда США определять границы применения на практике этой концепции.²⁶ Впрочем, известно, что в Соединенных Штатах господствующее положение занимает социологическая юриспруденция, которую менее всего можно заподозрить в отождествлении права и закона. Это лишь раз подтверждает недопустимость спекулятивных обобщений и абсолютизации вышеприведенного положения о том, что юстиция и юрисдикция в состоянии защищать существующий

²⁶ Джинджер Э. Верховный суд и права человека в США. М., 1981.

строй, лишь признавая основой права законы государства. Уже отмечалось, что англо-американские правовые системы исходят из превалирования над статутным правом судебной практики, основы же последней могут быть различные. Одно лишь утверждение, что суд может определять границы использования идей естественного права исходя из конкретных условий, говорит о том, что действительная основа права для того же Верховного суда США — это прагматизм, нужды сегодняшнего дня.

Социологическая юриспруденция прагматического толка получает в XX в. широкое признание во многих буржуазных странах, в том числе и тех, где действует континентальная группа правовых систем. Вопрос о буржуазном юридическом позитивизме (догматической юриспруденции) и социологической юриспруденции изучен в советской науке достаточно хорошо, если не считать той путаницы методологического свойства, которую внесло употребление некоторыми учеными термина «социологический позитивизм».²⁷ Социологического позитивизма в природе нет и быть не может, ибо позитивистский и социологический подходы к праву глубоко различны. Заметим, что признание позитивного (юридического, законодательного) права собственно правом, само по себе не означает еще позицию философского позитивизма. Точно так же, как признание существования неюридических прав человека может исходить из разных мировоззренческих, философских позиций. Термин «позитивное право» и контовский философский позитивизм имеют между собой мало общего, да и вообще это совсем разные проблемы.

Догматической и социологической буржуазной юриспруденции противостоит марксистская юридическая наука, и в первую очередь общая теория права, развиваемая на основе диалектического и исторического материализма. Ядром этой общей теории является социально-философская проблематика права. Естественно, что в области практически-политической деятельности буржуазной юстиции противостоит социалистическая юстиция, буржуазному закону и суду — социалистическое законодательство и социалистическое правосудие.

²⁷ Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978, с. 102 и след.

ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК

§ 1. Законность и охрана прав граждан

Полная и беспрепятственная реализация права может иметь место тогда, когда законы государства верно отражают объективные закономерности общественного развития и когда в стране существует режим законности. Под последним надо понимать такие экономические и политические условия, такую нравственно-идеологическую атмосферу жизни общества, при которых соблюдение законов государства, неприкосновенность прав граждан и добросовестное исполнение обязанностей являются принципом деятельности всех государственных органов и негосударственных (общественных) организаций, поведения должностных лиц и граждан. Законность исторически возникла вместе с законодательством, порождена юридической формой производственных отношений, отражает необходимую связь между юридическими нормами и правоотношениями. Законность в качестве чисто юридического явления и требования власти соблюдать ее законы, обращенного к населению, свойственна любой нормально функционирующей правовой реальности каждой классовой общественно-экономической формации. Следовательно, речь может идти о типах законности соответственно историческим типам права и государства. И соответствующий тип законности обслуживает интересы определенных классов, а в конечном счете выражает объективные потребности господствующего производства и обмена в существовании правопорядка.

Однако в течение многих и многих столетий законность представляла собой спорадические призывы власти соблюдать законы, не затрагивавшие по сути дела ни господствующую элиту, ни сам государственный аппарат. Только особый общеклассовый интерес в урегулировании имущественных отношений и надстроенных над ними отношений приводил временно к распространению законности и на членов господствующих классов, частично на госаппарат. Это обстоятельство и то, что законы долгое время не представляли собой главенствующей формы выражения права, существенно сокращало сферу действия законности. Положение меняется в период становления капитализма. В силу потребностей буржуазного способа производства и формирования политического государства в его современном виде лозунг законности становится одним из политических требований, направленных против феодального произвола и беззакония, препятствовавших развитию новых отношений. Идея законности оказалась сопряженной с провозглашением прав и свобод граждан, с установлением формаль-

ного равенства всех граждан перед законом, с возвышением роли самого закона и представительных органов государственной власти буржуазии. Законность становится элементом политической демократии, приобретает характер политико-юридического феномена, формально распространяется не только на население, но и на государственный аппарат. В известном смысле можно утверждать, что законность как требование власти соблюдать законы превращается в требование народа исполнять законы и самими агентами власти, в требование связанности государственных органов действующим законодательством. На каком-то этапе это соответствует интересам не только масс, но и буржуазии.

Эпоха империализма характеризуется стремлением монополистического капитала к отказу от проведения в жизнь законности. Бюрократически-милитаристский государственный аппарат, сросшийся с военно-промышленными комплексами, все чаще прибегает к прямому насилию над прогрессивными силами, к массовым репрессиям, ставит под угрозу элементарные права и свободы граждан, творит произвол и беззаконие.

С возникновением социалистического государства и права возникает новый, социалистический тип законности. Развертывание социалистической демократии и упрочение законности, выражающей интересы самых широких масс трудящихся, являются закономерностью политико-правовой жизни общества. Последнее не означает, что в условиях революционного преобразования общества законность укрепляется сама собой. Опыт показывает, что упрочение правопорядка требует соответствующих усилий со стороны населения страны, общественных организаций и государства. При социализме законность надо рассматривать и как средство упрочения государственности, и как средство в руках народа против проявлений беззакония, произвола со стороны отдельных должностных лиц, как способ обеспечения незыблемости прав и свобод граждан, как орудие упрочения правопорядка, которого объективно требует социалистический способ производства. Право, законность и демократия при социализме неразрывны.

Связь демократии и законности прослеживается на всем протяжении истории классового общества. При этом становится очевидным, что вне демократии законность может существовать лишь как требование властей, не распространяемое на господствующую клику, в то время как помимо законности, обеспечивающей права граждан, демократическое устройство вообще невысказимо. Давняя и близкая нам история учит, что наступление реакционных сил обычно начинается с попрания закона и систематического нарушения провозглашенных прав и свобод трудящихся масс, с массовых репрессий против «инакомыслящих», выливаясь затем в прямое насилие и разнузданный произвол, атрофирующий действие любых демократических

институтов, отвергающий всякое подобие демократии, законности и правосудия. С другой стороны, именно в демократии и законности выражены требования, ограждающие в той или иной форме, в той или иной степени личность от произвола власти, массу людей от анархии личностей, общество в целом от насилия со стороны меньшинства.

Характеристика законности с ее классово-политической стороны не исключает исследования глубинной природы этого явления и специфического механизма его действия. Законность — разновидность правомерности (ее требования), вытекающей из общезначимости права, объективной необходимости правопорядка, государственной гарантированности масштаба свободы, соответствующего потребности нормального функционирования определенного способа производства. В законности концентрированно выражено свойство права противостоять произволу, упорядочивать общественные отношения, закреплять те формы собственности, которые соответствуют достигнутому уровню развития производительных сил общества.

Законность (как и правомерность в целом) опирается на весьма тонкий механизм регулирования, свойственный правовым отношениям, в которых обладающий правом субъект лично заинтересован в исполнении юридической обязанности другой стороной, в ее правомерном поведении (законной деятельности). Конечно, законность должна обеспечиваться государственным принуждением, но последнее осуществляется также людьми, выполняющими соответствующие обязанности, на реализации которых кто-то имеет право настаивать — в использовании этого права «кто-то» оказывается в конце концов лично заинтересованным. С другой стороны, государство не в состоянии поставить надсмотрщика около каждого обязанного лица. Таким образом, законность не может опираться только на принуждение (физического или психологического свойства). Ее истоки — интересы и потребности людей, а более конкретно — права субъектов конкретных правоотношений, использование которых в той или иной степени всегда зависит от исполнения другими участниками этих отношений юридических обязанностей.

Законность следует рассматривать, как и правомерность, в качестве массовидного образа деятельности. В качестве общественного явления она означает не просто реализацию требований закона в отдельных конкретных случаях. «Это — господство закона в общественной жизни, господство его, в частности, в отношениях между властью и личностью».¹ Подобное господство оказывается явлением типичным не в силу прямого насилия, а благодаря отмеченному механизму регулирования,

¹ Самощенко И. С. Охрана режима законности Советским государством. М., 1960, с. 14.

своёственному правоотношениям. Как господство права и правомерного поведения в общественных отношениях нельзя сводить к политическому фактору, так нельзя к нему сводить господство закона и законного (законсообразного) поведения. С другой стороны, мало объясняют специфику правового состояния и режима законности общие ссылки на интересы и потребности людей (социальных групп, классов). Последние всегда побуждают людей к той или иной деятельности, в том числе и вне юридической формы отношений. Отмеченный нами механизм, обусловленный социальными факторами и связанный с государством, обладает особой, юридической спецификой, столь важной для науки права и для практики упрочения правопорядка и законности.

Диалектика связи между законностью и правами субъекта такова: законность в качестве режима деятельности создает юридические условия обеспечения субъективных прав, а последние являются предпосылкой существования законности как массовидного общественного явления. Часто полагают, что принуждение со стороны государства является гарантией законности. В действительности государственное принуждение никогда не гарантирует законность. Напротив, законность оказывается гарантией правомерности применяемого принуждения. Законность гарантируется системой социальных и специально-юридических факторов. К числу последних надо отнести: 1) закрепление основ общественного и государственного строя, основных прав и обязанностей граждан в конституции; 2) соответствие текущего законодательства конституции страны, верховенство закона по отношению ко всем иным государственным актам; 3) независимость суда и его подчинение только закону, правосудие как высшая гарантия прав граждан и подзаконности административной деятельности; 4) прокурорский надзор за всеобщим соблюдением законов, единством их понимания и применения на всей территории страны; 5) безусловное право граждан на жалобу, в том числе и на судебную защиту своих важнейших конституционных прав и свобод, гласность рассмотрения таких жалоб; 6) развитая система законодательства, стабильность правоотношений, высокий уровень правосознания населения и правовой культуры работы государственного аппарата, юридическая информированность населения.

Если закон государства рассматривать как наиболее адекватную праву форму его выражения, то законность надо, помимо всего остального, считать наиболее адекватной формой упрочения правопорядка. Если закон означает официальное признание масштаба свободы, то законность есть требование соблюдения такого масштаба, а режим законности — состояние общественных отношений, при котором этот равный и относительно справедливый масштаб свободы может быть реально использован субъектами права. Наконец, если закон отражает,

в конечном итоге, правовую природу отношений собственности, то законность обеспечивает действительность, соответствующую с господствующей системой производственных отношений. С этих позиций законность в полном объеме может существовать только при демократических политических режимах, способных обеспечивать принятие законов, адекватных сущности права всех трех порядков. Соблюдение законов, санкционирующих произвол, не в состоянии обеспечить режим законности, наоборот, оно расшатывает законность и весь правопорядок. При незаконном режиме не может быть законных действий.² И объясняется это двумя взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, тем, что акты власти, санкционирующие произвол, не содержат юридических норм, которые отражают объективную необходимость (фактор объективного свойства). Во-вторых, потому что такого рода акты исключают широкое использование субъективных прав, которое влекло бы за собой требование значительного числа членов общества исполнять юридические обязанности — акты произвола полностью отчуждают законность от интересов населения (фактор субъективного порядка).

В нашей юридической литературе общепринято писать о том, что законность — средство укрепления власти и управления. Это верно. Законность в самом деле может быть тем и другим. Надо, однако, иметь в виду, что есть и другая сторона законности, проявляющаяся в демократически устроенном обществе. Законность — средство, при помощи которого граждане ограждаются от нарушения их прав и свобод, могут требовать исполнения юридических обязанностей от других граждан, учреждений, должностных лиц. Законность призвана обеспечить безопасность личности, оградить общество от асоциальных проявлений. Защищая свои права, личность охраняет не только собственный интерес, но и выполняет свой гражданский долг перед обществом, защищает закон, отстаивает правопорядок. Конечно, при этом важно, какие права и как отстаиваются, какой закон защищается, но в принципе защита своего законного права имеет общественное значение. Вот почему в условиях становления власти трудящихся, острых классовых битв и ломки старых порядков, появления новых отношений В. И. Ленин считал возможным говорить о том, что надо научить граждан твердо знать свои права и сознательно бороться за них, научить граждан *«воевать за свое право по всем правилам законной в РСФСР войны за права»*.³ Еще до революции В. И. Ленин требовал также, чтобы конституционный закон обеспечивал *«предоставление каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом без жалобы по начальству»*.⁴

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 14—15.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 149.

⁴ Там же, т. 6, с. 206.

Что касается трактовки связи между законностью и государственной властью, то она все же не сводится к использованию законности только в качестве средства давления на население, или для упрочения взаимодействия между государственными органами и усиления действенности администрации. В определенном смысле, последовательно проводимая в жизнь законность является требованием, связывающим деятельность государственного аппарата рамками закона.

§ 2. Правопорядок и правовое государство

Законность воплощается в правопорядке, официальным выражением которого является государство. Связь между правопорядком и государством не тождественна ни взаимодействию юридического закона и власти, ни связи законности и государственного принуждения. Объясняется это целым рядом обстоятельств. Юридический закон — одна из форм выражения объективного права, представляющая собой результат нормотворческой деятельности высших представительных органов государственной власти. И как бы ни была эта деятельность детерминированна социальными факторами, как бы ни трактовалась с позиции воли в ее теоретической энергии (гл. 3, § 1), тем не менее государство непосредственно устанавливает законы и обеспечивает их общеобязательность. Иное дело, что эти законы, в свою очередь, способны влиять на все области государственной жизни, закрепляя основные направления и цели политики господствующих классов, отражая и как бы результируя соотношение сил в классовой борьбе; предусматривая порядок формирования и компетенцию государственных органов; их иерархическую структуру и соподчиненность, взаимоотношения с населением страны; официально признавая соответствующий правовой статус гражданина, принадлежащие ему права и свободы, формулируя важнейшие принципы и основы государственного строя, всей политической системы. Законность, как отмечалось, в состоянии связывать государственный аппарат и его должностных лиц требованием строгого соблюдения законов — в тех случаях, когда оказывается политико-юридическим принципом деятельности всей системы государственных органов. Законность обеспечивает нормативно-правовые рамки применяемого государством принуждения.

Воспринимаемая в качестве особого режима, законность в состоянии при известных условиях выражать господство закона в общественных отношениях, следовательно, и во всех связанных с государством политических отношениях. Однако в данном случае господство закона надо понимать лишь в том смысле, что отношения должны складываться законосообразно, что поведение их субъектов учитывает требования законодательства, что неисполнение юридических обязанностей непре-

менно влечет за собой предусмотренную законом ответственность. Как было уже выяснено, юридический закон не может рассматриваться в качестве источника фактических отношений (за исключением процессуальных), но он предназначен для их упорядочения, урегулирования соответственно объективным потребностям господствующего способа производства.

В ином виде обрисовывается связь между правопорядком и государством. Правопорядок — это результат действия права при режиме законности. Правопорядок — составная часть общественного порядка, т. е. порядка фактических отношений общественного характера. Если нормы закона предназначены для упорядочения общественных отношений, а режим законности создает для этого определенные благоприятные условия, то правопорядок — особое состояние фактически существующих отношений, опосредованных правом или, точнее, существующих как правовые общественные отношения. Иначе говоря, правопорядок представляет собой совокупность функционирующих правоотношений, содержанием которых является деятельность их участников, обладающих взаимными правами и обязанностями.

Если правопорядок — особое (правовое) состояние общественных отношений и потому оказывается ничем иным, как всей совокупностью правоотношений, то причастность к нему закона и законности надо рассматривать лишь как одну из возможностей, хотя и наиболее адекватную праву, его общезначимости и общеобязательности. Правопорядок образуется из правоотношений, которые моделированы не только нормами законов, но также нормами, содержащимися в подзаконных актах органов управления, нормами прецедентного и обычного права, нормативными договорами и т. п. Наконец, правопорядок включает (может включать) конкретные правоотношения, получившие охрану (признание) государства, его органов в казуальном порядке еще до того, как сформировалась в том или ином виде общая юридическая норма. Верно выражающее общественные процессы и социальные ситуации законодательство и режим законности в наилучшей степени гарантируют стабильность и незыблемость правопорядка, находящегося под защитой организованного принуждения, осуществляемого господствующими классами при помощи государства. Однако нельзя упускать того, что (1) юридические нормы являются идеологизированной стороной права, в то время как конкретные правоотношения — социальным бытием права, более богатым и содержательным; (2) законность является только компонентом правомерного режима, покоящегося с юридической точки зрения на реальном использовании прав субъектов правоотношений, предполагающем исполнение юридических обязанностей; (3) среди правоотношений надо выделять такие, которые непосредственно порождаются отношениями производства и обмена, вне

зависимости от того, закреплены ли они общими нормами или еще не получили такого закрепления в абстрактной форме. Эти первичные правоотношения порождены сферой материальной жизни общества, оказываются в генетическом плане ничем иным, как отношениями собственности, взятыми в виде юридического выражения производственных отношений.

Из отмеченного следует, что правопорядок обладает большей степенью обусловленности фактическими отношениями и фактически сложившимися нормами массового поведения людей (деятельности их организаций), нежели законодательство и законность, непосредственно выражающими правовую политику государства. Более того, закон и законность представляют собой область долженствования, реальную правовую возможность, в то время как правопорядок — область существующего поведения, реализованной возможности — того, что есть, а не того, что может или должно быть. К этому добавим, что широко известное положение о политике как концентрированном выражении экономики относится к понятию политики в широком смысле слова — к отношениям между классами. В более узком смысле под политикой понимают то, что связано с деятельностью государства, в том числе и его собственную политику. Политика государства предопределяется в общем и целом отношениями между классами (политикой в широком смысле слова), но испытывает на себе относительную самостоятельность государства как особого аппарата принуждения и управления (гл. 1, § 2), влияние межпартийной и внутрипартийной борьбы, идеологии, политических традиций, неформальных отношений лидерства, организационных структур и т. п. Эти и многие другие факторы субъективного порядка существенно отражаются на относительно динамичном режиме законности, в то время как фактически сложившийся в стране правопорядок обладает большей степенью устойчивости к внешнему влиянию, поскольку его костяк — первичные правоотношения — жестко детерминирован характером производственных отношений.

Меры властей по совершенствованию законодательства и укреплению законности оказываются соответствующими объективной функции правопорядка и воздействуют на него положительно. Отказ властей от принципа законности в условиях антидемократических режимов осуществим относительно просто, но лишь до тех пор, пока это не разрушает правопорядок, действующий в экономике страны, что неизбежно влечет сбой в области хозяйства и вносит произвол из сферы политических отношений в имущественные, в отношения собственности и обмена, в сам базис государства. Последнее затрагивает материальные интересы огромной массы населения, в том числе господствующего класса (за исключением его элиты). Тем временем, вопреки государственному нигилизму к праву, разрушающаяся

юридическая форма материальных отношений спонтанно воссоздается отношениями производства и обмена, вновь подвергается эрозии, и так до тех пор, пока либо власть меняет отношение к законности, либо корректируется весь существующий строй, меняется тип государства и права.

Процесс деструкции правопорядка может идти и снизу. Когда рост производительных сил приводит к ломке устаревших производственных отношений и появлению новых отношений собственности в недрах прежнего строя, то последние образуют новый тип первичных правоотношений, которые находятся в антагонизме с тем правопорядком, который продолжает поддерживаться архаичным законодательством и связанной с ним старой законностью. Под напором прогрессивных элементов будущего правопорядка официально признанный порядок отношений расшатывается, разлагается отжившая свой век законность, падает значение безнадежно отставшего законодательства, а связанная с ним правовая политика государства испытывает глубоко кризисное состояние. Иной процесс расшатывания правопорядка снизу может иметь место тогда, когда государственная власть декретирует введение таких отношений, которые обгоняют рост производства настолько, что, вопреки законам государства и требованию властей их соблюдать, не имеют под собой материальной почвы. Новый, искусственно навязанный правопорядок, основываясь на государственном принуждении, каким-то образом действует в политических отношениях, но постоянно наталкивается на правоотношения, соответствующие реальной ступени развития отношений производства, распределения и обмена. Такой искусственный правопорядок нестабилен, подрывается стихийно воспроизводимым правопорядком, согласован только с законом и потому с экономической точки зрения вреден, постоянно деструктируется, отрицательно влияет на состояние законности.

Хотя причины, подрывающие правопорядок «снизу» и «сверху», различны (отставание отношений собственности от уровня производительных сил — в первом случае, отставание производства от навязанных новых отношений собственности — во втором случае), обе ситуации достаточно убедительно показывают, что политика государства, законодательство и законы беспомощны, когда противоположны экономическому движению и сопутствующему ему порядку правовых отношений.

В целом же все три варианта противоречий между государством и объективно обусловленным правопорядком в экономической области говорят о том, что власть, нарушая законы, адекватные производственным отношениям по политическим соображениям, ничего не достигает так же, как она не может достичь своих целей тогда, когда опирается на законы, законность, отставшие или перегнавшие экономическую структуру, фактически расходящиеся с первичными правоотношениями.

Материально детерминированный правопорядок сильнее, чем волонтаристская, произвольная политика государства.⁵

Выше шла речь о противоречии между правопорядком и государством в его экстремальном выражении, доходящем до антагонизма. Однако нормальный процесс жизнедеятельности общества предполагает отсутствие противоречия или по крайней мере безболезненное устранение возникающего между ними неантагонистического противоречия.

Соответствие между правопорядком и государством достигается тогда, когда первый составляет правовую основу деятельности всех без исключения государственных органов. Прочность этой правовой основы государства обеспечивается такими, в частности, юридическими факторами, как развитое законодательство, последовательно проводимая в жизнь законность, авторитетное правосудие, высокий уровень правосознания и правовой культуры должностных лиц, их неременная ответственность по закону за малейшее виновное правонарушение и право каждого гражданина преследовать перед судом любого чиновника без жалобы по начальству.

Связанность деятельности госаппарата законом, стабильная правовая основа государственной жизни — отличают правовое государство от иных государств, в которых право не занимает должного места в организации и осуществлении политической власти. Идея правового государства возникла довольно давно. Развивалась она в теории с философских или узкоюридических, позитивистских позиций, отстаивала законность на путях явной абсолютизации закона, пренебрегая принципом материальной обусловленности правовых и политических отношений. Поскольку эта идея противопоставлялась этатистским концепциям государства, ее классовый смысл носил либерально-демократический характер, не выходя за рамки буржуазного юридического мировоззрения. Несмотря на то, что идея правового государства в ряде случаев закреплена в конституциях, своего полного практического воплощения она при капитализме не находит. Каждый раз, когда господству капитала грозит обострившаяся классовая борьба, власть отбрасывает не только эту идею, но и более элементарный принцип буржуазной законности.

Тем не менее в условиях общедемократических завоеваний прогрессивных сил и их борьбы против реакции, тоталитаризма, империалистической политики внутри буржуазных стран и на международной арене идея правового государства способна играть положительную роль, по крайней мере в идеологическом плане, поддерживая выступления в защиту прав человека и гражданина, законности и правопорядка. Нельзя за-

⁵ Деформация правопорядка в экономике влечет негативные явления и в иных сферах общественной жизни.

бывать, что на закате капиталистической формации гарантом законности и демократии оказывается не столько государство, сколько население страны и широкое, активное общественное мнение. Еще в первой четверти XX в. В. И. Ленин писал, что эпоха величайших революционных битв против капитала по форме началась со стремления правящих классов избавиться от ими же созданной буржуазной законности.⁶ Пожалуй, можно сказать, что безграничный произвол, гибель миллионов людей в концентрационных лагерях, развязанная фашистскими государствами вторая мировая война заставили многих идеологов буржуазного строя пересмотреть некоторые свои позиции, в частности отказаться от скептического отношения к закону и к идее правового государства, развиваемой с относительно демократических позиций, а с другой стороны, признать беспомощность юридического позитивизма в решении вопроса о соотношении права и государства, о социальных источниках законодательства и значении реализации юридических установлений в жизни общества. Во всяком случае правовой нигилизм перестал быть «модой» на Западе, к падению роли права и возвышению управленческой элиты стали относиться с вполне реалистичным опасением. С другой стороны, исчезла навсегда иллюзия всеислия закона, окончательно дискредитированным оказалось буржуазное юридическое мировоззрение. Отвергая буржуазное понимание правового государства, есть основание считать (или полагать), что сама по себе проблема правового государства выдвинута жизнью, может быть теоретически разработана при правильном понимании взаимосвязи между правом, экономикой и политикой, а практически реализована лишь в условиях социализма и всенародной демократии. Видимо, отправным пунктом решения этой насущной проблемы современности надо считать тезис о том, что социалистическое государство по самой своей сути может быть лишь государством неуклонной законности и подлинной демократии.⁷

Правовое государство социализма имеет свои особо благоприятные исторические, социально-классовые предпосылки. Первая из них: общество, не знающее частной собственности и борьбы между антагонистическими классами. Вторая — общество, которому имманентно свойственна демократия. Наконец, третья — общество, в котором сохранение права обуславливает необходимость в государстве. То, что социализм исключает господство частной собственности, эксплуатацию человека человеком и имущие классы, противостоящие трудящимся, доказано не только теоретически, но и практическим опытом XX века. Связь социализма и демократии всегда подчеркива-

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 16.

⁷ Самошенко И. С. Ленинское учение о демократии и законности. — Советское государство и право, 1971, № 4.

лась В. И. Лениным. Он писал, что к социализму нет иной дороги, помимо политической демократии,⁸ что социализм невозможен без демократии.⁹ В том же социалистическом обществе, с точки зрения его внутреннего, и прежде всего экономического развития, создаются условия, при которых сохранение государства не связано с господством одного класса над другим, а диктуется необходимостью охраны материально обусловленного права, играющего роль регулятора меры труда и потребления.¹⁰ В. И. Ленин отмечал, что на первой фазе коммунизма право «остаётся в качестве регулятора (определи-теля) распределения продуктов и распределения труда между членами общества»;¹¹ поскольку остаётся право «постольку остаётся ещё необходимость в государстве».¹²

Следует сказать, что понятие и термин «правовое государство» отражают лишь одну из сторон социалистического государства, не охватывая иные грани, свойства и черты такого сложного политического феномена, как государство. Имея в виду лишь постановку вопроса, а не его всестороннее научное обоснование, автор книги попытался показать, что существующая связь между правом и государством, а также между законностью и демократией, правовыми отношениями и правопорядком синтезируется при особо благоприятных условиях в то, что можно считать правовым государством, т. е. государством, обладающим прочной правовой основой для своей деятельности.

Государство — это политическая организация власти, и поэтому, естественно, оно смыкается со своей политической основой. Однако государство не замыкается политической системой и политическими отношениями, его действительное существование не может восприниматься как самодовлеющее бытие, подчиняющее себе тотально все общественные отношения, всю жизнедеятельность общества и его членов. Государство порождено классовым обществом, развивается соответственно закономерной истории общества, так или иначе опирается на него и в той или иной степени обслуживает. Когда общество перестанет объективно нуждаться в государстве, то наступит время его (государства) отмирания. Это означает, что государство, его политическая деятельность имеют экономическую, социальную, нравственную и правовую основу, а не только свою собственную политическую основу. С материалистических позиций ясно, что государство не в состоянии полностью оторваться от экономики страны, которая в конечном счете детерминирует его

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 16.

⁹ См. там же, т. 30, с. 128.

¹⁰ Подр. см.: Явич Л. С. Право развитого социалистического общества. М., 1978, гл. 2.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 94.

¹² Там же, с. 95.

классовую сущность и политику. Государство обусловлено и социально-классовой структурой общества, непосредственно влияющей на его политическую основу. Жизненная сила государства, моральный авторитет власти, поддержка государственной политики общественным мнением во многом зависят от нравственной основы политической системы. В данном случае главное внимание уделяется вопросу о правовой основе государства, которую, по нашему мнению, составляет правопорядок с включенными в него правовыми отношениями разного уровня. Прочность и незыблемость этой основы позволяют говорить о том, что перед нами правовое государство, которым, очевидно, как сказано ранее, может быть в полном смысле только государство в условиях социализма и свойственной ему демократии.

По поводу того, что образует правовую основу государственной жизни общества в нашей юридической литературе, высказаны различные суждения.¹³ Чаще всего считают, что ее составляет законодательство, юридические нормы. Надо полагать, что такое мнение далеко не бесспорно. Законодательство, законность, отправление правосудия, прокурорский надзор — это средства обеспечения правопорядка и тем самым укрепления правовой основы государственной и общественной жизни в стране. В самом деле, можно ли считать законы правовой основой государства, если оно само их устанавливает и применяет? Иное дело правопорядок, воплощающий в себе объективированный в деятельности людей и в правоотношениях результат урегулированности фактических отношений, который зависит не только от государства и имеет относительно самостоятельное значение, потому что коренится в господствующих отношениях производства и обмена, составляющих экономический базис и права, и государства. С правопорядком как правовой основой власть не может обращаться по своему усмотрению, произвольно — в этом и состоит суть вопроса. Считаюсь с правовой основой, государство осуществляет свои функции эффективно, успешно используя при этом законодательство и другие правовые средства. Не считаюсь, — государство лишает себя возможности действительно управлять обществом на основе права; отступает от закона и законности, чем еще больше усугубляет произвол, расшатывает объективно необходимый порядок и урегулированность общественных отношений. Это сказывается самым неблагоприятным образом и на прочности иных основ государства.

«Право — категория по необходимости социально адекват-

¹³ См., напр.: Васильев А. М. Укрепление правовой основы государственной и общественной жизни зрелого социализма и развитие теории государства и права. — Задачи дальнейшего развития юридической науки. Тезисы докладов. М., 1978, с. 18—20.

ная. Это закономерность его существования».¹⁴ Тем более по необходимости социально адекватны правовые отношения, образующие правопорядок,— правовую основу государства. Устанавливая и применяя законы, проводя их в жизнь, надлежит иметь в виду объективную закономерность такой адекватности права, правовых отношений и правопорядка.

Правовым будет государство, имеющее прочную социально адекватную правовую основу, из этой основы оно исходит в своей политике и эту основу обеспечивает всеми доступными демократическими, законосообразными, нравственно приемлемыми средствами. Можно утверждать, что подобное государство представляет собой с исторической точки зрения не только общечеловеческий идеал, но и результат завершающего пути развития государственной организации общества на этапе, когда создаются реальные предпосылки постепенного преобразования политической власти в общественное коммунистическое самоуправление. Возникнув в далеком прошлом из потребности охраны права эксплуататорского меньшинства населения каждой страны, представляя собой в течение трех антагонистических обществ орудие поддержания господства этого меньшинства над огромным большинством населения, над трудящимися массами, государство переходит в результате социалистической революции в руки пролетариата и всех трудовых слоев, в руки народа и превращается, наконец, в полномочие трудящихся, выражающих свою единую волю в законах, соответствующих общественному развитию и определяющих деятельность всех государственных органов. Превращается в государство, охраняющее право трудового народа, его право на достойную человека жизнедеятельность, в действительно правовое государство. Когда полноценные и широкие права людей не будут нуждаться в охране организованным принуждением, когда право народов мира на нормальные условия существования не будет требовать особой защиты со стороны особого аппарата насилия, историческая миссия государства окажется выполненной, и оно исчезнет с той же необходимостью, с какой возникло.

§ 3. Правонарушение и восстановление правопорядка

В такой же степени, как право нельзя сводить к закону, покоящемуся на произвольной установке государственной власти, правонарушаемость (прежде всего преступность) в качестве особого явления также не возникает из чистого произвола и не может рассматриваться только лишь как нарушение закона. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что «подобно праву и пре-

¹⁴ Васильев А. М. Право развитого социализма: вопросы развития и функционирования.— В кн.: XXVI съезд КПСС и задачи дальнейшего развития юридической науки. Тезисы докладов. М., 1981, с. 17.

ступление, т. е. борьба изолированного индивида против господствующих отношений, также не возникает из чистого произвола. Наоборот, оно коренится в тех же условиях, что и существующее господство».¹⁵ Строго говоря, сама необходимость в охраняемом государством праве, т. е. в юридическом праве, предопределяется тем, что господствующие, и прежде всего производственные, отношения при известных исторических условиях находятся в постоянной опасности быть нарушенными систематическими асоциальными проявлениями, эксцессами. Если отношения собственности и обмена имеют «правовую природу» по самому своему существу, то в классовом обществе этой их природе адекватны правовые отношения, представляющие собой юридический феномен, обеспеченный охраной государства. Преобразование общесоциального права в юридическое происходит потому и в той мере, в какой классово-антагонистические отношения порождают непримиримое противоречие между общественными и личными интересами, на фоне которых развивается массовидный образ поведения, представляющий собой анархичную борьбу индивида, произвол, грозящий условиям существования общества как такового, вне зависимости от конкретного строя. Асоциальную природу правонарушаемости (особенно преступности) надо понимать как то, что порождено обществом, данными условиями его существования, а не самим по себе законом.

Поскольку в сохранении данных отношений оказываются заинтересованными прежде всего господствующие классы, постольку соответствующий их интересам строй и находящееся в их руках государство оказываются воплощением объективно необходимого правопорядка, нарушение которого несет черты антиобщественного деяния. Наличие противоречия между личным (частным) и общим (публичным) интересами приводит к тому, что последний «в виде *государства*, принимает самостоятельную форму... форму иллюзорной общности».¹⁶ Это приводит к тому, что его законы могут наказывать не только асоциальное поведение, могут не только «наказывать за преступления, но и выдумывать их».¹⁷ В этом же, очевидно, плане основоположники марксизма часто проводили различие между юридическими и политическими преступлениями,¹⁸ оттеняя тот факт, что только по поводу первых можно с достаточным основанием говорить о противоправности и асоциальности, в то время как противозаконность вторых может быть сомнительна и во всяком случае чаще не совпадает с асоциальностью.

В целом же марксисты считают, что противоправность (противозаконность) деяния представляет собой юридическое выра-

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 323.

¹⁶ Там же, с. 32.

¹⁷ Там же, т. 13, с. 516.

¹⁸ См. там же, т. 3, с. 331, 332, 333.

жение (более или менее точное) общественной опасности или вредности поступка, во всяком случае опасности и вредности для данного строя и его правопорядка. Если правонарушаемость порождена данными отношениями господства, то единственный путь ее реального устранения лежит в изменении этих отношений. Остальные средства, в том числе юридические, могут лишь в известной степени ее умерить, частично предотвратить, так или иначе обезопасить от нее общество.

К. Маркс писал: «Не следует ли серьезно подумать об изменении системы, которая порождает... преступления, вместо того чтобы прославлять палача, который казнит известное число преступников лишь для того, чтобы дать место новым?». ¹⁹ В. И. Ленин отмечал, что «в борьбе с преступлением неизмеримо большее значение, чем применение отдельных наказаний, имеет изменение общественных и политических учреждений». ²⁰ И создавая коммунизм, общество уничтожает антагонизм между отдельным человеком и всеми остальными, противопоставляет социальной войне мир, подрубает «самый корень преступления». ²¹ Пока человечество не придет к такому строю общественных отношений, право оказывается серьезнейшим средством социального контроля над отклоняющимся поведением. Специфика этого вида контроля состоит в том, что юридические нормы четко определяют состав, стороны правонарушения, за которое заранее предусматривается вид юридической ответственности.

Однако было бы неправильно подходить к проблеме правонарушений и юридической ответственности только с общесоциальных и классово-политических позиций, т. е. с внешней по отношению к собственно праву и иным юридическим явлениям стороны. Конечно, нет сомнений, что социальна природа не только правонарушения, но также юридической ответственности (разновидности социальной ретроспективной ответственности) и наказания. Последнее К. Маркс рассматривал как «средство самозащиты общества против нарушений условий его существования». ²² В уголовном наказании с особой силой всегда проявлялась классовая направленность законодательства и суда. Так было, так оно есть и теперь, в современном мире. Более того, под покровом закона и правосудия правящие клики достаточно часто творили противозаконную расправу над негодными им лицами, осуществляли и массовые репрессии против инакомыслящих. Никто не может забыть звона кандалов, костров инквизиции, концентрационных лагерей. «Наказание,— писал К. Маркс,— как правило, оправдывалось как средство

¹⁹ Там же, т. 8, с. 532.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 408.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 537.

²² Там же, т. 8, с. 531.

либо исправления, либо устрашения. Но какое право вы имеете наказывать меня для того, чтобы исправлять или устрашать других? И вдобавок еще история и такая наука как статистика с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устроить наказанием».²³ На что же в действительности имеет право общество? К. Маркс, как видим, отвечает — на самозащиту против нарушений условий его существования. Как действует это право на «самозащиту», каков его юридический механизм и следует выяснить.

Важно выяснить и то, насколько этот механизм в состоянии противостоять субъективистским устремлениям превратить защиту публичного интереса в произвол, подрывающий объективно требуемый правопорядок. Право опосредует важнейшие отношения классового общества. В силу этого посягательство на условия его существования, иные опасные и вредные для общества деяния означают противоправную деятельность. Однако одной противоправности недостаточно, чтобы нарушитель был привлечен к юридической ответственности и наказан. Правопорядок может быть нарушен в условиях необходимой обороны или крайней необходимости, в силу случайного стечения обстоятельств, которые не мог и не должен был предвидеть субъект. Нарушение может быть допущено малолетним или душевнобольным человеком. Наконец, формальное нарушение закона может быть столь малозначительным, что нет основания считать наличным асоциальный поступок, требующий применения соответствующей санкции юридической нормы. За исключением случаев последнего рода, перед нами нарушение правопорядка, исключающее наличие вины. Последняя представляет собой важнейший компонент субъективной стороны состава правонарушения. Отсутствие вины исключает юридическую ответственность, поскольку тут нет упречного поведения. Наказан может быть лишь тот, кто виноват. Объективное вменение вины недопустимо.

Противоправность и вина достаточно четко отличают основание юридической ответственности от иных видов ретроспективной социальной ответственности. Так, вполне очевидно, что для политической ответственности наличие личной вины за неблагоприятные последствия принятого решения и действия не обязательно, в то время как моральная ответственность целиком строится на вине лица, пренебрегшего нравственными принципами, вне зависимости от последствий подобного поступка (хотя вредность таких последствий сказывается на степени ответственности в том и другом случае, как и характер виновности, если она есть при политической ответственности). Если вина представляет одну из неперменных предпосылок юриди-

²³ Там же, с. 530.

ческой ответственности, то следует со всей определенностью отнести к последней слова Ф. Энгельса о том, что «человек только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной свободой воли».²⁴ Материалистический детерминизм, и в частности признание социальной природы преступности, ни в какой мере не исключают свободы выбора того или иного варианта поведения в большинстве жизненных ситуаций, не исключают ни свободы воли, ни ответственности за свои действия. Но материалистический детерминизм позволяет определить степень свободы выбора, вскрыть причины того или иного асоциального поступка, верно определить меру ответственности, а не сваливать что угодно на свободную волю²⁵ или, напротив, оправдывать любое действие фатальной необходимостью.

Тут же приходится попутно заметить явную неосновательность взглядов, согласно которым корни преступности следует искать в антропологических и биологических особенностях людей, в их психологическом складе и в наследственности.²⁶ Невозможно отрицать влияние некоторых из этих факторов (например, психологического) на поступки людей, в том числе и на преступное поведение, но причины асоциальности лежат в общественной среде, хотя за конкретное правонарушение отвечает конкретное лицо, имеющее свободу выбора и ответственное за сделанный выбор. Собственно говоря, при фатальной необходимости человеческих поступков бессмыслен был бы любой вид социальной ответственности, да и невозможно было бы любое, в том числе и правовое, регулирование общественных отношений.

С принципиальной точки зрения единство объективной и субъективной сторон правонарушения позволяет не только учесть общую характеристику соответствующих деяний как противоправных, но и решать в каждом конкретном случае: в какой степени внешняя противоправность поступка и его вредность (опасность) для общества (и господствующих классов) выражают отношение нарушителя к обществу и господствующим отношениям, его отрицательное или безразличное отношение к общим интересам, а потому и его личную вину и ответственность. Представляется, что это единство сторон правонарушения, которое по закону должно непременно учитываться при отправлении правосудия, в оптимальной степени юридически гарантирует социальную защиту от проявления произвола тех, кто ее осуществляет от имени общества и государства. Этому же служит и то, что наказание, его рамки пред-

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 82.

²⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

²⁶ Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика. Поведение. Ответственность. М., 1982.

определены санкцией нарушенной нормы; применяемое принуждение к претерпеванию неблагоприятных последствий правонарушения, как и характер этих последствий упречного и осужденного деяния, не зависят от произвола агента власти. Во всяком случае таковым должно быть наказание в условиях действия режима законности.

Юридическую ответственность надлежит интерпретировать в качестве особого вида правоотношений охранительного характера, в которых одна из сторон (суд) имеет право наказать преступление (проступок), а другая сторона (правонарушитель) обязана претерпеть наказание. Одновременно первая из сторон обязана наказать в рамках закона, вторая — имеет право требовать, чтобы наказание было обоснованным, законным, справедливым. Строго говоря, такого рода правоотношение складывается между государством, от имени которого действуют компетентные органы, и правонарушителем. И возникает оно из самого факта нарушения правопорядка, представляет собой реализацию норм материального права, но дополнительно облекается еще и процессуальными правоотношениями. Охранительные правоотношения восстанавливают нарушенный правопорядок, ибо последний существует тогда, когда соблюдаются нормы права и когда виновные в их несоблюдении несут соответствующую ответственность.

Юридическую ответственность можно, следовательно, рассматривать как долг правонарушителя подвергнуться принудительной санкции закона за неисполнение им вытекающей из диспозиции нормы закона обязанности совершить какие-то действия или воздержаться от иных поступков. В этом плане юридическая ответственность — это государственное принуждение к исполнению вытекающих из закона обязанностей, принуждение к законосообразному поведению. Связь ответственности и законности широко известна.²⁷

Однако юридическую ответственность можно рассматривать и в несколько ином аспекте. Дело в том, что ответственность по закону лишь одна, хотя и особо важная форма юридической ответственности. Последняя может иметь место и тогда, когда нарушена та сфера правопорядка, которая представляет собой правоотношения, образовавшиеся до обобщивших их норм права, а также правоотношения, в которых реализуется прецедентное, обычное или договорное право. В первом случае субъективное право закреплено какими-то индивидуальными актами, но оно официально признано, и за его нарушение следует ответственность. Надо сказать, что тут, строго говоря, еще не завершена полностью процесс правообразования, и по сути имеет место ответственность за неисполнение чаще всего акта

²⁷ Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976.

правосудия и защищенного государством интереса. Во втором случае ответственность связана с нарушением правовых норм, которые уже сформировались (с нарушением объективного права) и выражены не в законодательстве, а в иных источниках права. Подобную ответственность тоже нельзя назвать ответственностью по закону. Противоправность, влекущая ответственность, адекватна противозаконности только тогда, когда имеет место ответственность по закону.

Юридическая ответственность имеет своим основанием не только виновное противозаконное асоциальное деяние деликтоспособного субъекта, но и любое виновное асоциальное деяние деликтоспособного субъекта, нарушающее юридическое право, так или иначе выраженное и закрепленное государственными актами (судебной практикой, правовыми обычаями, нормативно-правовыми договорами и т. п.). Тем не менее надо сказать, что только совпадение противоправности и противозаконности оказывается юридической гарантией того, что «самозащиту» общества не используют власти в своих субъективных, произвольных целях, да и то лишь тогда, когда закон адекватен праву.

Правопорядок динамичен не только потому, что развиваются и изменяются выражаемые им общественные отношения, но еще и потому, что его границы зависят от соотношения правомерного состояния отношений и неправомерного массовидного поведения. Предупреждение правонарушений и их своевременное пресечение расширяют область правопорядка, предупреждают его срывы, восстанавливают образуемые асоциальными ситуациями прорывы, заполняя их в том числе и законосообразными правоохранительными отношениями.

Соответствующее объективным потребностям развития общества законодательство представляет наиболее совершенную форму выражения права не только потому, что законы с наибольшей определенностью закрепляют права субъектов общественных отношений и их юридические обязанности, но еще и потому, что предполагают более определенную юридическую ответственность и наказание как средство «самозащиты» общества, диктуемое социальной необходимостью.

Столь большое значение закона и законности в поддержании правопорядка имеет место, повторяем, тогда, когда законодательство предусматривает юридическую ответственность и наказание только за такие деяния, которые являются действительно неправомерными и представляют собой реальные акты произвола, опасные или вредные для общества, господствующих в нем отношений; когда вид, характер, тяжесть наказания, требуемого законодательством и применяемого компетентными органами, соответствуют степени асоциальности содеянного и виновности привлеченного к ответственности.

Наиболее благоприятные предпосылки для существования юридической ответственности и наказания, адекватных объективной социальной необходимости и потому реально восстанавливающих правопорядок (детерминированный потребностями нормального функционирования способа материального производства как главного условия сохранения общества), складываются при социализме. Только строй социализма в состоянии обеспечить положение, при котором «самозащита» общества против нарушений условий его существования может найти свое не искаженное выражение в юридической ответственности, не искаженное узкоклассовыми и социально-групповыми интересами господствующего меньшинства, подчиняющего себе законодательную, исполнительную и судебную власть в государстве. Этот же строй по мере своего постепенного перерастания в высшую фазу коммунизма формирует и решающие предпосылки для будущего исчезновения самих причин, вызывающих преступность (иную правонарушаемость).

До сих пор мы намеренно не акцентировали внимание на том, что в общей теории речь идет о понятии правонарушения, которое на деле охватывает два вида нарушений, существенно отличных друг от друга: преступления и проступки. Судя по контексту высказывания К. Маркса, следует, что раскрытая им сущность наказания как средства самозащиты общества «против нарушений условий его существования, каковы бы ни были эти условия»,²⁸ относится к уголовной ответственности за общеуголовные преступления, социальная природа которых часто подвергалась сомнению и так или иначе связывалась многими буржуазными криминологами с ущербностью естественной природы людей. К. Маркс выступает против смертной казни, против оправдания наказания преступника с целью устрашения или исправления других людей, превращающего его в простой объект, в раба юстиции, не признающей достоинства человека, не усматривающей в преступнике самоопределяющееся существо. Он обращает внимание на то, что в его время существовала с точки зрения абстрактного права лишь одна теория, которая, хотя и в абстрактной форме, признавала достоинство человека — теория Канта, особенно в более строгой формулировке, которую ей придал Гегель. Однако и тут человек, нарушивший право, рассматривается в абстракции «свободной воли», благодаря чему «такая теория, рассматривающая наказание как результат собственной воли преступника, является лишь спекулятивным выражением древнего „jus talionis“ — око за око, зуб за зуб, кровь за кровь».²⁹ И далее сразу же К. Маркс дает свое понимание наказания как средства самозащиты об-

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8; с. 531.

²⁹ Там же.

щества против нарушений условий его существования, каковы бы ни были эти условия.

Из этого с несомненностью вытекает, что преступления он рассматривает как нарушения условий существования общества. Что же представляют собой иные правонарушения, именуемые проступками? Не порождены ли они самим законом, а если нет, то какого рода асоциальные проявления необходимо оказываются по своему характеру юридическими проступками, влекущими административную, дисциплинарную или гражданско-правовую ответственность? Да и все ли без исключения нарушения условий существования общества оказываются преступлениями, за которыми следует уголовное наказание?

Само собой разумеется, что грань между преступлением и проступком подвижна, как подвижна и грань между правонарушениями и иными асоциальными поступками, за совершение которых лица не привлекаются государством к юридической ответственности. Подвижны эти грани и потому, что меняются сами общественные отношения и характер асоциальных проявлений, и потому, что государство все же обладает долей относительной самостоятельности в решении вопроса о том, какие отношения оно берет под свою защиту и какими юридическими методами оно их защищает. Тем не менее есть, очевидно, какая-то во всей этой дифференциации объективная закономерность, необходимость, пробивающая себе дорогу через массу случайностей, как формы выражения этой необходимости.

Казалось бы, ответ на вопрос дается признанием того, что противоправность есть юридическое выражение общественной опасности или вредности деяния... Однако разве то, что часто остается лишь аморальным поведением, не представляет опасности или вредности для общества? Из того, что правонарушение по своей объективной стороне противоправно и общественно опасно (вредно), еще не следует, что каждое опасное или вредное для общества деяние является противоправным. С другой стороны, можно ли полагать, что государство по своей собственной воле «выделяет» из массы опасных и вредных для общества асоциальных проявлений те, которые оно объявляет противоправными? Подобное утверждение в корне бы расходилось с пониманием социальной детерминации самого права, возвращало бы нас к иллюзии, что закон покоится на свободной воле государства и что к так понимаемому закону сводится и само право! Все изложенное нами ранее, да и приведенные в этом параграфе положения К. Маркса о сущности преступления и наказания отвергают такой вывод, во всяком случае по отношению к тем правонарушениям, которые влекут уголовную ответственность.

Думается, что проблема может быть научно решена на путях признания того, что излагалось ранее с несомненным включением в материальную детерминацию не только права, но

и того, что условно можно назвать «антиправом». Если право представляет собой выражение или проявление деятельности общественного человека,³⁰ а «правовые учреждения являются выражением фактических отношений»,³¹ то из этого следует, что правовой природой обладают не только правомерные, но и неправомерные массовидные виды социальной деятельности людей. В первом случае надо говорить о позитивно-правовой, а во втором случае — о негативно-правовой их природе. При этом те и другие порождены господствующими общественными отношениями, а точнее одними и теми же условиями господства. В то же время из области массовидных неправомерных деяний выделяются нарушения условий существования общества, вне зависимости от того, каковы эти условия. Схематически это может быть, с известной долей условности, изображено следующим образом.

ПРАВО

правомерное поведение

социально допустимая деятельность, имеющая позитивно-правовую природу

АНТИПРАВО

неправомерное поведение
проступки и преступления—нарушения самих условий существования общества

асоциальные проявления деятельности, имеющие негативно-правовую природу

Таким образом, между правомерным поведением и преступлением, нарушающим условия существования общества, каковы бы ни были эти условия, располагается проступок. Он неправомерен, социально недопустим — асоциален (опасен, вреден), находится на грани нарушения условий существования самого общества как такового, но грань эту как бы не переходит (хотя при значительной степени массовидности и иных обстоятельствах может стать преступлением).

Среди проступков, в свою очередь, наблюдается дифференциация на гражданско-правовые нарушения, непосредственно обусловленные экономической структурой общества и влекущие принудительное возмещение вреда, и иные проступки (административные и дисциплинарные), состав которых и ответственность в наибольшей степени зависят от государства. Можно, наверно, утверждать, что по степени социальной детерминации на первом месте находится гражданское право, затем уголовное право, а потом уже административное. Соответственно с разной степенью проявления социальной необходимости мы сталкиваемся при исследовании гражданско-правовой, уголов-

³⁰ См.: Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1956, т. 2, с. 241.

³¹ Там же, т. 4, с. 447.

ной и административной (дисциплинарной) ответственности, устанавливаемой государством. Тут два полюса — регулирование и охрана имущественных отношений; регулирование и охрана государственно-управленческих отношений. Что касается уголовного права, то степень детерминации его норм и наказания за их нарушение неоднородна. Охрана имущественных отношений от уголовных посягательств детерминирована четко экономической структурой общества. В уголовно-правовой охране личности сильна общесоциальная необходимость. Больше всего от характера политического строя зависит борьба против государственных преступлений, и тут меньше всего адекватности между наказанием и «самозащитой» общества от нарушений условий его существования. Что касается санкций, то гражданско-правовая охрана на первый план выдвигает восстановительные, а уголовно-правовая и административная — штрафные санкции, что так или иначе отражает особенности предмета регулирования отраслей гражданского, административного и уголовного права. Вместе с этим не следовало бы гражданско-правовую ответственность сводить только к возмещению причиненного ущерба, а административную и уголовную ответственность полагать лишь карой. Во-первых, во всех случаях ответственности за виновное противоправное деяние имеет место осуждение лица, его допустившего. Во-вторых, при гражданских правонарушениях, помимо осуждения упречного поведения, что само по себе представляет собой неблагоприятное последствие (потерю доверия и т. п.), и принудительного возмещения вреда (момент принудительности также представляет собой неблагоприятное последствие), имеет место и прямое наказание виновного (несение убытков за неисполнение договорных обязательств или претерпевание ущерба виновной стороной за незаконные действия при заключении договора, признанного противоправным, и т. п.). В-третьих, административная и уголовная ответственность, в свою очередь, помимо кары, не исключает принудительное возмещение причиненного вреда и, конечно, осуждение упречного поведения, как первейшего элемента наказания, играющего подчас важнейшую роль в исправлении правонарушителя.

В целом суть о том, что социальная детерминация проявляется не только в праве и формах его выражения (законодательстве, судебной практике и т. п.), но также в негативно-правовых явлениях (в правонарушениях, противозаконных актах и т. п.) и в юридической ответственности, восстанавливающей правопорядок.

§ 4. Международный правопорядок

С момента самого появления при родовом строе общественного разделения труда возник обмен произведенной продукцией между племенами. В дальнейшем, при появлении государств

и государственных границ, общественное разделение труда и обмен продолжают развиваться, охватывая различные народы и страны, даже в условиях феодализма с характерным для него натуральным хозяйством. Международные торговые отношения всегда оказывались некоторой экономической основой правовых и политических отношений между государствами древнего мира и средневековья. Незрелость межгосударственных материальных отношений предопределяла в конечном счете недостаточную устойчивость политических отношений и слабость международного правопорядка. Существенные изменения вносит в отношения между государствами капитализм. Конечно, и он не только не исключает войны, напротив, приводит в дальнейшем к кровопролитнейшим мировым войнам эпохи империализма. Тем не менее в период своего восходящего развития буржуазные экономические отношения порождали укрепление суверенитета государств и требовали равноправия субъектов международных отношений, имели известное стремление к стабильным и мирным отношениям, что находило свое отражение и в идеологии.³²

Уже при капитализме «обмен веществ реальных видов труда охватывает весь земной шар», товар оказывается «сам по себе выше всяких религиозных, политических, национальных и языковых границ».³³

Процесс интернационализации экономики, развивающиеся международное разделение труда и мировой обмен товарами оказываются настолько сильными предпосылками и результатами индустриально-промышленного производства, что всемирные экономические отношения побеждают даже волю и решения враждебных Советскому государству правительств и классов, заставляя их идти на сношения с властью трудящихся.³⁴

Международные экономические отношения К. Маркс характеризовал сто с лишним лет назад как «непервичные производственные отношения».³⁵ Тем самым подчеркивался их объективный субстрат и зависимость, вместе с этим, от производственных отношений, развивающихся в рамках государственных границ. Надо думать, что в настоящее время эти международные материальные отношения уже включают в себя такие, которые сами оказывают сильнейшее влияние на внутригосударственные производственные отношения, будучи связаны с «наднациональными» производственными объединениями как следствием интеграционных процессов в экономике стран, имеющих однотипные хозяйственные и политические структуры.

³² Вспомним трактаты о вечном мире (см.: Трактаты о вечном мире. М., 1963).

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 133, 134.

³⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 304—305.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 735.

Так или иначе, именно развитие производственных отношений глобального свойства, выходящих за государственные границы, приводит к становлению и укреплению международного правопорядка как системы правовых отношений между государствами (их самостоятельными и равными субъектами), опосредующих не только экономические, но и их политические отношения. Как бы ни разрывались такие отношения свойственными империализму противоречиями между буржуазными государствами, колониалистской политикой развитых стран по отношению к экономически отставшим народам, классово-идеологическими антагонистическими столкновениями и политической борьбой государств капиталистического и социалистического типа, иными противоречиями нашей эпохи, международный правопорядок приобретает все большее значение в жизни народов всего мира. Очевидно, есть основание говорить о происходящем гёнезисе мирового правопорядка, включающего классово однородные правопорядки внутри государств, образующих глобальное сообщество, и классово неоднородный (компромиссный) правопорядок, опосредующий отношения между государствами (международные, межгосударственные отношения). Межгосударственный правопорядок в рамках общего международного правопорядка, в свою очередь, дифференцируется на однородный в классовом отношении капиталистический и социалистический межгосударственный правопорядок. В исторической перспективе мировой правопорядок в условиях всеобщего становления коммунистической формации потеряет политический характер, перестанет быть юридическим явлением.

В настоящее время и в обозримом будущем сложная структура мирового правопорядка остается; в его поддержании продолжают играть свою роль как внутригосударственные, так и межгосударственные правоотношения. Международные правоотношения находят свою объективацию и закрепление в международном праве. Особенности последнего отражают специфику международного правопорядка.

В сущности международного права следует различать, как и применительно к внутригосударственному праву, три порядка. Его сущность первого порядка носит классово-волевой характер, представляя результат согласования волеизъявлений суверенных государств (их господствующих классов). Подобный классовый смысл международного права обуславливает то, что оно находит свое внешнее выражение главным образом в международных договорах, а также в сложившихся международно-правовых обычаях. Будучи юридическим феноменом, международное право охраняется силой государств, образующих международное сообщество и непосредственно заключивших двухсторонние или многосторонние соглашения. Определенную роль, в перспективе, видимо, возрастающую, в обеспече-

нии норм международного права играют соответствующие международные организации, образованные договорившимися государствами (ООН, международный суд и т. п.).

Международное право имеет исключительно сильно развитую сущность второго порядка, связанную с общесоциальным правом. Речь идет о лежащих в основе международного юридического права правах народов, наций, человека, которые сами по себе не носят юридического характера: право народов на самостоятельность и безопасность, право наций на самоопределение и образование суверенной государственности, комплекс прав и свобод человека. Интересно и важно, что эти права оказываются закрепленными важнейшими принципами современного международного права в качестве его юридических устоев. В иных случаях общесоциальное право находит свое выражение в документах (в декларациях), которые сами по себе не придают им юридического, общеобязательного для государств значения, но обладают большой силой морально-политического, идейного влияния не только на отношения между государствами, но также на внутригосударственные отношения. К сказанному надо добавить, что в области международных отношений грань между общесоциальным и юридическим правом менее четка, нежели во внутригосударственном праве.

Сущностью международного права самого глубинного порядка оказываются имеющие правовую природу отношения собственности, складывающиеся в международном общении и являющиеся юридическим выражением специфических производственных отношений, обусловленных международным разделением труда и обменом.

Международное право, как и внутригосударственное, имеет две стороны проявления своей сущности — объективное и субъективное право, является своеобразным и официально признанным масштабом свободы своих субъектов. Последний момент в нем больше развит, чем во внутригосударственном праве.

К числу общепризнанных и общеобязательных принципов современного международного права относятся: 1. Основные принципы обеспечения мира и мирного сосуществования — запрещение применения силы и угрозы силой, мирное разрешение международных споров, ответственность государств за нарушение международного правопорядка, разоружение. 2. Основные принципы равноправного межгосударственного сотрудничества — уважение суверенитета и равноправия государств, невмешательство во внутренние дела, сотрудничество и добросовестное выполнение международных обязательств. 3. Основные принципы обеспечения международной защиты прав народов (наций) — безопасность и равноправие народов, самоопределение наций (народов), уважение личных, политических и социально-экономических прав человека и основных свобод.

Международное право подразделяется на публичное и частное право, отличные друг от друга по характеру регулируемых отношений и субъектам права, по регулирующим их нормам и по правоотношениям. И если в генетическом плане основа международных отношений—экономика, то по значимости для поддержания состояния мира решающее значение имеет публичное право, регламентирующее не имущественные, а политические отношения между государствами. Международный правопорядок, противостоящий развязыванию войны, это в первую очередь юридический порядок политических связей. Именно его отправные начала лежат в основе перечисленных выше важнейших принципов современного международного права.

Нормы публичного международного права предусматривают ответственность за тяжкие международные преступления и деликты. К особо опасным (тяжким) преступлениям относятся преступления против мира (противоправные действия государств, создающие угрозу миру, нарушающие мир или представляющие акты агрессии), против человечности (геноцид и т. п.) и военные преступления. За совершение тяжких международных преступлений современное право предусматривает политическую и материальную ответственность государств, а также уголовную ответственность физических лиц. За международные деликты также имеет место политическая и материальная ответственность государства (санкции тут могут быть различные, в том числе и коллективные). Социальная природа международных преступлений и деликтов достаточно ясна и определяется более всего классовой сущностью государств, а также господствующими в них политическими режимами. Естественно, что наибольшую опасность для международного правопорядка представляют в настоящее время империалистические государства с антидемократическими, тоталитарными режимами, подавляющие внутри страны все демократические права и свободы, навязывающие произвол и беззаконие, осуществляющие агрессивную политику на международной арене, стремящиеся укрепить положение господствующей клики внутри страны. Внешняя политика государства всегда является продолжением его внутренней политики. Социальная природа международно-правовой ответственности также совершенно ясна, и направлена она (эта ответственность) на восстановление межгосударственного правопорядка, нарушение которого представляет собой в крайних своих проявлениях (агрессия, геноцид и т. п.) самые опасные преступления против условий существования общества, каковы бы ни были эти условия в разных странах.

Международный правопорядок находит свое официальное выражение и персонализацию в международных организациях, призванных его представлять, совершенствовать и защищать. Однако суверенность государств и обладание ими силой организованного принуждения не могут привести к образованию мирового госу-

дарства, оно исключается отмеченной ранее конгломератностью нынешнего мирового правопорядка, имеющей под собой экономическую, политическую и идеологическую подоплеку. Процесс интернационализации производства, международного разделения труда и обмена еще только развивается, его темпы в конечном итоге зависят от степени роста мировых производительных сил и соответствующих им международных производственных отношений. Эпоха революционного преобразования национальных экономических, правовых и политических систем буржуазного типа в интернациональную экономическую, правовую и политическую систему коммунистического типа только началась; это преобразование происходит в сложнейших условиях и при наличии огромного числа стран третьего мира, не вступивших еще ни в полосу социалистического, ни в полосу капиталистического развития.

По всей видимости, в глобальном масштабе перед нами развертывается процесс, который шел когда-то в рамках отдельных стран и характеризовался тем, что новые отношения собственности, будучи юридическим выражением производственных отношений, «вытесняли» соответствующие им правовые отношения, требовавшие появления государств, охранявших право.

Естественно, что в те давние времена «дислокация» внутригосударственных правопорядков предопределялась конкретно-историческими условиями развития производительных сил, общественного разделения труда и возникновения частной собственности в недрах различных родоплеменных регионов, детерминировалась процессами, которые взрывали примитивное самоуправление, приводили к образованию военно-демократических политических режимов, а затем и к появлению государств (рабовладельческого или сразу же феодального типа), обеспечивавших в своих границах соответствующий правопорядок. Известную и подчас серьезную роль в определении границ этих государств играли не только прежние традиционные связи, этнические образования и формирующиеся народности, но и осуществлявшиеся завоевания, перемешивавшие этнические группы и народы, обогащавшие имущие классы и правящие элиты. Тем не менее, за редкими и относительно недолговременными, непрочными исключениями, связанными с экспансией и искусственными огроменными государственными образованиями (завоевания Александра Македонского, распространение Арабского Халифата и т. п., наиболее прочные экономические и правовые, а также государственно-политические системы охватывали сравнительно небольшие территории и численно не столь большое население, предопределяя также формирование такой социальной общности, как народы отдельных стран. Как уже отмечалось, связи между странами не разрывались, но были слабо развиты, нередко находились в непосредственной зависимости от родственных отношений монархов и иных факторов субъективного свойства. Развитие капитализма привело к об-

разованию единого рынка, преодолевшего феодальную раздробленность, к формированию наций и национальных государств, охранявших буржуазный правопорядок в соответствующих границах. Образовались достаточно стойкие, в основном однопациональные экономические и правовые структуры. В то же время начинают интенсивно развиваться международные экономические отношения и межгосударственный правопорядок, хотя они постоянно нарушаются войнами за сырье мало развитых стран, за рынки сбыта и сферы влияния, колониалистской политикой метрополий. Несмотря на развитие международных отношений и, с другой стороны, образование колониальных держав, в принципе капитализм связан с национальными образованиями в сфере экономики, права и политики. И если в эпоху империализма прорыв цепи капиталистических отношений оказывается возможным в одной или нескольких странах, то в дальнейшем революция постепенно распространяется на другие страны, ибо она лишь по форме оказывается национальной, а по существу является интернациональным движением, выражая в конечном счете формирование международных производительных сил, вступивших в непримиримое противоречие не только с частным капиталом, но и с национально ограниченными сферами производства и обмена. Коммунизм связан с интернационализацией экономики и культуры, слиянием наций, со становлением в качестве первичных и господствующих мировых производственных отношений, а соответственно и мирового общесоциального правопорядка. Связь с государством и классовый характер современного международного правопорядка не исключают его общесоциального смысла как воплощения в межгосударственных правоотношениях объективно детерминированного масштаба свободы и упорядоченности деятельности в мировом масштабе. И этот смысл окажется при коммунизме доминирующим.

Глава шестая

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. Интегративность правовой культуры

Культура — совокупность материальных и духовных ценностей, созданных в процессе общественно-исторической практики. В этом смысле все то, что есть в правовых явлениях относительно прогрессивного, социально полезного и ценного, составляет элемент духовной культуры общества. Вместе с этим культура — это не только результат деятельности людей, но и способ этой деятельности. Это вытекает из Марксова поло-

жения о том, что личность характеризуется не только тем, что делает (творит), но и как она это делает.¹ Потому в понятие правовой культуры включается, например, не только право, но и способы его выражения и обеспечения. Правовая культура характеризуется состоянием законности и правопорядка, а в первую очередь — состоянием правосудия. В нее входит и ценностная ориентация субъектов деятельности, имеющей юридическое значение. Эта ценностная ориентация концентрируется в правосознании общества, классов, отдельных личностей. Наконец, правовая культура содержит не одни лишь ориентиры деятельности в сфере права, но и включает характер, состояние, способы этой деятельности субъектов правоотношений.

Из отмеченного следует, что в понятие правовой культуры мы включаем, строго говоря, все социально положительные компоненты правовой действительности, которые накоплены человечеством в ходе его общественного развития и которые способствуют прогрессу земной цивилизации. Отсюда вытекает, что правовая культура характеризуется своим историческим характером и определенной долей преемственности, объективно обусловлена ступенью поступательного движения производительных сил и производственных отношений, находится в определенной зависимости от иных элементов материальной и духовной культуры тех или иных регионов. Такой подход к понятию правовой культуры требует ряда существенных уточнений.

Во-первых, в состав правовой культуры, конечно, не входят негативные юридические явления: законодательные акты, санкционирующие произвол, реакционные законы, правонарушения, несправедливые и оскорбляющие достоинство человека наказания, явно фиктивные правовые принципы и т. п. Даже самый низкий уровень правовой культуры предполагает ее специфическую функцию позитивного влияния на общественное развитие и поддержание самих условий существования общества. Правовые явления, совершенно лишённые этой функции, к правовой культуре не относятся, представляют собой проявления юридического бескультурья.

Во-вторых, считать то или иное юридическое явление, юридически значимое действие, процесс достоянием культуры можно только на основании учета единства его содержательной и внешней сторон, с несомненным предпочтением первой перед второй. Ведь формально правомерные акты и действия, юридически корректное поведение могут в соответствующих условиях оказаться издевательством над достоинством личности и здравым смыслом, а применение равной меры — явной несправедливостью. Тончайшие процедуры юрисдикции и зако-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 492.

нодательствования оказываются достоянием культуры лишь в той степени, в какой они гарантируют индивидуальные и нормативные решения, которые по своему существу соответствуют основополагающим идеям права.

В-третьих, решающим критерием отнесения тех или иных юридических явлений к области достижений человеческой культуры является идея достоинства личности, уважения ее прав и свобод, которая одухотворяет общественные отношения на прогрессивной стадии их развертывания в условиях цивилизованной социальной жизни людей. Если среди всех социальных ценностей, воспроизводимых обществом, наивысшей является человеческая личность, то с точки зрения марксистской концепции культуры право относится к ее достижениям лишь настолько, насколько оно обеспечивает прежде всего человеческое достоинство и достойные человека условия существования.²

В-четвертых, в классово-дифференцированных обществах нет единого потока общей культуры, нет и не может быть надклассовой правовой культуры. Имея в виду юридическую сторону проблемы, надо считать, что в государственно организованном обществе господствующей является правовая культура классов, занимающих ведущее место в экономической и политической структурах страны, непосредственно определяющих правовые обычаи, судебную практику, правовую идеологию, законодательство, состояние законности и упорядоченности юридических норм государственных актов, юридические принципы. Далеко не всегда господствующая правовая культура оказывается выше правовой культуры, связанной с другими классами и слоями населения, да и превалируют в ней чаще всего элементы консервативности и апологетики или идеализации существующего правопорядка.

В-пятых, исторически классовый характер соответствующих типов и разновидностей правовой культуры не исключает момента известной преемственности, свойственного развитию культуры вообще. Эта преемственность особенно заметна в рамках определенных регионов стран, народов и государств с более или менее одинаковыми хозяйственными укладами, политическими традициями, моральными, религиозными устоями, социально-психологическими особенностями образа мышления, историческими судьбами и т. п. Поступательное развитие правовой культуры предполагает восприятие новым типом культуры всего того положительного, что было выработано в прошлом в области права, особенно его идеологизированных форм и ценностных ориентиров, а также юридико-технических средств его выражения, закрепления и применения. Эти средства не столь важны для качества правовых культур, но нельзя забывать,

² Придворов Н. А. Достоинство личности и социалистическое право. М., 1977.

что в этой области преемственность оказывается наиболее интенсивной, и объясняется это теми общими свойствами, которыми обладает право как таковое.

§ 2. Становление и стадии роста правовой культуры

Очевидно, что становление правовой культуры происходит в период перехода общества от ступени варварства к цивилизации, перехода, который носил, мы бы сказали, очаговый характер. На первых порах подобные локальные культуры были обусловлены зарождением общесоциального права в недрах завершающего свое развитие родового строя и концентрировали в себе положительные черты так называемого материнского права. По мере развития владения в отношениях собственности возникают индивидуальные правоотношения, еще защищаемые варварскими способами, которые можно отнести, видимо, к правовой предкультуре военных демократий переходного периода от доклассового к классовому обществу, от матриархата к патриархату и домашнему рабству.

Древнее становление правовых культур в основном завершается победой частной собственности и классового антагонизма над традиционными родо-племенными отношениями, взорванными общественным разделением труда и формированием общеклассовых интересов имущего слоя, подвергающего эксплуатации и угнетению неимущее большинство населения. Господствующие классы конституируют свою силу в государстве и в «цивилизованном» виде, при помощи общеобязательных установлений власти и суда, обеспечивают свое право на собственность и эксплуатацию. Отношения собственности становятся в полной мере юридическим выражением господствующих производственных отношений. Правовая культура приобретает в основном юридический характер, оказывается зависимой от государственной деятельности.

Стадии роста правовой культуры с этих пор концентрируются в рамках западной цивилизации с теми или иными отклонениями, в то время как Восток и его своеобразные цивилизации оказываются на многие столетия связанными азиатским способом материального производства, который в период рабовладения мало способствовал повышению правовой культуры, а позже, при феодализме, полностью подчинил ее религии. При всем этом и феодальные страны Европы (быть может, за исключением Англии) внесли мизерный вклад в историю правовой культуры, пик развития которой до победы капитализма составляло римское право, через многие века рецепированное так или иначе во всей континентальной Западной Европе в связи с развитием буржуазных отношений.

В условиях капитализма наступает новая стадия роста правовой культуры, охватывающая уже не только Европу, но так-

же буржуазные государства других континентов. Буржуазная стадия роста правовой культуры до эпохи империализма характеризуется значительными сдвигами относительно прогрессивного характера, связана с развитием институтов частнокапиталистической собственности, отвергающей крепостное право и сословное деление общества, произвол абсолютизма, вызвавшей к жизни буржуазную демократию, формальное равенство всех граждан перед законом и судом, идею достоинства личности, свободы и справедливости. Эта стадия роста правовой культуры сопряжена была с восприятием права как явления, вытекающего из природы человека. Получает развернутую форму концепция естественного права, превратившаяся в политическую идеологию буржуазии, боровшейся против феодального деспотизма.

С утверждением капитализма буржуазия в основном отказывается от своих прежних ценностных ориентиров в праве, решающее положение в ее идеологии занимает юридическое мировоззрение с его извращенным представлением о господстве права над общественными отношениями. Довлеющую роль в правосознании приобретают сложившиеся системы законодательства и правосудия, происходит отождествление закона и права, укрепляет свои позиции юридической позитивизм. Последний внес в культуру долю совершенных юридических конструкций, способствовавших упрочению буржуазной законности и правопорядка, но прививавших, вместе с этим, сугубо формальный и догматический образ мышления, а потому и самого восприятия права. В целом торжество буржуазно-нормативистского течения в области правовой культуры оказалось также преходящим.

Эпоха империализма внесла в значительной степени стагнацию в движение правовой культуры. Более того, монополистический капитализм сопряжен и в области правовой культуры с проявлениями глубинного процесса ее разложения, что всего заметнее выражено в распространении идей правового нигилизма не только в теории, но и на практике, в процессе загнивания режима буржуазной законности, в обнаруживающемся все чаще и чаще разрыве между законом и жизнью, между юридическими нормами и их осуществлением. Этот разрыв несложно было обнаружить и самой буржуазной социологии, но ее выступление против догматико-нормативистского правопонимания, против отождествления права и закона не принесло серьезных плодов, лишь усилило идею юридического нигилизма, а подчас оказывалось только средством теоретического оправдания произвола и беззакония, столь пагубно влияющих на буржуазную правовую культуру, подрывающих ее изнутри.

Однако нельзя не видеть и других линий роста правовой культуры в капиталистических странах. Речь идет прежде всего о борьбе трудящихся масс, которая в наше время оказывается

единственной реальной силой, поддерживающей общедемократические элементы правовой культуры, оказывается носителем, защитником всего прогрессивного, что было создано в области правовой науки и практики. Важно обратить внимание и на то, что в недавнем прошлом капитализм внес значительное ускорение в стадии роста правовой культуры и преодолел ее прежнюю исключительную раздробленность путем формирования национальных правовых культур, а затем и породил тенденцию к зарождению международной правовой культуры глобального масштаба. Иное дело, что на капиталистической основе эта тенденция не может получить основательного развития.

Наиболее глубокие и коренные изменения в правовой культуре происходят на стадии перехода к коммунистической общественно-экономической формации — это принципиально новая ступень роста человеческой культуры вообще, ее правового компонента в частности. Социалистическая правовая культура, впитывая в себя все прежние достижения, перерабатывает их на совершенно новой ценностно-идейной и материально-экономической основе, вносит в правовую культуру принципиально новаторские элементы, среди которых главными являются гуманизм и устремленность к созданию подлинно человеческих условий жизни людей, достойное существование личности и всего общества. Только коммунистическое преобразование общества создает настоящие предпосылки для завершения процесса формирования и дальнейшего упрочения интернациональной правовой культуры, для отмирания ее юридической формы и расцвета ее общесоциального содержания.

Социалистическая стадия роста правовой культуры на первых порах локализуется в одной, а затем в нескольких странах, постепенно выходит за государственные границы и питается складывающимися социалистическими международными отношениями, влияет и на общее международное право. Эта стадия роста предопределяется характером социалистического производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, которые зависят от достигнутого уровня развития производительных сил; она не может быть выше экономики и общей культуры региона, вступившего на путь ликвидации капитализма и коммунистического преобразования общества. Принципиально отличная от капитализма структура производственных отношений предопределяет антиэксплуататорский характер социалистической правовой культуры, создает объективные условия для выражения в ней общенародных интересов в их сочетании с интересами трудовых коллективов и отдельной личности, новых ценностных ориентиров и коммунистических идеалов.

Вместе с этим социализм — лишь первая, низшая фаза коммунизма, которая несет еще на себе отпечатки прежнего эксплуататорского общества и не может, в частности, преодолеть

узкого горизонта буржуазного права в сфере распределения и обмена, а также в области национально-государственных отношений. Это означает, что социалистическая правовая культура не может обеспечить экономические и социальные отношения, свойственные коммунистическому обществу; не может сама по себе обеспечить наивысшее развитие производительных сил, на основе которых произойдет полное обобществление средств производства, окончательное преодоление отчуждения производителя от произведенного продукта и существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом и др. Эти факторы не зависят от права и его идеологических форм, напротив, право и правоотношения, характер и состояние правопорядка зависят от этих обстоятельств.

В правовой культуре социализма находят свое отражение противоречия, не имеющие антагонистического характера, но свойственные его экономике и системе государственного управления (противоречия между производительными силами и производственными отношениями, производством и потреблением, общественным и личным интересом и т. п.). В своевременном разрешении такого рода противоречий правовое регулирование играет определенную роль, поскольку законодательство выражает научно обоснованную политику государственной власти и может быть одним из средств дальнейшего совершенствования общественных отношений в экономической и идеологической сферах. Если ранее отмеченные противоречия объективно свойственны первой фазе коммунизма и их преодоление составляет глубинный смысл социалистического развития, то второго рода противоречия могут успешно разрешаться, тем самым открывая полный простор поступательному движению общества к высшей фазе коммунизма и к дальнейшему упрочению социалистического правопорядка.

Противоречивы и межгосударственные социалистические отношения, питающие международные аспекты правовой культуры социализма, сочетающей в себе интернациональное общее содержание с национально особенным, не образующим тождества с общими главными свойствами культуры социалистического типа — социалистическое содержание тут облечено еще в национальную форму.

Нельзя не учесть и того, что социалистическая ступень роста правовой культуры в настоящее время находится с исторической точки зрения в начальном периоде своего существования и не раскрыла еще всех своих потенциальных возможностей, объективно присущих ей преимуществ. Высшей фазе коммунизма будет соответствовать наивысшая ступень роста правовой культуры.

§ 3. Социальная ценность правовой культуры

Концентрируя в себе все то положительное, что накапливается на протяжении развития человеческой цивилизации в области права, интересующая нас правовая культура представляет собой своеобразную социальную ценность. Аксиология правовой культуры строится на анализе ее гносеологии и онтологии, но не может быть сведена к ним. Марксистский анализ ценности правовых явлений зиждется на признании объективной необходимости права и его полезности как фактора, противостоящего простому случаю и произволу, исходит из научного исследования сущности и свойств правового феномена. Вместе с этим аксиологический подход к правовой культуре позволяет акцентировать внимание на новых сторонах правовой действительности, связанных с отношением людей к законодательству, законности и правосудию, с выбором ими путей достижения личных и общественных целей, освобождает теорию права от вульгарного социологизма с его узким критерием полезности и от голого сциентизма с его единственным критерием объективности, необходимости и неотвратимости существования правовых отношений.

Ценность правовой культуры, как и других предметов, вытекает из ее необходимости и полезности (утилитарной пригодности), но может и противостоять последней в качестве идеала общественно-практической деятельности людей, ее ориентира. Особенность ценностной характеристики юридической формы производственных отношений состоит в том, что она всегда будет выражать отношение между оценивающим субъектом и оцениваемым объектом, тем самым позволяет воспринимать значение права для жизни общества и его членов, а не сводить его роль только к обслуживанию экономического базиса, к орудию государственной власти. Важно понимать объективную потребность в праве и надо знать, что оно может обслуживать, но его ценностная характеристика исходит еще и из того, какое оно само по себе благо для людей определенного общества, класса, социального слоя.³

В связи с изложенными общими положениями об аксиологии права надо заметить, что относительная самостоятельность вопроса о ценности правовой реальности выявилась в нашей юридической науке не сразу. На первых порах речь шла не столько о ценности, сколько о необходимости правового регулирования, о значимости свойств права и выражении в праве иных ценностей. Односторонне освещались и собственно правовые ценности, которые сводились к его нормативности,

³ Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968; Невовски Н. Право и ценности. София, 1983.

формальной определенности и принудительности. В дальнейшем центр тяжести перемещается; при характеристике ценности правового регулирования речь идет уже не только о служебной роли законодательства, но и о собственной ценности права.⁴

Тем не менее и современный аксиологический подход страдает, видимо, рядом недостатков. Во-первых, применяющие этот подход до сих пор предполагают, что главная ценность права связана с обслуживанием экономических и политических отношений путем их нормативного регулирования. Тем самым вопрос о социальной ценности подменяется проблемой роли юридической формы и ее значения для закрепления тех или иных структур, отодвигая на задний план анализ того блага, которым может быть право для человека и общества в целом при соответствующих исторических условиях. Конечно, этот упрек не должен пониматься в том смысле, что раскрытие роли права по отношению к экономике и политике не имеет значения. Дело в том, что это не предмет собственно аксиологии. Во-вторых, достаточно часто и сама служебная роль законодательства связывается лишь с его нормативностью и государственной принудительностью. Однако нормативными свойствами обладают и некоторые иные общественные явления, а полагать благом саму по себе формальную определенность права, как и собственно государственное принуждение, было бы по меньшей мере опрометчиво. В-третьих, при выяснении социальной ценности права почти всегда исходят из молчаливого признания нормативности как главного свойства права, из отождествления права и законодательства, из сущности права лишь первого порядка, не учитывают его суть на уровне социальных отношений, что серьезно обедняет и правопонимание, и суждения о ценности права. Наконец, в-четвертых, серьезным недостатком имеющихся в советской литературе исследований ценности социалистической правовой действительности приходится считать и то, что ее (эту действительность) берут в исторически наличном существовании, вовсе не утруждая себя дифференцированным к ней подходом. Между тем оказывается, что далеко не все, что относится к области права и его действия в данных условиях, следует считать социальной ценностью. Вот почему есть больше оснований для того, чтобы сомнительную ценность всех правовых явлений заранее отвергнуть, ведя речь о благе, которым, несомненно, всегда в той или иной степени обладает правовая культура (в том ее широком понимании, которое предлагается в данной книге).

В чем же заключается ценность правовой культуры как концентрации всего того блага, которое приносит людям феномен права? Можно полагать, что благодаря праву объективно необходимое упорядочение общественных отношений происходит

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981, т. 1, с. 99—102.

в силу образования (стихийного формирования или рационального установления) общезначимых, равных и относительно справедливых, устойчивых масштабов свободы деятельности субъектов правоотношений. Признавая публично самостоятельность, инициативу и активность человека, свободу выбора и действия сообразно сложившимся обстоятельствам, т. е. творческую самодеятельность и проявление своих способностей, право обеспечивает тем самым развитие личности, сохранение ее достоинства, удовлетворение потребностей и интересов индивидов (их коллективов, групп, классов, общностей) в том качестве и объеме, которые предопределены в конечном счете господствующими производственными отношениями, обусловленными, в свою очередь, уровнем развития общественных производительных сил, характером «обмена веществ» (К. Маркс) между обществом и природой. Это означает, что правовая культура представляет собой социальную ценность в той степени, в какой позволяет людям пользоваться благом свободы в рамках оптимальных возможностей соответствующей эпохи.

В классовом обществе такого рода благо принадлежит в первую очередь экономически и политически господствующим классам, охраняется принудительной силой государства.

Чем выше ступень роста правовой культуры, тем шире круг лиц, пользующихся благом свободы, и качественнее, разнообразнее удовлетворяемые при этом потребности, важнее духовные интересы и обеспечение достоинства человека, сознательнее и нравственнее использование социальной свободы членами общества, совершеннее и гуманнее способы защиты блага свободы. Это означает, что с развитием цивилизованного общества и его правовой культуры повышается социальная ценность права, оказывается более значительным для людей благо свободы, а свободное существование каждой личности становится в конечном итоге (при коммунизме) предпосылкой подлинно свободного общества. Нельзя только забывать, что философское понимание свободы предполагает познанную необходимость, что человек, живущий в обществе, не может быть освобожден от его связи с другими членами сообщества, от обязанности соблюдения правил человеческого общежития, т. е. от своего морального долга. Сознание морального долга перед обществом и активное влияние общественного мнения будут наилучшей гарантией общесоциальных прав людей, их действительной, необходимой и возможной свободы.

Своеобразие права, его особая социальная ценность состоит в том, что оно, будучи адекватно существующим отношениям, способно вносить в них урегулированность и порядок на почве гарантированности объективно требуемой свободы участников общественных отношений. Тем самым право способствует раз-

витию свободы и одновременно ставит преграду ее перерождению в анархию и произвол, которые исключают не только общественный порядок, но и саму социальную свободу.

§ 4. Философия права и современность

Компонентом любой правовой культуры являются определенные ценностные ориентиры, идеалы. Эти высшие духовные ценности, лежащие вне права как юридического явления, но служащие неким началом законодательства и правосудия, имеют относительно самостоятельное существование и значимость, связаны с мировоззрением соответствующих классов и разрабатываются на философском уровне. В тех случаях, когда идеальные основы права оказываются оторванными от его вполне реальных, материального характера оснований, а тем более превалируют над последними, перед нами предстают некие идеалистические и метафизические критерии, оторванные от жизни и мало объясняющие глубинную сущность права и его место в обществе, его прошлое, настоящее и будущее. Когда же идеальные ценностные ориентиры выведены из материальной основы права и связаны с познанием глубинной сущности права, то перед нами оказываются достаточно адекватные действительности критерии правомерной и неправомерной деятельности, жизненно важные начала законодательства и правосудия, законности и правопорядка. Надо только помнить, что любая философия права, в том числе и сугубо спекулятивно-идеалистическая, трансцендентальная, всегда служила и служит достаточно конкретным историческим задачам тех или иных классов и социальных групп, народов и наций. Вместе с этим до появления марксизма ни одно философское осознание права и его оснований не могло быть последовательно материалистическим и неметафизическим.

Если правовая культура трактуется как некое достояние человеческой истории, то ее элементом может оказаться та философия права, которая содержит по крайней мере некоторые черты относительной прогрессивности. С этой точки зрения к правовой культуре прошлых столетий можно, например, отнести концепцию естественного права и отчасти гегелевскую философию права, в то время как современная нам ступень роста правовой культуры характеризуется прежде всего материалистической философией права, истоки которой заложены научным коммунистическим мировоззрением. Следует отметить и то, что вовсе не любые теоретико-правовые учения составляли или составляют философское осмысливание права, хотя многие из них так или иначе связаны с какими-то философскими течениями. Так, например, еще в древнем мире духовное освоение права в Риме существенно отличалось от философской мысли Афин. Первое было связано с практическими потребностями

римской юриспруденции, в то время как греки стремились вскрыть некие духовные ценности, лежащие в основании права. Буржуазный юридический позитивизм (неопозитивизм), включая Штаммлера и Кельзена, строящийся на неокантианстве, не представляет собой то, что можно было бы считать философией права, ибо в принципе не стремится выйти за рамки юридической действительности, напротив, отрывает право от его материальных и духовных оснований. По всей видимости, иную ветвь теории права составляет социологическая юриспруденция, но и она в ее буржуазном варианте даже не смыкается ни с юридическим позитивизмом, ни с философией права. И вообще говоря, скорее более близка к первой, нежели ко второй. С точки зрения философских истоков, близость юридического позитивизма и социологической юриспруденции несомненна при всем их различном понимании собственно права. Более того, именно отсутствие внеюридических, в том числе и прежде всего духовных начал в нормативистских и социологических концепциях права встречает существенные возражения у многих буржуазных идеологов середины XX в., стремящихся вновь (особенно после потрясений, принесенных фашизмом) обратиться к высшим духовным критериям права, таким как справедливость, свобода, равенство и т. п. Пожалуй, буржуазная философия права испытывает ныне «второе рождение», но при изменившихся исторических условиях не несет тех черт относительной прогрессивности, которые давали бы возможность отнести ее вновь к некому культурному завоеванию (это относится в целом и с малыми исключениями ко всем направлениям теории «возрожденного» естественного права, феноменологической школы права и экзистенциализма в праве).⁵

Пожалуй, некоторой закономерностью учений о праве можно считать то, что в периоды сравнительно эволюционного развития общества наибольшее распространение приобретают нормативистско-позитивистские концепции права, в то время как в эпохи крупных революционных сдвигов, загнивания старых правовых и политических систем и рождения новых примат принадлежит философскому осмысливанию внеюридических оснований права (с позиций прогрессивных и реакционных классов).

Когда буржуазия шла к власти и выступала против феодальных порядков, ее идеологи искали основу нового права не в законодательной политике власти, которую они ниспровергли, не в феодальных законах и обычаях, а в природе человека, в идеалах справедливости, свободы и равенства, которые воспринимались иллюзорно в качестве вечных и неизменных истин,

⁵ См. подр.: Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. М., 1971, с. 318—367.

непреходящих ценностей. На самом деле речь шла о праве, которое бы было адекватным капиталистическим отношениям, что ни в какой мере не исключает того реального блага, которое принесло обществу буржуазное право, сменившее собой феодальный произвол и абсолютизм, не отрицает значения самих идей равенства, свободы и справедливости. Установив свое государство, буржуазия отказывается от прежней философии — теперь ей свойственно юридическое мировоззрение, и притом такое, которое отождествляет право с законами капиталистического государства, воплощающими ее интересы, ее узкоклассовую волю. Прежние философские системы и, собственно говоря, свое собственное революционное мировоззрение, стремившееся познать сущность общественных явлений, в том числе и права, стремившееся вскрыть его неюридические основы, буржуазная философская мысль и политико-правовая идеология отвергают, объявляя метафизическими построениями; господствующее положение занимают позитивистская философия и юридический позитивизм со свойственным ему неокантианским отрывом должного от сущего, формы от содержания. Во имя поддержания буржуазной законности всемерно развивается догма права. Эпоха империализма колеблет буржуазный правопорядок, загнивает законность, падает престиж закона. Не исправляют создавшегося положения признание противоречия между законом и жизнью, стремление буржуазной социологии свести право к фактическим отношениям, к тому, что решают суд и администрация. Попытки найти сущность права в его реализации тщетны, прививают лишь юридический нигилизм, совершенно умаляют значение закона. И тогда на авансцену вновь приходит буржуазная философия права со свойственными ей ценностями и идеалами... Но это может быть лишь плохим, а подчас и просто реакционным вариантом прежней, но выхолощенной философии, ибо внести нечто новое и передовое в свое мировоззрение, восприятие общества, права, нравственности, государства буржуазная идеология уже не в состоянии. Достижения современной буржуазной философии права бедны и эклектичны, а перефраз прежних идей о правах и свободах личности выглядит ныне малоубедительным. И это несмотря на то, что в сознании все более широких масс трудящихся, всего прогрессивного человечества социальная ценность права возрастает, а идеи демократии, свободы, равенства, справедливости приобретают поистине глобальный размах.

На смену приходит новое, научное мировоззрение, несущее коммунистические идеалы, материалистически обосновывающее неиссякаемые социальные ценности равенства людей, их свободы, подлинной справедливости, раскрывающее путь их достижения. Новая правовая культура пронизана положениями марксистской философии права, которая впитывает в себя все достижения прошлого в мировоззренческом восприятии права,

перерабатывает их, дополняет и придает общечеловеческую значимость.

Отправные положения новой философии права содержатся в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Эта философия не спекулятивна и враждебна метафизике. Если иметь в виду, что марксизм впервые подошел к праву как к форме, наполненной богатым социальным содержанием, то новая философия права является и социологией права, если под социологией понимать ее высший теоретический уровень (исторический материализм), а не конкретные социальные исследования правовых явлений в их связи с эмпирическими фактами, образующие социологическую юриспруденцию. Эта философия, которая противостоит догматизму и формализму любого юридического позитивизма, имеет своим главным предметом изучения глубинную сущность права, ее цель — раскрыть материальные и духовные основания правовой действительности, выявить социальную необходимость, полезность и ценность правового феномена общественной жизни. Материалистический подход к праву и признание классово-волевой направленности законодательства, законности и правосудия не только не исключают, но, напротив, предполагают самым непеременимым образом всестороннее определение демократического, нравственного и гуманистического потенциала права, имманентно свойственных ему критериев свободы, равенства и справедливости, обеспечения достоинства личности и общего социального прогресса. Без философии права новая ступень роста правовой культуры лишена была бы ориентации на объективную диалектическую логику развития права, оказалась бы духовно обедненной и консервативной системой, что грозило бы стагнацией и деформацией самой социалистической правовой культуры.

Главный результат марксистской философии права — развивающееся понятие права, способное направить общественную практику на революционно-прогрессивное преобразование существующих правовых отношений. У права нет и не может быть особой истории, отличной от истории человечества. Потому предпосылкой и итогом такого правопреемства оказываются качественные изменения в образе жизни и деятельности людей, в их общественных отношениях — поступательное развитие человеческой цивилизации.

Естественно, что ни позитивная, ни социологическая юриспруденция, при всем их значительном прикладном характере, не могут сами по себе ставить и решать задачи, свойственные философии права. Марксистская философия права — динамичное мировоззренческое, революционно-творческое ядро общей теории права, всей юридической науки и социалистической правовой идеологии, сознательное и разумное духовное начало новой правовой культуры в целом. Если толковать Гегеля материалистически и учитывать настоящий смысл употребляемых им

категорий, то найдется достаточно поводов вспомнить его слова о философской науке права: «Человек должен найти в праве свой разум, он должен, следовательно, рассматривать разумность права, и этим занимается наша наука в противоположность положительной юриспруденции».⁶

Да, сама по себе юриспруденция (позитивная и социологическая) направлена на усовершенствование данной правовой формы (либо путем улучшения ее собственной структуры, либо благодаря приведению ее в соответствие с фактически сложившимися отношениями). Но не все существующее, говоря гегелевским языком, действительно, т. е. закономерно, объективно необходимо, отвечает логике исторического процесса. Лишь действительно разумно, и это разумное в праве постигает его философское познание. Оно отвергает все то, что в существующей правовой реальности противоречит закономерному развитию общества и права, открывает для людей путь к воплощению в жизнь того, что есть, может и необходимо должно быть в праве действительного и разумного. В философии права заложен духовно активный революционно-критический заряд, которого нет в самой юриспруденции как прикладной науке, с каких бы позиций она ни развивалась, какие бы частные замечания не содержала и сколь бы ни были основательны ее предложения по изменению отдельных законоположений, обеспечивающих повышение эффективности правового регулирования.

По широте и глубине выявления метаюридических оснований права, его идейных принципов и социальной ценности, по силе революционно-критического заряда и вместе с этим тщательности учета специфики юридической формы и уровню установления действительности существующих законов, по качеству разработки нравственно-гуманистических критериев законодательства и правосудия марксистская философия не знает себе равных.

Однако марксистская философия права не терпит застоя и догматизма, начетничества, она требует постоянного развития и полноценного обобщения изменяющихся общественных отношений, своевременного осмысливания динамичного юридического выражения назревших потребностей общественного организма. На любом этапе становления коммунизма ей надлежит быть на уровне современной науки и общественной практики, на уровне современных передовых идеалов и ценностей, отвергающих устаревшие и не оправдавшие себя взгляды и отношения, отбрасывающих груз прошлых обыкновений и предрассудков, привычных стандартов решений и действий. Для марксистской теории права освоение политико-правовой практики мирового коммунистического движения особенно важно. Только на этой основе можно успешно двигать вперед исследования права со-

⁶ Гегель. Соч. М., 1934, т. VII, с. 18.

циально-философского характера. К сожалению, в советской юриспруденции философия права разрабатывается недостаточно интенсивно, не занимаются ею и наши философы. Во всяком случае методологическая проблематика (гносеология) в социалистической науке права изучается активнее,⁷ нежели онтология права. Между тем гносеология и онтология в марксистской философии неразрывны. Больше повезло общим вопросам и специальным подходам социологической трактовки права,⁸ однако и тут ощущается крен в сторону методов познания, да и не все выводы можно считать философски обоснованными. Думается, что причина скромных успехов нашей социологии юридической действительности заключается не только в слабости ее экспериментальной основы, но и в стремлении обособиться при интерпретации общих вопросов от философии права, да и всей его общей теории.

Интересы науки и потребности прогрессивного преобразования общества требуют, на наш взгляд, усиления внимания к диалектико-материалистической, социальной философии права в единстве ее гносеологического и онтологического, гуманистического и этического, логического и аксиологического аспектов.

Мы пытались в предшествующем изложении описать марксистское решение важнейших вопросов современной научной философии права. И читателю нетрудно было убедиться в том, что одним из существенных моментов философского восприятия права является его понимание как объективно детерминированного и общезначимого масштаба свободы. Великое слово — Свобода — должно восприниматься как осознанная необходимость, как прогрессивно-творческая деятельность, как условие всестороннего проявления наилучших способностей личности, ее подлинно человеческих социальных качеств, как подлинно демократическое устройство общества, обеспечивающее равенство людей и справедливость. Об этом надо в самом конце книги сказать еще раз, так как до сих пор бытует, даже среди тех, кто занимается теорией государства и права, мнение, что свобода не в состоянии приблизить нас к социальному смыслу права коль скоро предполагает возможность совершения любых действий, и, наоборот, будто любой произвольный поступок человека может считаться правом, если последнее понимать как свободу. Мы уже приводили замечание Гегеля, считавшего подобное понимание свободы следствием полной философской необразованности. Действительный смысл социальной свободы был всесторонне вскрыт историческим материализмом.⁹ Здесь

⁷ См., напр.: Методологические проблемы советской юридической науки/Под ред. А. М. Васильева и др. М., 1980.

⁸ Право и социология/Под ред. Ю. А. Тихомирова, В. П. Казимирчука. М., 1973; Кульчар Р. Основы социологии права. М., 1981, и др.

⁹ Косолапов Р. И. Коммунизм и свобода. М., 1965.

же позволим себе привести выдержку из письма А. Линкольна, написанного еще во время гражданской войны в США: «Мы все за свободу, но, употребляя одно и то же слово, мы не имеем в виду одно и то же. Для некоторых слово «свобода» означает возможность для каждого делать все, что ему угодно... А для других то же самое слово означает возможность для некоторых людей делать все, что угодно, с другими людьми... Так получается, что процесс ежедневного освобождения тысяч людей от рабской зависимости одни приветствуют как прогресс свободы, а другие клянут как уничтожение всякой свободы».¹⁰ Да, идея свободы, как и все лучшие идеи человечества, находит, увы, своих фальсификаторов. И все же в наше время каждый человек доброй воли и достаточной сознательности знает, что представляет собой на самом деле социальная свобода.

Философия права — неперенный элемент правовой культуры, в том числе и социалистической. Мы не думаем, что этот компонент бесследно исчезнет в грядущей коммунистической духовной культуре, как не отвергнет она ни историю философии, ни историю самого права в качестве развивающегося от одной общественной формации к другой объективно обусловленного масштаба свободы, необходимо получавшего в классовом обществе, в «предыстории» человечества официальное признание со стороны государственной власти, придававшей этому общезначимому масштабу свойство нормативной обязательности, гарантированной организованным принуждением.

¹⁰ Цит. по кн.: Селзам Г. Мораль и право. М., 1962, с. 253.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Буржуазная классическая юриспруденция даже в пору своего былого расцвета никогда не отличалась стремлением проникнуть вглубь юридических реалий. Напротив, чаще всего выступала против такого рода попыток, весьма скептически относясь к тем мыслителям, которые искали за юридической формой какой-либо смысл, выходящий за рамки понимания права как приказа суверена, авторитета, государства. Даже развернувшаяся с начала XX в. борьба между юридическим догматизмом и социологизмом протекала, да и сейчас протекает, в узких границах признания реального существования лишь позитивного (властью признанного) права, в силу чего спор продолжается только по существу дела о том, надо ли считать правом одни юридические законы (иные нормативные акты государства) или правом следует считать, в первую очередь и главным образом, судебную практику, любые отношения, защищаемые организованным принуждением. И все же чисто юридическая концепция права, в любом ее современном варианте (этическом, психологическом или социологическом), продолжает испытывать трудности, как только сталкивается с жизнью, с необходимостью дать принципиальную оценку законодательства или судебной практики, подвергнуть действующее (позитивное) право критическому анализу. Например, Г. Кельзен, считающий свою концепцию права совершенно свободной от каких-либо метаюридических наслоений, в поздних работах признает, что «базисная» норма права генетически связана с идеями свободы, равенства и справедливости.¹ Противопоставляя свою теорию метафизической философии права, Э. Баллин считает недоразумением мнение о том, что юридический позитивизм непременно ведет к «некритическому почтению» к закону власти;

¹ Kelsen H. 1) Justice, law and politics in the mirror of science. Berkley; Los Angeles, 1957; 2) Die Grundlagen der Naturrechtslehre.—Osterreichische Zeitschrift für öffentliches Recht, 1963, H. 1—2.

он пишет, что такая критика может осуществляться исходя из «трансцендентального принципа права».² Однако этот принцип лежит за рамками норм позитивного права, и потому обращение к нему означает отход от позиций, не признающих существования правовых явлений за пределами официально признанной юридической формы, исходящих из тезиса, что право — это приказ суверена и не более.³ Конечно, социологическая юриспруденция ближе к жизни, нежели юридическая догматика, но и она, например, в лице Р. Паунда предлагает трехаспектное понятие права, не выходящее за пределы юридической регламентации (право — это правопорядок, процесс отправления правосудия и нормативно-правовой материал).⁴ И в этом случае, хотя и с большими теоретическими основаниями, трудно рассуждать о праве, ограничивая его государственными рамками. Потому тот же Р. Паунд говорит, что он и его сторонники предпочитают мыслить широким понятием правопорядка и процесса, нежели понятием книжного права как собрания сформулированных властью результатов, поскольку право — не столько результат, сколько инженерия, техника достижения такового, покоящаяся на ценностях, которые суть нужды практики.⁵ Следовательно, и тут налицо стремление найти какие-то метаюридические отправные основы права, хотя их ищут не в философском осмысливании действительности, а в узкопрагматическом истолковании жизни людей. В социологической юриспруденции позитивное право в виде юридического закона отступает на задний план, что создает предпосылку для теоретического оправдания беззакония и вместе с этим не создает никаких четких ориентиров для критики существующего юридического режима.

Если современная буржуазная юриспруденция (все ее течения) испытывает существенные затруднения, связанные, помимо прочего, с признанием права только как официально признанных государством институтов или отношений и потому, вопреки исходному своему положению, ищет все же его метаюридические основания, то не менее кризисное состояние характеризует нынешнюю буржуазную философию права, в том числе и концепцию возрожденного естественного права.⁶ Сторонники признания естественного права обвиняют своих оппонентов в аморальности их концепций, в отсутствии связи между их представлениями о праве со справедливостью, в том, что сугу-

² Ballin E. Eine transzendentalphilosophische Kritik und Weiterführung der Rechtslehre H. L. A. Harts. Basel, 1979.

³ Ott W. Der Rechtspositivismus. Berlin (West), 1975.

⁴ Pound R. Jurisprudence. Vol. 1—5. West Publishing Company, 1959.

⁵ Pound R. An introduction to the philosophy of law. New Haven, 1961.

⁶ Klenner H. Rechtsphilosophie in der Krise. Berlin (DDR), 1976.

бый формализм юриспруденции позволяет считать правом любое установление государства, в том числе и фашистские законы. В. Зигфрид полагает, что различие естественного и позитивного права дает возможность проникнуть в сокровенную суть последнего, имеет значение для обоснования правового государства и критики тоталитаризма.⁷ Непреходящее значение аристотелевского учения о естественном праве И. Риттер усматривает в том, что у древнегреческого философа субстанцией права провозглашалась природа человека, а не какие-либо трансцендентальные идеи; в природе человека надо искать разумность и истинность современного права.⁸ Об этом же еще в начале второй мировой войны писал Э. Кассирер.⁹

Полагая, что уничтожение юридическим позитивизмом идеи высшей природы основных прав человека явилось одной из предпосылок прихода к власти фашизма и является духовной основой любого тоталитарного режима, идеологи естественного права все же стали признавать, что спекулятивные философско-социальные построения всегда были слишком абстрактными или страдали переоценкой значимости разума, что право и разум необходимо проверять критерием общего блага, принципом «каждому свое», конкретными потребностями человека и вытекающими из них фундаментальными правами личности и т. п. Естественное право не может быть сведено лишь к нравственности, ему свойственны жизненная необходимость и социальная принудительность, без которых не могут удовлетворяться потребности людей, лежащие в основе фундаментальных прав человека. В этом отношении представляет известный интерес и концепция Л. Фуллера, который дает широкую трактовку естественному праву, означающему только то, что «имеются известные внешние критерии, обнаруживающиеся при известных условиях жизни людей, которые устанавливают некоторую меру (стандарт) оценки правоты принимаемых решений».¹⁰ Исходя из своеобразного понимания идеи естественного права, Л. Фуллер формулирует «внутреннюю мораль права», которая обеспечивает его бытие независимо от признания со стороны государства. Внутриправовые требования морали таковы: наличие правил, их общеизвестность, доступность, понятность, ориентированность на должное; возможность соблюдения этих пра-

⁷ Siegfried W. Der Rechtsgedanke bei Aristoteles. Zürich, 1947.

⁸ Ritter J. Metaphisik und Politik. Frankfurt, 1969.

⁹ Cassirer E. Logos, Dike, Kosmos in der Entwicklung der griechischen Philosophie. Göteborg, 1941.— Подробно описывает возрождение идей естественного права В. С. Нерсесянц (Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983, с. 324 и сл.), но, наверно, уместно обратить внимание, что даже, по свидетельству буржуазных ученых, ныне эти идеи развиваются большей частью консерваторами (Roubier P. Théorie générale du droit. Paris, 1947).

¹⁰ Fuller L. 1) The problems of jurisprudence. Brooklyn, 1949; 2) The morality of law. New Haven, 1964.

вил, отсутствие между ними противоречий, относительная стабильность и соответствие общественной практике. Концепция Л. Фуллера примечательна, на наш взгляд, тем, что ее автор стремится сблизить естественное и позитивное право по ряду формальных моментов (нормативность, обязательность и т. п.), но тем самым осуществляется решительный отход от традиционных идей естественного права. Именно это стремление многих современных философов права наполнить внеюридическое право позитивным содержанием, и даже позитивной формой, свидетельствует о том, что и в рамках буржуазного мировоззрения резкое противопоставление права закону выявило свои теневые стороны, закрыло путь к выяснению метаюридических оснований права и, вместе с этим, в практическом плане оказалось опасным, ибо такое противопоставление может быть использовано не только в прогрессивных, но и в реакционных целях, о чем, в частности, пишет и Л. Фуллер.

Современная буржуазная философия права отнюдь не сводится только к возрождению и модернизации теории естественного права. В философии права известны, в частности, феноменологические и экзистенциалистские течения. Поиск онтологии права связан и с признанием особой «природы вещей», благодаря которой отношения сами по себе несут свою меру и свой порядок. В отличие от марксистской, материалистической трактовки, под природой вещей буржуазные ученые-юристы чаще всего понимают не свойства реальных общественных отношений, а только собирательный термин, обозначающий все факторы, детерминирующие право. «Природа вещей» — это собирательное понятие,¹¹ это — мыслительная форма организации материала права.¹² Собственно говоря, при детализации чаще всего оказывается, что провозглашаемая «природа вещей», как основание права, есть нечто, толкуемое в духе экзистенциализма или феноменологии Гуссерля, т. е. в духе идеализма. Современное состояние буржуазной философии права ждет еще своего критического анализа со стороны советских теоретиков права, ее главные черты и основные направления описаны В. А. Тумановым.¹³ Однако, судя по известным нам публикациям,¹⁴ попытки объяснения сущности права на основе феноменологической и экзистенциалистской философии представляются малоубедительными. Весьма скромные успехи буржуазной современной науки о праве, даже на фоне ее собственного развития в прошлом, не мешают ей давать резко отрицательную оценку

¹¹ Henkel H. Einführung in die Rechtsphilosophie. München, 1964.

¹² Radbruch G. Die Natur der Sache als juristische Form. Hamburg, 1948.

¹³ Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. М., 1971, гл. 5.

¹⁴ Gusserl G. Recht und Zeit. Frankfurt, 1955; Cohn G. Existenzialismus und Rechtswissenschaft. Basel, 1955.

марксистско-ленинской общей теории права, в которой невежество, слабое знание трудов основоположников научного коммунизма часто сочетаются с намеренным искажением нашей теории, с политической спекуляцией и неприкрытым антикоммунизмом, подменяющим науку идеологической пропагандой. Пишут о том, что марксизм не относит право к системе социальных ценностей и предсказывает его отмирание, как и государства, не считаясь со значимостью прав человека.¹⁵ Пишут и о принципиальной несовместимости социализма с демократией, правом и законностью,¹⁶ а также о том, что становление постиндустриального общества отвергает весь марксизм, в том числе и его положение об обусловленности права экономикой, господствующими формами собственности.¹⁷ Диалектико-материалистическая философия права и реальная действительность опровергают подобные рассуждения. Вместе с этим следует сказать, что наиболее серьезные ученые Запада все чаще признают значение марксизма в познании права, считают Маркса одним из величайших мэтров философии права.¹⁸

Разумеется, признание Маркса не делает буржуазных ученых марксистами. Слишком часто изучение марксизма используется ими для борьбы против диалектико-материалистического учения о праве, хотя не все из них становятся на позиции антикоммунизма.

Современная действительность подтверждает жизненность марксистско-ленинской теории права и государства и, вместе с этим, задачи борьбы против империализма и его идеологии, задачи коммунистического преобразования общества и использования в этом революционном преобразовании права, требуют дальнейшего творческого развития подлинно научного понимания юридической формы общественных отношений, дальнейшего углубления наших знаний о ее генезисе, развитии и функционировании. Само собой разумеется, что марксистская философия права не занимается изучением ближайших причин и последствий, конкретных форм процессов правообразования и правоореализации, ее интересуют достаточно отдаленные причины и следствия этих социальных процессов, знание о которых выходит за рамки наличного опыта лишь сегодняшнего дня. Однако последовательно-материалистическая и революционная философия права отнюдь не носит умозрительного характера, она с успехом преодолевает идеалистическое юридическое мировоззрение, спекулятивность буржуазной философии, сциентистскую недалекновидность и ограниченный эмпиризм, который служит почвой юридического догматизма и не в состоянии преодолеть

¹⁵ Stoyanovich K. *Marxisme et droit*. Paris, 1964.

¹⁶ *Capitalism, socialism, democracy.—Comentary*, 1978, April.

¹⁷ Bell D. *The coming of post-industrial society*. New York, 1973.

¹⁸ *Archives de philosophie du droit*, t. XII, 1967, p. 216.

сугубо формального подхода к юридическим реалиям. Будучи ядром марксистско-ленинской общей теории права, диалектико-материалистическая философская трактовка этого сложного, многогранного и разноуровневого феномена позволяет выяснить саму суть права и его социальную ценность, закономерности, свойственные правовому опосредованию человеческой деятельности, и использовать эти объективные свойства и законы в интересах общественного прогресса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ К СУЩНОСТИ ПРАВА

Глава первая. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРАВА	7
§ 1. Право—сложный феномен общественной жизни	7
§ 2. Экономические и правовые отношения	15
§ 3. Политические отношения, государственная власть и юридический закон	25
§ 4. Нравственное сознание, справедливость и действующее право	35
§ 5. Правовые системы прошлого и настоящего	40
Глава вторая. ЛИЧНОСТЬ И ПРАВО	52
§ 1. Человек, личность, гражданин	52
§ 2. Фактический и юридический статус личности	58
§ 3. Права личности. Право – способ существования социальных качеств человека	64
Глава третья. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ПРАВА	73
§ 1. Право и вся юридическая действительность классового общества	73
§ 2. Единая сущность права разного порядка и уровня	80
§ 3. Субъективное и объективное право как непосредственное проявление глубинной сущности права	88
§ 4. Динамизм научного понятия права и его статичные определения	98

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОТ СУЩНОСТИ ПРАВА К ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Глава четвертая. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОСУДИЕ	113
§ 1. Процесс правообразования и нормотворчество государства	113
§ 2. Правореализация и государственные акты применения общих норм	127
§ 3. Соотношение законодательной, исполнительной и судебной деятельности в государстве	135

§ 4. Демократические принципы законодательствования и отправления правосудия	141
§ 5. Юстиция, юрисдикция и юриспруденция	150
Глава пятая. ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК	154
§ 1. Законность и охрана прав граждан	154
§ 2. Правопорядок и правовое государство	159
§ 3. Правонарушение и восстановление правопорядка	167
§ 4. Международный правопорядок	177
Глава шестая. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА	183
§ 1. Интегративность правовой культуры	183
§ 2. Становление и стадии роста правовой культуры	186
§ 3. Социальная ценность правовой культуры	190
§ 4. Философия права и современность	193
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	200